

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Соколова Нина Оганесовна

**СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Научная специальность

5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы
(социологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
кандидат социологических наук,
доцент В.И. Немчина

Ростов-на-Дону – 2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ	25
1.1. Социальные ресурсы территориальных общностей: социологический дискурс	25
1.2. Институциональная среда формирования и развития социальных ресурсов территориальной общности	47
1.3. Методологические основы исследования социальных ресурсов территориальных общностей	61
ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	88
2.1. Факторы институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.....	88
2.2 Региональный аспект детерминации формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.....	114
2.3 Потенциал развития и барьеры формирования социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	162
ПРИЛОЖЕНИЯ	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. С момента зарождения социологической науки генезис исследовательской методологии тесно связан с изучением проблем развития социальных общностей. С этой точки зрения поднимаемую в данном диссертационном исследовании проблему нельзя назвать новой. Однако, несмотря на достаточно продолжительную историю поиска решений, вопрос все еще остается актуальным. Среди причин подобного положения можно указать следующие:

- потребности человека растут вместе с ростом получаемых им цивилизационных благ, а развитие человеческого сообщества всегда приобретает новые целевые горизонты;
- ряд проблем, возникающих перед человеком в процессе его жизнедеятельности, все еще не получили должного решения.

При этом, говоря о развитии социальных общностей, необходимо учитывать исторический, культурный и территориальный контекст. Территориальные общности характеризуются неравномерностью распределения социальных благ, что отражается на качестве жизни людей и степени социальной напряженности общества. Задачи государственных и муниципальных органов управления связаны с формированием институциональной среды, позволяющей: гибко реагировать на социальные запросы населения; способствовать формированию социальных ресурсов; солидаризировать усилия населения по решению социальных проблем; вырабатывать навыки саморазвития, самообеспечения и социальной самостоятельности.

Особую важность исследованию процессов формирования и развития социальных ресурсов придает современная российская событийная динамика. Социально-экономическая неопределенность провоцирует дестабилизирующие процессы в институциональной системе, повышает

уровень ее рискогенности и угроз. Необходимость выявления потенциала упорядоченности и предсказуемости социальных процессов становится еще одним доводом в пользу актуальности исследования формирования и возможности развития социальных ресурсов территориальных общностей с позиций влияния региональной институциональной среды.

Выбор Ростовской области в качестве региона исследования имеет несколько весомых обоснований, среди которых прежде всего можно обозначить разнообразие территориальных общностей – от крупных городов до малых сел и поселков, – что позволяет выявить специфические особенности и различные подходы к использованию социальных ресурсов. Ростовская область сталкивается с вызовами в области социальной стабильности, миграции и экономического развития, что подчеркивает необходимость в эффективном использовании социальных ресурсов для преодоления этих проблем. При этом Ростовская область является одним из ключевых субъектов Российской Федерации с развитой промышленностью, сельским хозяйством и аграрными ресурсами, что определяет уникальную среду для исследования социальных ресурсов, обеспечивающих взаимодействие в рамках территориальных общностей. И наконец, в Ростовской области действует множество институтов власти, НКО и гражданских инициатив, что создает особую институциональную среду, а отношение к этим значимым компонентам институциональной среды позволит понять, как данные факторы влияют на формирование и развитие социальных ресурсов.

Таким образом, выбор Ростовской области в качестве региона исследования обусловлен ее уникальными социально-экономическими и культурными характеристиками, наличием разнообразных институциональных факторов и актуальностью исследуемой темы для развития территориальных общностей региона. Ростовская область, являющаяся одним из ключевых регионов России, демонстрирует уникальные социальные и экономические характеристики, влияющие на

развитие территориальных общностей. Исследование факторов формирования и развития социальных ресурсов в данном регионе важно для понимания потенциала и барьеров, с которыми сталкиваются местные сообщества. Поэтому для достижения устойчивого развития территориальных сообществ Ростовской области необходимо учитывать факторы как внутренний потенциал и возможности преодоления существующих барьеров формирования и развития социальных ресурсов.

Степень разработанности проблемы исследования. В научных источниках сформирован достаточно большой арсенал теоретических знаний и методологических наработок, определяющих специфику развития социальных ресурсов. В силу междисциплинарной актуальности данного понятия на текущий момент не существует единой всеохватывающей теории. Социальные ресурсы являются объектом изучения в трудах многих ученых, работающих в области социологии, управления и экономики.

Теория социальных ресурсов были заложены в работах М. Доненфелда¹. Дальнейшее развитие данной проблематики показало достаточно разнообразную интерпретационную палитру, в рамках которой разрабатывается понятие «социальные ресурсы». Оно понимается как сложный элемент социальной реальности, обладающий всей полнотой социальных свойств и признаков (П.А. Банников, А.В. Верещагина, Е.В. Головацкий, А.З. Гусов, Ю.А. Дроздова, Ю.В. Жадько, Р.В. Иванов, В.И. Курбатов, Л.А. Лесина, Д.В. Литвинов, Е.В. Логачева, Л.Н. Логачева, Л.П. Морозова, А.В. Попов, В.С. Пусько, О.Б. Репкина, А.Г. Тюриков, Е.М. Харитонов, А.А. Чернега²). Подчеркивая разноплановость понятия,

¹ Donenfeld M.J. The meaning of social resources // The Journal of Educational Sociology. 1940. Vol. 13 (9). P. 560–564.

² Банников П.А. Междисциплинарная сущность, значение, виды и особенности социальных ресурсов предприятия // Вестник экономической науки Украины. 2016. № 2. С. 17–22; Головацкий Е.В. Проблемы и перспективы исследования политических нововведений в аспекте мобилизации социальных ресурсов территории (преимущества социологических подходов) // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6. С. 24–31; Гусов А.З., Репкина О.Б. Социальные ресурсы и риски промышленной революции 4.0 в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология. 2019. Т. 21, № 1. С. 5–12; Дроздова Ю.А. Методология исследования социальных ресурсов территориальных общностей //

И.В. Нечаева пишет, что социальные ресурсы «в комплексе объединяют внешние, объективные ресурсы социальной среды и субъективные социальные диспозиции личности»¹. Интересную проработку данного вопроса предпринял В.А. Ядов, который предложил список элементарных составляющих социального ресурса личности². Т.И. Заславская отмечала, что, эволюционируя в ходе своего развития, социальные ресурсы превращаются в источник инновационных преобразований общества³.

Исследователи О.С. Бекетова и А.И. Гришак, систематизировав наработки отечественных и зарубежных ученых, указали на следующие концепции, связанные с проблемой развития социальных ресурсов: «1) человеческого фактора, 2) человеческих ресурсов, 3) человеческого потенциала, 4) человеческого капитала, 5) социального капитала»⁴.

Исследование влияния человеческого фактора на общественное развитие отражено в трудах И.Е. Задорожнюк, Г.И. Царегородцева, Г.Х. Шингарова⁵.

Возможности применения результатов эмпирических исследований для изучения актуальных проблем современности: сб. материалов всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Орел: Среднерусский ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2022. С. 73–81; Жадько Ю.В. Социальные ресурсы личности в современной организации // Адлеровские социологические чтения. 2008. Т. 3. С. 117–119; Лесина Л.А. Доступность социальных ресурсов как факторов актуализации личностного потенциала молодежи // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: сб. материалов V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 10313–10321; Литвинов Д.В., Иванов Р.В. Социальный ресурс политиков в социологическом измерении // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 81; Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалиях / Е.М. Харитонов, В.С. Пусько, А.В. Верещагина [и др.] // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 4. С. 221–233; Чернега А.А. Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2–2. С. 157–161.

¹ Нечаева И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, № 1. С. 26.

² Ядов В.А. Социальный ресурс индивида и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. С. 310–319.

³ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе (окончание) // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13–25.

⁴ Бекетова О.С., Гришак А.И. Сравнительная характеристика концепций социальных ресурсов управления // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 8. С. 27.

⁵ Шингаров Г.Х., Царегородцев Г.И., Задорожнюк И.Е. Человеческий фактор – важнейшее условие общественного прогресса в XXI веке // Труды СГУ. Вып. 85. Гуманитарные науки. М.: Изд-во СГУ, 2005. С. 113–124.

Концепция человеческого потенциала развивается (Г.П. Бессокирная, О.А. Большакова, Т.И. Заславская, Т.М. Караханова, Н.М. Римашевская¹).

Вопросы развития человеческих ресурсов поднимают в своих исследованиях М. Армстронг, Ф. Герцберг, Р. Лайкерт, И.И. Новикова². Для ученых (Г. Беккер, Т. Шульц³), разрабатывавших концепцию человеческого капитала, стала очевидна необходимость активизации ресурсов посредством инвестиций в развитие социальной среды. Эти идеи нашли свое продолжение в работах других авторов (Г. Аширова, Дж. Коулман, Н.Б. Куклина, Л. Нестеров⁴). Концепция социального капитала (В.В. Радаев⁵), как полагают О.С. Бекетова и А.И. Гришак, предполагает возможность конвертации ресурсной составляющей и социальных взаимоотношений⁶.

Социальные ресурсы связывают также с социальным капиталом (П. Бурдые, Ю.А. Дроздова, А.В. Дятлов, В.В. Зотов, Е.А. Преликова, Н.Е.Тихонова, В.А. Ядов, М.А. Ядова, Н.И. Яковлева⁷).

¹ Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 5–16; Её же. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе (окончание); Караханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А. Человеческий потенциал и свободное время в контексте российской повседневности // *Россия реформирующаяся*. М. : Ин-т социологии РАН, 2018. Вып. 16. С. 393–436; Римашевская Н.М. Человеческий потенциал России: взгляд в 21 век // *Народонаселение*. 1999. № 1. С. 9–19.

² Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2005. 132 с.; Новикова И.И. Оценка социальных ресурсов, влияющих на конкурентоспособность сельских территорий // *Островские чтения*. 2018. № 1. С. 352–357; Herzberg F. One more time: How do you motivate employees? // *Harvard Business Review*. 2003. Vol 46 (1). P. 53–62; Likert R. *The human organization: Its management and value*. N.Y.: McGraw-Hill, 1967. 258 p.

³ Becker G. *Human capital*. N.Y.: Columbia University Press, 1964. 187 p.; Schulz T.W. Investment in human capital // *American Economic Review*. 1961. № 51. 17 p.

⁴ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139; Куклина Н.Б. Социальные ресурсы личности как проблема современного образования // *Сибирский педагогический журнал*. 2012. № 8. С. 161–164; Нестеров Л., Аширова Г. Национальное богатство и человеческий капитал // *Вопросы экономики*. 2003. № 2. С. 103–110.

⁵ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.

⁶ Бекетова О.С., Гришак А.И. Указ. соч.

⁷ Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6, № 3. С. 60–74; Дроздова Ю.А. Методология исследования социальных ресурсов территориальных общностей; Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2005. 268 с.; Зотов В.В., Преликова Е.А. Капитализация как процесс обобществления социальных ресурсов индивида // *Коммуникология*. 2019. Т. 7, № 4. С. 97–106; Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35; Ядов В.А. Указ. соч.; Ядова М.А. Социальные ресурсы и адаптивные стратегии российской молодежи // *Социологический альманах: сб. материалов XI «Орловских социологических чтений»*. Орел: Среднерусский ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2020. С. 247–248; Яковлева Н.И. Социальные ресурсы и препятствия в достижении жизненного успеха // *Вестник Государственного социально-гуманитарного университета*. 2019. № 2. С. 89–95.

Для отечественной науки характерно исследование социальных ресурсов с позиции:

- их территориальной детерминированности (А.В. Вотинов, И.И. Новикова¹);
- территориальной специфики развития социальных ресурсов (А.Л. Бурмакина, Я.А. Брандт, Е.В. Головацкий, Т.А. Гужавина, Ю.А. Дроздова, Т.А. Зудочкина, С.Г. Климова, Е.А. Кранзеева, И.В. Щербакова²);
- применения ресурсного подхода для исследования территориальных общностей (В.Н. Гурба, Ю.А. Дроздова, А.В. Дятлов, В.В. Узунов³);
- несовпадения социальных ресурсов сельской и городской территориальной общности (А.И. Карагулова, И.В. Нечаева, И.И. Новикова, М.Ю. Мореханова, М.С. Муханбетчина, В.Н. Рубцова, Т.В. Рязанцева⁴);
- детального анализа процессов развития городских общностей (Ч.И. Ильдарханова, В.И. Ильин, И.А. Янкина⁵);

¹ Вотинов А.В. Социальные ресурсы экономического развития региона // Социология власти. 2012. № 2. С. 175–182; Новикова И.И. Указ.соч.

² Гужавина Т.А. Социальный капитал как ресурсный потенциал сельских территорий // 4-е Всероссийские Беловские чтения: сб. материалов конф. Вологда: ВНИЦ РАН, 2017. С. 398–402; Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 10. С. 82–103; Зудочкина Т.А. Современные тенденции формирования социальных ресурсов депрессивных территорий Саратовской области // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2019. № 1. С. 42–46; Климова С.Г., Щербакова И.В. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 12–27; Национальные проекты в регионе: ресурсы местных сообществ Кузбасса / Е.А. Кранзеева, Е.В. Головацкий, А.Л. Бурмакина, Я.А. Брандт // Управление устойчивым развитием. 2020. № 5. С. 57–68.

³ Гурба В.Н., Узунов В.В. Реалии и перспективы инновационного развития регионов Юга России (по итогам экспертного опроса) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 18–25; Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей; Дятлов А.В. Влияние состояния социальных ресурсов на экономическую безопасность России // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 278–284.

⁴ Карагулова А.И. Социальные ресурсы сельскохозяйственных предприятий и их развития // Известия вузов (Кыргызстан). 2014. № 11. С. 100–102; Нечаева И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства; Новикова И.И. Указ. соч.; Рубцова В.Н., Мореханова М.Ю., Муханбетчина М.С. Социальные ресурсы повышения эффективности национальных программ развития сельских территорий Республики Казахстан // Инновационная деятельность. 2013. № 3. С. 109–117; Рязанцева Т.В. Риски воспроизводства социальных ресурсов сельских территорий в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Островские чтения. 2020. № 1. С. 259–262.

⁵ Ильдарханова Ч.И. Переоткрытие социальной реальности города и села // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 228–235; Ильин В.И. Социальная структура в транзитивном пространстве российского мегаполиса // Мир России. 2010. № 1. С. 89–126; Янкина И.А. Качество жизни населения как критерий эффективности управления городской средой // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 5. С. 133–137.

– исследования сельских общностей (Т.А. Гужавина, Ю.А. Дроздова, А.И. Карагулова, Ю.А. Метелицкая, И.В. Нечаева¹);

– оценки ресурсов и их состояния (О.В. Нечипоренко, Т.В. Рязанцева²).

В рамках данного диссертационного исследования особый интерес представляют работы, посвященные изучению особенностей институциональной среды и развитию социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области (Г.С. Денисова, В.И. Немчина, Н.О. Соколова³). Территориальные факторы, выступая внешней средой для социальных ресурсов, определяют ограничительные рамки для развития последних и детерминируют набор факторов, обуславливающих их формирование. Среди таких факторов исследователи указывают: качества и условия жизни населения (Е.В. Головацкий, Б. Мехерет, И.В. Нечаева, И.И. Новикова, А.В. Рачипа, Т.Д. Стрельникова, С. Фисша, Л.Л. Шпак, И.А. Янкина⁴); миграционные процессы (Г.С. Денисова, Ю.А. Дроздова⁵); национальный состав населения и межэтнические отношения (М.А. Герман, В.И. Денисов, Г.С. Денисова,

¹ Гужавина Т.А. Указ. соч.; Дроздова Ю.А., Метелицкая Ю.А. Территориальная идентичность как фактор развития сельских общностей // Социология. 2020. № 2. С. 106–116; Карагулова А.И. Указ. соч.; Нечаева И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства.

² Нечипоренко О.В. Ресурсы и практики самоорганизации сельских сообществ в контексте современных структурных изменений // Островские чтения. 2018. № 1. С. 348; Рязанцева Т.В. Указ. соч.

³ Денисова Г.С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области // Регионология. 2021. Т. 29, № 1. С. 126–150; Немчина В.И., Соколова Н.О. Социально-экономические условия формирования социальных ресурсов Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 6. С. 145–160.

⁴ Головацкий Е.В., Шпак Л.Л. Социальные ресурсы в образовательном пространстве региона // Философия образования. 2009. № 4. С. 97–104; Нечаева И.В. Методологическое обоснование исследования социальных ресурсов формирования предпринимательских стратегий // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2013. № 2. С. 27; Новикова И.И. Указ. соч.; Стрельникова Т.Д. Социальные ресурсы региона в современных условиях хозяйствования // Стратегические инициативы социально-экономического развития хозяйствующих субъектов региона в условиях внешних ограничений: сб. материалов международной науч.-практ. конф. Воронеж: Ритм, 2017. С. 304–310; Рачипа А.В., Янкина И.А. Социологический подход к анализу качества жизни молодежи: теоретический и методологический аспекты // Казанская наука. 2011. № 6. С. 76–78; Sintayoh Fissaha, Meheret Brehanu. Decentralization as a commitment to rise public services and improve quality of rural life in Ethiopia: A case study // Journal of Public Administration and Governance. 2017. Vol 7 (4). P. 255–277.

⁵ Денисова Г.С. Указ. соч.; Дроздова Ю.А. Миграция как социальный ресурс территориальных общностей // Primo Aspectu. 2020. № 1. С. 56–64.

С.Я. Суций¹); неформальные практики, связанные со взаимодействием с семьей, друзьями и соседями (А.В. Аперян, В.В. Ковалев, Я.В. Свило, С.В. Снежко, Н.И. Яковлева²). Р.Д. Хунагов рассматривает институциональные практики, способствующие развитию регионов в контексте консолидационных процессов³.

Исследование территориальной общности в контексте формирования и развития социальных ресурсов ученые связывают и с проблемой эффективного управления (Е.А. Бритикова, Ф. Герцберг, И.Е. Задорожнюк, Р. Лайкерт, М.С. Муханбетчин, Э. Мэйо, И.В. Нечаева, В.Н. Рубцова, Г.И. Царегородцев, Г.Х. Шингаров, И.А. Янкина⁴). Процесс наращивания социальных ресурсов в работах отечественных ученых связывается с экономическим развитием региона (А.В. Вотинов⁵), экономической безопасностью России (А.В. Дятлов⁶), источниками экономического роста РФ (М.В. Кобакин, А.Г. Тюриков⁷).

Обоснование целесообразности применения ресурсного подхода достаточно широко представлено в работах зарубежных (П. Бурдые,

¹ Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г.С. Денисова, М.А. Герман, В.И. Денисов, С.Я. Суций. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 188 с.

² Аперян А.В., Ковалев В.В. Влияние семьи на характеристики социального неравенства: анализ социологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 73–78; Свило Я.В. Социальные ресурсы личности. Восприятие уровня социальной поддержки личности у младших школьников из полных семей // Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: материалы Всероссийской (с международным участием) студ. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: Стринг: Межрегиональный открытый социальный ин-т, 2021. С. 161–164; Снежко С.В. Неформальные отношения как социальный ресурс организации // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2010. № 1. С. 17–26; Яковлева Н.И. Указ. соч.

³ Хунагов Р.Д. Инновационные институциональные практики как фактор консолидации регионального пространства // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 5. С. 45–54.

⁴ Бритикова Е.А. Постсоветская модернизация России: значение властного ресурса (Статья 2) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 11. С. 112–117; Нечаева И.В. Методологическое обоснование исследования социальных ресурсов формирования предпринимательских стратегий; Шингаров Г.Х., Царегородцев Г.И., Задорожнюк И.Е. Указ. соч.; Янкина И.А. Указ. соч.; Herzberg F. Op. cit.; Likert R. Op. cit.; Mayo G.E. Research in human relations // Personnel. 1941. Vol. 17. P. 264–269.

⁵ Вотинов А.В. Указ. соч.

⁶ Дятлов А.В. Влияние состояния социальных ресурсов на экономическую безопасность России.

⁷ Тюриков А.Г., Кобакин М.В. Управление социальными ресурсами экономического роста Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 5. С. 37–42.

Э. Гидденс, Р. Патнэм¹) и российских ученых (Т.И. Заславская, Ю.А. Дроздова, Е.А. Карелина, Е.И. Макаренко, Н.Е. Тихонова, В.Н. Шиян²). Ряд исследователей предлагает дополнить ресурсный подход стратификационным анализом социальной среды (В.Ф. Анурин, М.К. Горшков, Н.В. Давыдова, А.В. Дятлов, В.И. Ильин, В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан³), который позволяет фиксировать характер распределения ресурсов в социальной среде (с возможностью выделения сильно-ресурсных и слабонересурсных групп). Р.Д. Хунагов отмечает, что именно ресурсный потенциал способствует становлению региональных консолидационных процессов⁴. Взаимозависимость социального потенциала и консолидации регионального сообщества описывается В.В. Кривопусковым⁵.

Исследователь Ш. Цуру⁶ указывает, что развитие социально-экономических систем (в том числе таких, как территориальные общности) наиболее полно можно описать в ходе применения институционального подхода (О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина, Р. Коуз, В.В. Радаев, О. Уильямсон⁷).

¹ Бурдье П. Указ. соч.; Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М: Академический проект, 2005. 528 с.; Putnam R. Bowling alone: America's declining social capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6 (1). P. 65–78.

² Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей; Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе; Макаренко Е.И., Карелина Е.А. Ресурсный подход к современной технической интеллигенции // Социология. 2020. № 2. С. 143–152; Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–41; Шиян В.Н. Социальные ресурсы российского Дальнего Востока в его стратегической модернизации // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 4. С. 22–31.

³ Анурин В.Ф. От Москвы до самых окраин (социальное неравенство: региональный разрез) // Социология. 2005. № 3–4. С. 232–252; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 16–21; Давыдова Н.В. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 169–182; Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук; Ильин В.И. Социальная структурация в транзитивном пространстве российского мегаполиса; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

⁴ Хунагов Р.Д. Консолидационные процессы в региональном социуме: этапы становления и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 5. С. 45–58.

⁵ Кривопусков В.В. Роль регионального сообщества как фактора консолидации России // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 44–55.

⁶ Tsuru Sh. Institutional economics revisited. Cambridge: CUP, 1993. 204 p.

⁷ Бессонова О.Э. Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы // Экономическая наука современной России. 2007. № 2. С. 23–33; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 1. С.

Развитие социальных ресурсов во многом определяется объективными параметрами, которые задаются состоянием социально-экономической среды, В связи с этим авторы обосновывают необходимость применения статистического анализа и использования объективных данных при оценке социальных ресурсов (Л.П. Богданова, Т.А. Зудочкина, А.В. Мозговая, Т.Е. Родина, И.П. Смирнов, Е.В. Шлыкова¹). Социологический подход к изучению социальных ресурсов наиболее полно обосновывается в работах В.А. Ядова и М.А. Ядовой².

Значительное количество работ, которые составляют дискурсивное поле в области изучения влияния факторов институциональной среды на формирование и развитие социальных ресурсов, имеют фрагментарный характер с точки зрения методологических подходов к исследованию, интерпретации социальных явлений и процессов. Таким образом, возникает необходимость проведения социологического исследования, позволяющего осуществить конвергенцию анализа объективной статистической информации и субъективных данных, полученных в результате применения опросных методик, для понимания социальных ресурсов территориальной общности и особенностей их формирования и развития в региональном контексте.

101–115; Радаев В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 109–130; Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.; Coase R. The new institutional economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. Vol. 140. P. 229–231.

¹ Богданова Л.П., Смирнов И.П. Социальные ресурсы и социальная активность местных сообществ: опыт исследования // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы международной науч. конф. в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Барнаул: Изд-во: Алтайск. гос. ун-та, 2018. С. 136–140; Зудочкина Т.А. Указ. соч.; Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 25–49; Родина Т.Е. Социальные ресурсы и методы их увеличения // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 5. С. 120–126.

² Ядов В.А. Указ. соч.; Ядова М.А. Социальные ресурсы и адаптивные стратегии российской молодежи. С. 247–248.

Цель работы – выявить факторы институциональной среды Ростовской области, способствующие либо препятствующие формированию и развитию социальных ресурсов населения региона.

Для достижения поставленной цели диссертационного исследования и проверки выдвигаемой гипотезы были выделены **следующие задачи**:

1) проанализировать основные теоретические подходы к исследованию социальных ресурсов территориальной общности, сложившиеся в научном дискурсе;

2) выявить структуру институциональной среды и ее влияние на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей;

3) определить методологическую основу социологического исследования влияния факторов институциональной среды на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей;

4) выделить факторы институциональной среды, влияющие на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области;

5) определить влияние уровня развития и типа поселения Ростовской области на субъективную оценку социальных ресурсов территориальных общностей;

6) выявить и классифицировать факторы, способствующие и препятствующие формированию и развитию социальных ресурсов территориальных общностей в Ростовской области.

Объектом исследования выступают социальные ресурсы территориальных общностей Ростовской области.

Предмет исследования – институциональная среда формирования и развития социальных ресурсов в территориальных общностях различных типов Ростовской области.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что социальные ресурсы территориальной общности представляют собой совокупность

возможностей территориальной общности в плане устойчивого развития и повышения уровня жизни населения. При этом сочетание факторов институциональной среды территории и субъективная оценка этих возможностей могут выступать как стимулом, так и барьером в формировании и развитии социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области. Влияние факторов институциональной среды на социальные ресурсы раскрывается через актуализацию самих ресурсов в контексте достижения как личных целей членов территориального сообщества, так и целей общего развития территориальной общности.

Теоретико-методологическая база исследования. Теоретическими основаниями проведения исследования послужили:

– системный подход, позволяющий рассматривать как единое целое социальные ресурсы территориальных общностей и институциональную среду, в рамках которой они формируются и развиваются;

– институциональный подход, позволяющий учитывать влияние институциональной среды, формирующей условия взаимодействия субъектов территориальной общности, включая субъективную оценку распределения разного рода ресурсов между ними;

– общностный подход, позволяющий определить территориальную общность в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой и самостоятельной совокупности людей, объединенной по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, политическим и иным основаниям, реализующей функции самостоятельного субъекта социального действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования;

– структурный подход, обосновывающий идею о том, что в социальных ресурсах заключен воспроизводственный потенциал существующей социальной структуры;

– деятельный подход, позволяющий предположить, что социальные ресурсы определяют способность самой территориальной общности к развитию, реализующуюся через устремления и активность субъектов;

– средовой подход, позволивший сформировать концептуальные основания, определяющий взаимодействие человека с институциональной средой для эффективной реализации свои личных целей и целей территориальной общности, в которую он включен;

– ресурсный подход, определяющий возможность рассмотреть социальные ресурсы территориальной общности как совокупность материальных активов и нематериальных элементов, таких как человеческий капитал, культурные традиции, социальные связи;

– стратификационный подход, позволяющий выявить неоднородность характеристик социальных ресурсов, сформированных в рамках одной институциональной среды;

– сравнительный подход, позволяющий сопоставить потенциал социальных ресурсов различных территориальных общностей.

В работе применяются такие общенаучные методы и исследовательские приемы, как синтез, анализ, обобщение, классификация.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирической основой проведения контент-анализа послужили документальные источники (научные работы), размещенные на сайте РИНЦ (218 публикаций, где в качестве одного из ключевых слов заявлено понятие «социальные ресурсы»).

Основой проведения статистического анализа стали данные (демографические и социально-экономические показатели состояния институциональной среды) по Ростовской области, городам Ростову-на-Дону и Таганрогу, размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики¹. Анализируются данные 2017–2022 гг.

¹ Социально-экономическое положение Ростовской области / Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://gks.ru/region/doc1160/Main.htm> (дата обращения: 19.07.2024).

Эмпирической основой исследования стали данные анкетного опроса, проведенного в городах Ростове-на-Дону, Таганроге и сельских поселениях Азовского, Белокалитвинского, Веселовского, Шолоховского районов Ростовской области. Опрос проводился в 2022–2023 гг. Выборка репрезентативна текущему социально-демографическому составу населения и составила по 200 человек из каждой рассматриваемой территориальной общности.

Основой для получения результатов эмпирического исследования послужили: количественный метод анализа документов (контент-анализ), позволяющий определить основные подходы к интерпретации содержания социальных ресурсов; методы статистического анализа (расчет коэффициента корреляции Пирсона с оценкой значимости по критерию Стьюдента), позволяющего оценить степень линейной зависимости между социально-демографическими и экономическими показателями развития территориальной общности Ростовской области.

Сбор первичной информации был произведен с помощью анкетного опроса. Социологический подход к изучению социальных ресурсов наиболее полно представлен в работах В.А. Ядова¹, послуживших основой композиции исследовательского инструментария, примененного в данной диссертации.

Для статистической обработки данных были использованы программы Microsoft Excel для Mac Версия 16.70, «Программа компьютерной обработки результатов социальных исследований (ПКОРСИ)» (свидетельство о госрегистрации программ для ЭВМ № 2012613855).

Результаты диссертационного исследования характеризуются наличием **элементов научной новизны:**

1. Анализ основных подходов к исследованию социальных ресурсов, сложившихся в теоретическом дискурсе, позволил сформулировать понятие «социальные ресурсы территориальной общности», содержание которого

¹ Ядов В.А. Указ. соч.

обусловлено конкретным социальным контекстом, определяющим его коннотацию, и выражает совокупность возможностей и способностей удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей членов территориальной общности, способствующих воспроизводству и развитию данной общности.

2. Выделены структурные элементы институциональной среды территориальной общности: взаимодействующие субъекты (государственные и местные органы управления, общественные организации и граждане), формальные (официальные правила поведения) и неформальные институты (обычаи, традиции, социальные практики), а также внешние (административно-территориальные, экономические, экологические, правовые, геополитические) и внутренние факторы (объективные и субъективные), оказывающие влияние на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей.

3. Обоснован выбор методологии социологического исследования факторов институциональной среды Ростовской области, влияющих на актуализацию социальных ресурсов территориальных общностей, которая охватывает институциональный, ресурсный, средовой, стратификационный и общностный подходы, позволяющие определить совокупность факторов институциональной среды, оказывающую влияние на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области. В исследовании применяется социологический инструментарий (анализ статистических данных, анкетный опрос), позволяющий выявить объективные и субъективные показатели состояния институциональной среды территориальных общностей Ростовской области.

4. На основе анкетного опроса, проведенного в поселениях различных типов Ростовской области (города Ростов-на-Дону, Таганрог, поселения Азовского, Белокалитвинского, Веселовского, Шолоховского районов) выделены объективные факторы институциональной среды Ростовской области, детерминирующие процессы формирования и развития социальных

ресурсов (тип поселения, демографическая структура территориальной общности, включенность территориальной общности в систему государственных и региональных отношений, уровень экономического развития территории, уровень безработицы, миграционные процессы, доходы населения).

5. Установлено, что поселенческая дифференциация Ростовской области оказывает значительное влияние на восприятие местным населением факторов институциональной среды, определяющих развитие территориальных общностей. Анализ восприятия факторов позволяет выявить диссонанс между субъективными оценками жителей поселений различных типов Ростовской области и объективными показателями, представленными в статистических данных и других официальных источниках.

6. Определены формальные и неформальные факторы институциональной среды Ростовской области, которые представляют собой барьеры, сужающие возможности формирования и использования потенциала социальных ресурсов, и благоприятные факторы, оцениваемые жителями различных поселений региона как условия, способствующие развитию социальных ресурсов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Методом контент-анализа определено, что понятие «социальные ресурсы» не только является отражением социальной действительности, но и развивается вместе с социальной реальностью и процессом ее познания. Процесс формирования и семантического наполнения понятия «социальные ресурсы» в научном сообществе зависит от конкретной социальной ситуации, детерминированной социально-экономической обстановкой и территориальной спецификой. Содержание понятия претерпевает определенные изменения, в то время как его семантическое ядро остается относительно стабильным. Социальные ресурсы территориальной общности охватывают различные аспекты взаимодействия между людьми и социальной

средой, а также определяют способность достигать поставленных целей. В исследовании вводится понятие «социальные ресурсы территориальных общностей» как совокупность возможностей удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей, способствующих развитию и поддержанию стабильности социальной структуры и взаимодействия внутри территориальной общности.

2. Институциональная среда территориальной общности образует сложную систему, включающую элементы, отношения и факторы, определяющие специфику территориальных общностей. Основными элементами институциональной среды выступают: органы государственного управления, НКО, формы хозяйственной деятельности, культурные и образовательные учреждения. Система отношений, определяющая институциональную среду территориальной общности, включает формальные (законодательные акты) и неформальные (обычаи, традиции, установки) формы взаимодействия. В структуре факторов институциональной среды выделяются внешние (административно-территориальные, экономические, экологические, правовые, геополитические) и внутренние факторы, совокупность которых может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на развитие территориальных общностей. В структуре внутренних факторов выделены объективные (тип поселения, демографическая ситуация, уровень экономического развития территории, масштабы безработицы, миграционные процессы, доходы населения) и субъективные факторы (восприятие социального положения, оценка качества жизни, удовлетворенность государственным управлением, ожидания членов территориальной общности).

3. Методологическая стратегия социологического исследования условий формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей опирается на институциональный, ресурсный, средовой, стратификационный и общностный подходы, совокупность которых

позволяет определить факторы институциональной среды, оказывающие влияние на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей. В исследовании применяется социологический инструментарий, позволяющий выявить объективные и субъективные показатели состояния институциональной среды территориальных общностей Ростовской области. Социологическое исследование опирается как на объективные показатели, характеризующие состояние социальных ресурсов территориальных общностей, так и на субъективные показатели, выявленные в ходе анкетирования населения поселений различных типов Ростовской области. Данная методологическая стратегия дает возможность глубже проанализировать степень взаимосвязи между социальными ресурсами и институциональной средой, характерной для конкретной территориальной общности. Она позволяет не только выявить уровень этой обусловленности, но и оценить восприятие жителями потенциала социальных ресурсов в поселениях разных типов.

4. Анализ внутренних факторов институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов показал, что состояние социальных ресурсов во многом определяется объективными параметрами, которые задаются социально-экономическим состоянием территории, динамикой объективных показателей институциональной среды Ростовской области. Установлены объективные факторы институциональной среды, способствующие либо препятствующие формированию и развитию социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области. Факторы, способствующие развитию социальных ресурсов в поселениях различных типов, связаны с социально-экономическим состоянием, миграционными процессами, а также уровнем образования и доходов населения Ростовской области. Факторы, препятствующие развитию социальных ресурсов на территории Ростовской области, обусловлены в первую очередь демографическими проблемами, а именно старением населения, снижением рождаемости в регионе, а также ростом социально-

экономического неравенства, создающего предпосылки для усиления стратификационной поляризации и ограничения равного доступа членов территориальной общности к возможности реализации потенциала социальных ресурсов.

5. По результатам анкетного опроса установлены субъективные факторы институциональной среды, оказывающие влияние на формирование и развитие социальных ресурсов различных территориальных общностей Ростовской области. Выявлено восприятие потенциала социальных ресурсов представителями различных поселений. Население экономически развитых территорий крупных агломераций (г. Ростов-на-Дону), имея более высокий доход, чувствует себя более ограниченным в своих возможностях, чем жители менее экономически развитых территорий в сельских поселениях. У жителей сельских поселений Ростовской области более позитивные оценки своего социального статуса и материального положения, чем у горожан; среди жителей крупного города (г. Таганрог) и жителей сельской местности в два раза больше тех, кто считает себя успешным адаптантом, так как они смогли удовлетворить свои социальные потребности исходя из ресурсной базы своих поселений. Данные социологического исследования показывают наличие диссонанса между субъективным восприятием жителями поселений различных типов Ростовской области их социальных ресурсов и объективными показателями, представленными в статистических данных и других официальных источниках. Важным аспектом для эффективного развития социальных ресурсов в Ростовской области является устранение указанного диссонанса. Этого можно достичь через активное взаимодействие с населением, что позволит лучше понимать их нужды и ожидания, а также через внедрение более прозрачных, доступных механизмов информирования о возможностях реализации потенциала социальных ресурсов территориальной общности.

6. В результате социологического исследования были выявлены и классифицированы барьеры, препятствующие формированию и

воспроизводству социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области, а также факторы, способствующие развитию территорий. Формальными барьерами выступают: неэффективная система регионального управления территориями, низкий уровень технологического развития промышленных предприятий, неразвитость городской и сельской инфраструктуры (транспорт, состояние дорог, связь), низкий уровень оплаты труда, проблемы в сфере медицинского обслуживания. К неформальным барьерам можно отнести: неудовлетворенность потребности населения в стабильной жизни и сохранении здоровья, низкий уровень доверия к социальным институтам и структурам (атомизация и десолидаризация социальных отношений, приводящие к переносу доверительных социальных связей в область исключительно семейно-родственных отношений), низкий уровень понимания и интереса к развитию территории проживания среди населения. Выявлено, что уровень остроты восприятия барьеров минимален у жителей сельского поселения, повышается у жителей Таганрога и достигает до максимума неудовлетворенности у жителей Ростова-на-Дону. К благоприятным факторам, способствующим развитию социальных ресурсов территориальных общностей, относятся следующие: уровень привлекательности Ростовской области; возможности удовлетворения потребностей в образовании; реализация потребности в межличностной коммуникации; возможности для экономической активности населения.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в обобщении теоретического дискурса, основных подходов к исследованию и семантического наполнения понятия «социальные ресурсы», характерного для современного российского научного сообщества. Приращение теоретических знаний обеспечивает используемая в диссертации методологическая основа исследования социальных ресурсов территориальных общностей, которая предполагает осуществление анализа объективной информации (анализ статистических данных с последующей оценкой влияния факторов институциональной среды

на состояние социальных ресурсов Ростовской области) и оценки восприятия среды жизнедеятельности в крупнейшей агломерации, городской и сельской местности (анкетирование жителей Ростова-на-Дону, Таганрога, сельских поселений Азовского, Белокалитвинского, Веселовского, Шолоховского районов Ростовской области).

Практическая значимость исследования. Заявленный в Конституции РФ статус нашей страны в качестве социального государства формирует запрос на эффективное социальное управление и создание благоприятной институциональной среды для формирования и развития достойного уровня и качества жизни граждан. Данное диссертационное исследование дает возможность с помощью социологических методик оценить влияние факторов и действия барьеров институциональной среды региона на состояние социальных ресурсов, рефлексию населения качества своей жизни и эффективности управления территорией. В связи с этим практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные данные могут помочь выявить ключевые закономерности, тенденции и отличия в восприятии и возможностях использования различными группами населения социальных ресурсов и в разработке рекомендаций по улучшению формирования и развития социальных ресурсов территориальной общности. Результаты исследования можно рассматривать в качестве информационной базы для принятия решений по развитию социальных ресурсов Ростовской области, а применение данной методики может стать мощным инструментом для изучения и улучшения социальных ресурсов территориальных общностей регионов России, способствуя более активному участию граждан и созданию гармоничного общественного пространства.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы при разработке учебных дисциплин «Социология территориальных общностей», «Социология ресурсов», «Региональная социология», «Социальная политика».

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на расширенных заседаниях кафедры регионалистики и евразийских исследований и кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Южного федерального университета, были представлены на конференциях различного уровня:

– IV Всероссийской научно-практической конференции «Менеджеристские инструменты обеспечения эффективности муниципального управления (на примере муниципальных образований Южного федерального округа)» (Институт социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, 19 ноября 2021 г.)

– V Всероссийской научной конференции (с международным участием) молодых ученых (г. Ростов-на-Дону, 6–7 апреля 2021 г.).

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 7 работ, в том числе 5 работ в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, содержащего основные выводы и практические рекомендации, списка литературы, состоящего из 156 источников, из них 23 – на иностранных языках. Основной объем текста составляет 161 страницу. Работа содержит 12 рисунков, 39 таблиц и 11 приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

1.1. Социальные ресурсы территориальных общностей: социологический дискурс

Современная социально-экономическая ситуация может определяться как перманентно неопределенная, изменчивая, сложная. Это детерминирует необходимость мобилизации всех имеющихся ресурсов для сохранения жизнестойкости социума и относительной стабильности социальной системы. Слабая предсказуемость, рискогенность текущих социальных процессов, стремительный генезис негативных внешних факторов могут компенсироваться социальной системой в рамках эффективного использования имеющейся ресурсной базы. Самыми перспективными в этом плане являются социальные ресурсы, которые в социальной среде могут стать источником гомеостатических процессов. Анализ состояния социальных ресурсов и понимание логики развития должны базироваться на четком представлении о сути данного понятия.

Слово «ресурсы» образовано от французского *resource* – «вспомогательные средства». Под ресурсами понимаются некие возможности человека, позволяющие решать возникающие проблемы или достигать целей (таким образом, оговаривается целевое использование). Наиболее разработано данное понятие в экономических науках. Ресурс рассматривается как квалиметрическая составляющая деятельности, так как его можно количественно измерить. Помимо этого, экономисты наделяют ресурсы характеристиками: ограниченность, исчерпаемость, невозобновляемость, редкость. Однако социальные ресурсы в силу своей

специфики имеют противоположные характеристики. Акцент на социальном начале имеет для «социальных ресурсов» определяющее значение: исходя из дюркгеймовского посыла объяснить «социальное социальным», обозначим определяющую роль текущих социальных процессов в формировании и современном состоянии социальных ресурсов. На состоянии социальных ресурсов отражается социально-экономическая нестабильность происходящих в российском обществе процессов. Смысловое наполнение данного понятия детерминируется тем набором факторов внешней и внутренней среды, которые оказывают непосредственное влияние на российский социум. Работы ученых в данной области показывают достаточно широкий контекст, в котором ведутся исследования. Предпосылкой к изучению осмысления сути и семантической составляющей понятия «социальные ресурсы» явилась вариативность определений, даваемых в научных источниках. Различные акценты позволили сделать предположение о гибкости интерпретации данного понятия и неоднозначности в описании и осмыслении широты охвата включаемых в него составляющих. В частности, В.И. Ильин указывает, что «социальные ресурсы – это все то, что люди используют как факторы обеспечения своей деятельности... ресурсы имеют дискурсивный характер»¹. Ю.П. Соболева, О.А. Коргина и Н.Е. Данилова считают, что под социальными ресурсами можно понимать «способность человека (личности), группы лиц, сообщества людей к проявлениям адекватного отношения относительно окружающей действительности, выражающуюся в осознанных действиях, направленных на решение производственных и общественных задач»². Отечественные ученые Ю.А. Афонин, А.П. Жабин и А.С. Панкратов, рассматривая социальные ресурсы в контексте социального управления, утверждают, что их можно «определить как запасы творческой энергии личности

¹ Ильин В.И. Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса. С. 91.

² Соболева Ю.П., Коргина О.А., Данилова Н.Е. Социальный ресурс бизнеса: сущность, направления оценки трудового потенциала // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2018. № 1. С. 138.

(социальные, познавательные, деятельностные), социальной организации и общества в целом – содружества людей, организаций, институтов, социальных групп»¹.

П. Бурдые в работе «Формы капитала» указывает, что социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе². Т.Е. Родина пишет «о социальном ресурсе, основным компонентом которого является человек, которому должны быть созданы необходимые экономические, организационно-технические условия и социальная защита для эффективной деятельности, направленной на обеспечение интересов личности, предприятия и общества»³. Н.И. Яковлева определяет социальные ресурсы как «характеристики индивида или социальной группы, которые могут быть использованы для изменения социального статуса»⁴.

В.А. Ядов приводит для понятия «социальный ресурс субъекта» в качестве синонимичного понятие «символический капитал» П. Бурдые, он же «социальный капитал», где социальный ресурс – это качество, характеризующее социального субъекта, которое можно определенным образом квантифицировать. Ученый приписывает «социальному ресурсу» возможность «пустить его в рост». По В.А. Ядову, М. Вебер считает «социальный ресурс» характеристикой класса, ассоциируя его с «мобилизационным ресурсом», описывающими разнообразие действий социальных движений⁵.

В связи с вышесказанным приходится констатировать, что понятие «социальные ресурсы» не имеет строго определенного научного значения,

¹ Афонин Ю.А., Жабин А.П., Панкратов А.С. Социальный менеджмент: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 171–172.

² Бурдые П. Указ. соч.

³ Родина Т.Е. Указ. соч. С. 125.

⁴ Яковлева Н.И. Указ. соч. С. 90.

⁵ Ядов В.А. Указ. соч.

точно и однозначно отражающего его суть. Как уже указывалось, исследователи, работающие в этом направлении, дают совокупность вариаций интерпретации данного понятия. В связи с этим можно предположить, что понятие «социальные ресурсы» не только является отражением социальной действительности, но и развивается вместе с социальной реальностью и процессом ее познания. Для проверки данного предположения проведем исследование семантического наполнения понятия «социальные ресурсы», используя количественный метод анализа документов. Программа исследования отражена в приложении 1.

Данными для проведения исследования послужила информация, размещенная в российской научной электронной библиотеке (сайт eLibrary.ru). Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) – это библиографическая база данных научных публикаций российских ученых, охватывающая основные работы, изданные отечественными исследователями и представляющие последние достижения российской научной мысли. Благодаря развитию цифровых технологий методика контент-анализа утратила свою громоздкость, сократила временные затраты, существенно снизился фактор субъективизма и возможность ошибок при подсчетах. Для решения поставленной задачи будут использоваться аналитические инструменты, предусмотренные программным продуктом базы РИНЦ. Учитывая, что в ходе исследования будут применяться не бумажные носители, а электронный документ и его характеристики, то оценка семантического наполнения понятия «социальные ресурсы» будет проходить в рамках модифицированного метода контент-анализа. Это предполагает, что акцент анализа перенесен с текста научных работ на его содержательные характеристики. В результате за смысловую единицу анализа принимается понятие «социальные ресурсы», выступающее в качестве одного из ключевых слов научного текста. За количественную характеристику единицы анализа берется научная публикация РИНЦ, которая выступает в качестве единицы счета.

Определим массив публикаций РИНЦ, имеющих в качестве одного из ключевых слов понятие «социальные ресурсы». Анализ базы научных публикаций РИНЦ показал, что первая публикация, удовлетворяющая заданным требованиям, была размещена в 2000 г. На ноябрь 2022 г. их уже 218 (рисунок 1.1).

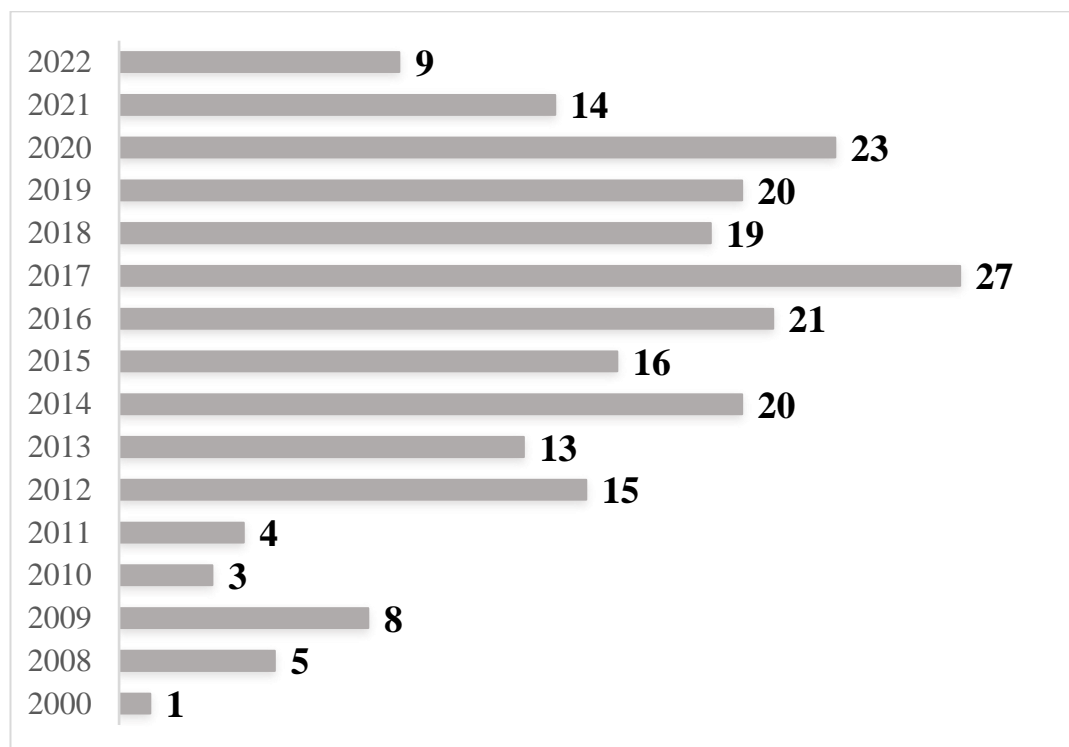

Рисунок 1.1 – Статистика научных работ РИНЦ, имеющих в качестве одного из ключевых слов понятие «социальные ресурсы»¹

Согласно данным, очевидная актуализация исследований, посвященных изучению социальных ресурсов, начинается с 2012 г., наиболее интенсивная публикационная активность фиксируется в период с 2016 по 2020 г. Приведенная статистика доказывает, что заявленная тема по-прежнему остается актуальной, а полемическая основа проводимого исследования все еще не исчерпана.

Дальнейший анализ выделенного массива публикаций РИНЦ, освещающих проблему развития социальных ресурсов, показал

¹ Данные получены автором в результате использования аналитического инструментария библиографической базы РИНЦ (<https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?session=off>).

междисциплинарный характер исследований, проводимых в этом направлении.

Данные рисунка 1.2 показывают, что основной научной областью опубликованных исследований, имеющих в качестве одного из ключевых слов понятие «социальные ресурсы», является социология (108 публикаций). Более четверти всех публикаций (59 работ) посвящены экономическим наукам. Определенный вклад вносят психология (16 публикаций), педагогика (14 публикаций), юридические науки (8 публикаций). Остальные области научного знания имеют несущественное значение. Фактически область интересов ученых, занимающихся проблемой развития социальных ресурсов, лежит на пересечении социологического и экономического знания, с очевидной доминацией в социологии.

Рисунок 1.2 – Статистика по областям научного знания публикаций РИНЦ, имеющих в качестве одного из ключевых слов понятие «социальные ресурсы», %¹

¹ Данные получены автором в результате использования аналитического инструментария библиографической базы РИНЦ (<https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?session=off>).

Следующий этап заключается в применении аналитических инструментов сайта и определении понятий/терминов, которые чаще всего используются в выделенном массиве публикаций РИНЦ в качестве ключевых слов. Анализ данной информации строится на предположении, что частота упоминания понятия/термина отражает уровень его сопряжения с понятием «социальные ресурсы». Таким образом, чем чаще исследователи используют некое понятие, тем теснее связывают его с исследованием социальных ресурсов. Итак, единицей счета выступает научная публикация РИНЦ, в которой социальные ресурсы указаны в качестве ключевого слова. Под частотой употребления понятия будем понимать количество использований данного понятия в качестве ключевого слова.

Очевидно, что наибольший интерес для данного исследования представляют те понятия и термины, которые имеют высокую частоту употребления. В связи с этим исключим из анализа те понятия, которые встречаются менее трех раз. Определим подобную сопряженность как неустойчивую, несформированную, нестабильную, поэтому получающую статус акциденциальной. Однако отметим, что с течением времени какие-либо из исключенных понятий могут поменять свою позицию на доминирующую, если, с точки зрения исследователей, станут играть важную роль в изучении социальных ресурсов. Также выведем за рамки нашего анализа англоязычные версии ключевых слов как не имеющие значения для данного исследования. Полный перечень приводится в приложении 2.

Ранжирование полученного массива данных по частоте употребления (т.е. тех, что зафиксированы в трех и более публикациях) позволяет выявить искомое понятийное пространство. Самым часто упоминаемым понятием является «социальный капитал». Оно вносит основной вклад (из всех выявленных категорий) в исследуемое понятийное пространство (рисунок 1.3).

Оценка удельной частоты смысловых категорий в общем объеме проводилась по формуле:

$$\text{Удельная частота категории} = \frac{\text{число зафиксированных единиц анализа}}{\text{общее число единиц счета}}$$

Общее число единиц счета – 218 (количество выявленных научных публикаций РИНЦ, содержащих в качестве ключевого слова «социальные ресурсы»). Общее число единиц анализа – 47.

Расчеты, приведенные в таблице 1.1, показывают, что категории «управление» и «регион» встречаются в 4,13% проанализированных научных работ; «молодежь» – в 4,59%; «социальные сети» – в 5,05%; «человеческий капитал» – в 5,96%; «социальный капитал» – в 12,84%.

Таблица 1.1 – Оценка удельной частоты появления категорий

Категории	Число зафиксированных единиц анализа	Удельная частота	%
Экономический рост; экономическая безопасность; территория; субъекты; студенты; социологические исследования; социальный механизм; социальные риски; социальное управление; социальное неравенство; самоорганизация; риск; ресурсный подход; предпринимательство; дети; городское сообщество	3	0,013761	1,38
Человеческий потенциал; цифровая экономика; ценности; устойчивое развитие; территориальные общности; социальное пространство; социализация; конкурентоспособность	4	0,01834	1,83

Категории	Число зафиксированных единиц анализа	Удельная частота	%
Сельские территории; ресурсный потенциал; качество жизни; адаптация	5	0,02293	2,29
Экономические ресурсы; социальный потенциал; социальная адаптация; семья; образование; личностные ресурсы; доверие; гражданское общество	6	0,02752	2,75
Политические нововведения	7	0,03211	3,21
Управление; регион	9	0,04128	4,13
Молодежь	10	0,04587	4,59
Социальные сети	11	0,05046	5,05
Человеческий капитал	13	0,05963	5,96
Социальный капитал	28	0,12844	12,84

Контент-анализ позволяет осмыслить генезис научного знания в области развития понятия «социальные ресурсы». Рассмотренная совокупность научных публикаций позволяет определить публикацию как индикатор определенных сторон изучаемого явления (в нашем случае – социальные ресурсы).

Таким образом, можно рассматривать научную статью как ответ на социальный заказ. Далее построим матрицу случайностей по методике, разработанной Ч. Осгудом (таблица 1.2).

Таблица 1.2 – Расчет ожидаемого совпадения появления категорий

Категория	Частота	СК	ЧК	СС	М	У	Р
Социальный капитал (СК)	0,128						
Человеческий капитал (ЧК)	0,0596	0,00762					
Социальные сети (СС)	0,0504	0,006457	0,0030068				
Молодежь (М)	0,0458	0,005862	0,0027297	0,0023106			
Управление (У)	0,0413	0,005283	0,0024603	0,0020826	0,0018906		
Регион (Р)	0,0413	0,005283	0,0024603	0,0020826	0,0018906	0,001704	

Ожидаемое совпадение двух категорий рассчитывается как произведение частот этих категорий (таблица 1.3).

Таблица 1.3 – Расчет реального совпадения появления категорий

Категория	СК	ЧК	СС	М	У	Р
Социальный капитал (СК)						
Человеческий капитал (ЧК)	0,00458 (1 публ.)					
Социальные сети (СС)	0,036697 (8 публ.)	–				
Молодежь (М)	0,018348 (4 публ.)	0,004587 (1 публ.)	0,004587 (1 публ.)			
Управление (У)	–	0,0091743 (2 публ.)	–	–		
Регион (Р)	0,00917 (2 публ.)	–	–	–	–	

Связь считается устойчивой и неслучайной, если реальная связь (что отражено в таблице 1.3) выше ожидаемой (рассчитанной в таблице 1.2).

Согласно данным, можно считать устойчивыми следующие связи:

- «социальный капитал» – «социальные связи»;
- «социальный капитал» – «молодежь»;
- «социальный капитал» – «регион»;
- «человеческий капитал» – «молодежь»;
- «человеческий капитал» – «управление»;
- «социальные связи» – «молодежь».

Очевидно, что роль социального капитала в формировании понятийного пространства изучаемой темы достаточно велика. Нарботки экономической теории традиционно утверждают, что капитал выступает одним из видов ресурсов хозяйствующего субъекта. Это означает, что понятие «ресурсы» шире понятия «капитал» и включает в себя последнее. Однако относительно «социального» начала ситуация несколько иная. Взаимосвязь «социальных ресурсов» и «социального капитала», исходя из публикаций на портале РИНЦ, выстраивается по другой логике. Детальная проработка данных, полученных на портале РИНЦ, показала, что смысловое поле понятия «социальный капитал» имплицитно включает смысловое поле понятия «социальные ресурсы». Таким образом, понятие «социальный капитал» интерпретируется шире, чем понятие «социальные ресурсы», и включает в себя последнее. Более того, оно воспринимается как более актуальное, более скрупулезно проработано. В частности, на портале РИНЦ было выявлено 3010 научных работ, имеющих в качестве ключевого слова «социальный капитал», опубликованных в период с 2000 по 2022 г. Рейтинг, выстроенный по частоте использований понятия/термина в качестве ключевого слова, включает 906 ключевых слов (приложение 3). Понятие «социальные ресурсы» занимает в этом рейтинге всего лишь 43–44-е места (деля их с понятием «социальное партнерство» (28)).

Рассмотрим, как формируются связи между проанализированными в таблицах 1.2 и 1.3 категориями в смысловом пространстве «социального капитала» (таблицы 1.4, 1.5).

**Таблица 1.4 – Расчет ожидаемого появления категорий
(среди публикаций РИНЦ, имеющих одним из ключевых слов
понятие «социальный капитал»)**

Категория	Частота	СР	ЧК	СС	М	У	Р
Социальные ресурсы (СР)	0,009302						
Человеческий капитал (ЧК)	0,166777	0,001551359					
Социальные сети (СС)	0,063455	0,000590258	0,01058283				
Молодежь (М)	0,016611	0,000154515	0,00277033	0,001054051			
Управление (У)	0,009634	0,00008928	0,00160672	0,000611325	0,000160030		
Регион (Р)	0,017275	0,00016061	0,00288107	0,001096185	0,000286955	0,000166427	

**Таблица 1.5 – Реальная связь появления категорий
(среди публикаций РИНЦ, имеющих одним из ключевых слов
понятие «социальный капитал»)**

Категория	СР	ЧК	СС	М	У	Р
Социальный ресурс (СР)						
Человеческий капитал (ЧК)	0,000332 (1 публ.)					
Социальные сети (СС)	0,002325 (7 публ.)	0,003322 (10 публ.)				
Молодежь (М)	0,001661 (5 публ.)	0,0006644 (2 публ.)	0,00099667 (3 публ.)			
Управление (У)	0,000332 (1 публ.)	0,003322 (10 публ.)	0,00099667 (3 публ.)	нет публ.		
Регион (Р)	0,000664 (2 публ.)	0,00016611 (5 публ.)	0,00099667 (3 публ.)	0,00099667 (3 публ.)	нет публ.	

Данные показывают, что устойчивая и неслучайная связь сформирована по следующим траекториям:

- «социальные ресурсы» – «социальные сети»;
- «социальные ресурсы» – «молодежь»;
- «социальные ресурсы» – «управление»;
- «социальные ресурсы» – «регион»;
- «человеческий капитал» – «управление»;
- «социальные сети» – «управление»;
- «регион» – «молодежь».

Таким образом, помимо социального капитала в контексте развития социальных ресурсов желательно учитывать роль таких явлений, как молодежь (как социальная группа с наиболее активной жизненной позицией); система «социальных сетей»; специфика управленческого искусства и особенности региона. Полученные данные соответствуют теоретическим наработкам отечественных и зарубежных исследователей.

Многие ученые связывают социальные ресурсы с социальным капиталом. В частности, П. Бурдье в работе «Формы капитала» указывает, что социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группах¹.

Можно выделить целую группу авторов, которые полностью отождествляют понятия «социальный капитал» и «социальные ресурсы». Так, например, В.В. Зотов и Е.А. Преликова считают, что «социальный капитал можно представить в качестве ресурса сообщества, формирующегося благодаря наличию социальной сети и облегчающего достижение общих целей»². Ю.А. Дроздова указывает, что основным социальным ресурсом, является социальный капитал, который в условиях социальной турбулентности влияет на сохранение территориальных общностей³. С другой стороны, выделяются работы, в которых авторы высказывают противоположное мнение. Например, Н.Е. Тихонова прямо указывает на периодически происходящую подмену понятий «капиталы» и «ресурсы»⁴.

¹ Бурдье П. Указ. соч.

² Зотов В.В., Преликова Е.А. Указ. соч. С. 97.

³ Дроздова Ю.А. Территориальные общности в условиях социальной турбулентности // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 1. С. 45–55.

⁴ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях; Её же. Социальный капитал как фактор неравенства.

Указывают на связь понятий «социальные ресурсы» и «человеческий капитал» в своих работах А.В. Вотинов и Н.Б. Куклина¹. Немаловажное значение для смыслового наполнения сути социальных ресурсов имеет понятие «социальные сети» (И.В. Бояринова, Р.А. Заякина, Л.В. Колпина, М.С. Начкебия, Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, Н.А. Четверикова²).

Далее рассмотрим генезис научного знания и осмысления феномена социальных ресурсов в отечественной литературе. Научная публикация будет рассматриваться как ответ на социальный заказ. Проведем разбиение рассматриваемого периода с 2000 по 2022 г. на четыре временных этапа:

- 1-й этап: 2000–2009 гг.;
- 2-й этап: 2010–2014 гг.;
- 3-й этап: 2015–2019 гг. (103 публикации);
- 4-й этап: 2020–2022 гг. (46 публикаций).

Очевидна неравномерность публикационной активности по исследуемой тематике. Пик научного интереса к исследованию социальных ресурсов наблюдался в 2015–2019 гг. Более детальный анализ совокупности ключевых слов показал следующее. С 2000 по 2009 г. научный интерес только зарождается. В базе РИНЦ фиксируется всего 14 публикаций, формирующих общую совокупность из 89 ключевых слов. Ключевые слова в этих публикациях имеют только одну повторяющуюся позицию – «социальные ресурсы». Все остальные ключевые слова показывают тематический разброс. Это указывает на то, что в тот период смысловое ядро данной тематики еще не сформировалось. Кристаллизация основных

¹ Вотинов А.В. Указ. соч.; Куклина Н.Б. Социальное мышление как человеческий капитал // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 2. С. 90–98

² Бояринова И.В., Начкебия М.С. Социальный капитал как методологическая основа эффективности социальных сетей в региональном сообществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 29–31; Заякина Р.А. Двойное значение доверия в теории социального капитала // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 5. С. 251–260; Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе // Регион: Экономика и Социология. 2011. № 2. С. 137–157; Их же. Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 34–41; Четверикова Н.А. Социальный капитал молодежи как ресурс развития региона // Вестник Самарского муниципального института управления. 2022. № 1. С. 89–96.

понятий, вокруг которых будут формироваться главные направления исследований и осмысления феномена социальных ресурсов в отечественной литературе, возникнут немного позже. Тем не менее можно выделить семейство понятий, которые имеют родственное смысловое значение. В частности, на первом этапе учеными осуществлялась детализация проблем исследования ресурсов. В качестве ключевых слов встречаются: культурные ресурсы; локализация ресурсов; мобильность ресурсов; трудовые ресурсы; экономические ресурсы; ресурсность семьи; ресурсный обмен; ресурсы здравоохранения. Здесь также можно выделить семейство понятий, связывающих социальные ресурсы со спецификой различных территориальных общностей (в том числе: государство, местное сообщество, регион, регионализация).

На втором этапе (с 2010 по 2014 г.) в базе РИНЦ уже фиксируется 55 публикаций, формирующих общую совокупность из 193 ключевых слов. Это показывает, что тема в то время получила свое развитие. Здесь уже фиксируется 39 единиц с «неединичной» частотой (приложение 4). Многие из них – это те же смысловые категории, которые были выявлены в общем массиве (см. рисунок 1.3). «Социальный капитал», «социальные сети», «управление», «человеческий капитал» имеют самый высокий уровень частоты.

Примечательно, что в тот период появляются ключевые слова, связывающие социальные ресурсы с инновационной тематикой (в том числе «инновации», «интеллектуальные ресурсы», «Интернет-технологии», «нововведения» и пр.), экономической составляющей и эффективностью («Интернет-экономика», «экономическая безопасность», «эффективность», «эффективность использования ресурсов», «экономическое развитие» и пр.). На этом этапе активно развивается и структурируется тема территориальных сообществ.

На третьем этапе (с 2015 по 2019 г.) в базе РИНЦ фиксируется 103 публикации, формирующих общую совокупность из 402 ключевых слов. Это

период, в течение которого опубликовано максимальное количество научных трудов по теме социальных ресурсов. На этом этапе оформляются основные доминанции в научном осмыслении данной области знания. Выемка из всей совокупности ключевых слов, тех, которые имеют «неединичную» частоту, включает 59 единиц (приложение 5). Развитие научного знания на этом этапе позволило детализировать исследуемую тему по многим направлениям. Именно на этом этапе тема социальных ресурсов получает достаточно широкое развитие в междисциплинарном поле (в частности, из них 47,6% – социология; 31,1% – экономические науки; 4,9% – психология; 4,9% – педагогика; 2,9% – юридические науки).

На четвертом этапе (с 2020 по 2022 г.) базе РИНЦ определилось 46 публикаций, формирующих общую совокупность из 217 ключевых слов. Выемка из всей совокупности ключевых слов, тех, которые имеют «неединичную» частоту, включает 19 единиц (приложение 6). Сравнивая данные по этому этапу с предыдущими, можно отметить акцент на социальной сфере (например: «попечительство», «социальная поддержка», «личное развитие» и т.п.). Снижение на этом этапе количества публикаций можно связать с укороченным временным периодом.

Итак, данный анализ показал, что осмысление научным сообществом проблемы формирования и развития социальных ресурсов со временем меняется. Это подтверждает предположение о зависимости роли социальных ресурсов от конкретной социальной ситуации, детерминированной социально-экономической обстановкой и территориальной спецификой.

Исходя из проведенного выше анализа, можно заключить, что большое влияние на специфику формирования социальных ресурсов имеет территориальный фактор (который отражается в следующем наборе ключевых слов: регион (9); сельские территории (5); территориальные общности (4); городское сообщество (3); территория (3)).

Исследуя территориальную специфику развития социальных ресурсов, Ю.А. Дроздова указывает на то, что будущее региона определяется

социальными ресурсами, имеющими пространственно-временной характер и включающими количественный и качественный состав населения. По ее мнению, социальные ресурсы территориальных общностей определяют как жизнедеятельность населения, так и конкурентоспособность самой территории, инвестиционную привлекательность региона, качественный и количественный состав миграционных потоков, а также влияют на сохранение территориальных общностей¹.

Я.А. Брандт, А.Л. Бурмакина, Е.В. Головацкий, Е.А. Кранзеева в своей работе делают акцент на актуализации проблемы ресурсного оснащения в случае освоения в регионах инновационных, технологических, политических и экономических проектов².

Это позволяет сделать вывод о том, что развитые социальные ресурсы территориальной общности способствуют наиболее эффективному использованию привлекаемых в регион инвестиций, т.е. делают территорию более привлекательной для инвестирования.

Обратная ситуация, когда сокращение перспектив реализации человеческого потенциала и самоорганизации населения приводит к ухудшению перспектив территорий, что снижает возможности использования имеющихся ресурсов для улучшения экономического положения населения, рассматривается в работах Т.А. Гужавиной³, раскрывающих проблемы сельских общностей, и в работах Т.А. Зудочкиной⁴ по депрессивным территориям.

Таким образом, исследование социальных ресурсов территориальных общностей развивается преимущественно в ключе эффективного управления и социально-экономического развития территорий. Это делает целесообразным включить в исследовательское поле понятия «социальные

¹ Дроздова Ю.А. Территориальные общности в условиях социальной турбулентности.

² Национальные проекты в регионе: ресурсы местных сообществ Кузбасса / Е.А. Кранзеева, Е.В. Головацкий, А.Л. Бурмакина, Я.А. Брандт.

³ Гужавина Т.А. Указ. соч.

⁴ Зудочкина Т.А. Указ. соч.

ресурсы» экономическую составляющую, подтверждая междисциплинарный характер поднимаемой проблемы.

Из вышесказанного следует, что социальные ресурсы территориальных общностей представляют собой одну из ключевых тем в социологии, так как они непосредственно связаны с пониманием современных процессов социальной динамики, коллективной идентичности и жизнедеятельности местных сообществ. В контексте глобальных изменений, происходящих в обществе, исследование социальных ресурсов на уровне территориальных общностей становится особенно актуальным.

Будем считать, что социальные ресурсы – это совокупность возможностей социального субъекта, динамически изменяющая свои свойства под влиянием внешних и внутренних факторов, позволяющая удовлетворять социальные потребности, эффективно достигать поставленных целей.

Исходя из этого, будем считать, что социальные ресурсы территориальной общности – это набор потенциалов, включающихся в обеспечение процессов, непосредственно позволяющих удовлетворять индивидуальные и групповые потребности территориальной общности, – достижения целей развития, повышения качества жизни и разрешения коллективных задач, – в основе которых лежит совокупность объективных факторов институциональной среды региона и субъективная оценка возможностей их использования членами территориальной общности.

С социологической точки зрения потенциал является многогранным понятием, охватывающим различные аспекты взаимодействия между людьми и их окружающей средой, а также определяющим их способность достигать поставленных целей в условиях наличия ограничений и возможностей. Потенциал не является статичным, он может изменяться в зависимости от изменений в социальной структуре, экономических условиях и культурной среде.

Социальные ресурсы находят свое выражение в возможностях, которые доступны индивидуумам и группам в рамках определенной территориальной общности и способствуют их социальному взаимодействию, развитию и благосостоянию. Эти ресурсы могут быть как материальными, так и нематериальными.

Материальное выражение заключается в возможности социальных ресурсов обеспечить базу для экономической, социальной и политической активности и жизнедеятельности сообщества (например, доступ к финансам, инфраструктуре).

Нематериальное выражение социальных ресурсов формирует уникальность территориальной общности и находит свое выражение в характере общественных связей, сети взаимопомощи, культурных традициях и практиках территориальной общности, которые укрепляют взаимосвязи между членами сообщества, позволяют сообществу адаптироваться к изменяющимся условиям и эффективно их использовать для реализации индивидуальных и коллективных целей (например, доверие и солидарность среди членов сообщества).

Исследование социальных ресурсов территориальных общностей в социологическом дискурсе открывает новые горизонты для понимания процессов, происходящих в современном обществе. Актуальность данной темы, особенно в условиях социальной нестабильности и быстро меняющейся социальной реальности, требует дальнейшего изучения и разработки стратегий для эффективного использования социальных ресурсов. Устойчивое развитие территориальных общностей возможно лишь при условии активной мобилизации и оптимизации имеющихся ресурсов, что в итоге повысит качество жизни и социальной сплоченности населения.

Выводы по параграфу 1.1

Применение контент-анализа для обоснования исследовательского поля понятия «социальные ресурсы» показало достаточно широкую интерпретацию и понимание роли и значения социальных ресурсов для развития социального капитала и территориальных общностей. Учитывая социально-экономическую нестабильность и мобильность научной мысли, можно заключить, что многокомпонентность понятия также претерпевает определенные изменения, в то время как его семантическое ядро остается относительно стабильным. Осмысление социальных ресурсов в научном сообществе зависит от конкретной социальной ситуации, детерминированной социально-экономической обстановкой и территориальной спецификой.

Существенное влияние на развитие социальных ресурсов имеют такие социальные феномены, как: социальный капитал; человеческий капитал; социальные сети; регион; управление; политические нововведения; гражданское общество; доверие; личностные ресурсы; образование; семья; социальная адаптация; социальный потенциал; экономические ресурсы; адаптация; качество жизни; ресурсный потенциал; сельские территории. Таким образом, это многокомпонентное понятие, имеющее социальные и экономические составляющие (с доминированием в социологической области), включающее совокупность всей ресурсной базы социальных акторов, входящих в конкретную территориальную общность.

Социальные ресурсы территориальной общности – это набор потенциалов, включающихся в обеспечение процессов, непосредственно позволяющих удовлетворять индивидуальные и групповые потребности территориальной общности, – достижения целей развития, повышения качества жизни и разрешения коллективных задач, – в основе которых лежит совокупность объективных факторов институциональной среды региона и

субъективная оценка возможностей их использования членами территориальной общности.

Социальные ресурсы находят свое выражение в возможностях, которые доступны индивидуумам и группам в рамках определенной территориальной общности и способствуют их социальному взаимодействию, развитию и благосостоянию. С социологической точки зрения потенциал является многогранным понятием, охватывающим различные аспекты взаимодействия между людьми и их окружающей средой, а также определяющим их способность достигать поставленных целей в условиях наличия ограничений и возможностей. Потенциал не является статичным, он может изменяться в зависимости от изменений в институциональной среде.

1.2. Институциональная среда формирования и развития социальных ресурсов территориальной общности

Сегодня в общественных науках «территориальность» выводит на новый уровень значение региональных факторов как факторов, обуславливающих характер и результаты процессов общественного развития. Формально схожие процессы экономической, социальной, политической и духовной жизни приобретают эксклюзивные территориальные качества.

Взгляд в прошлое развития систем общественной жизни позволяет говорить о всегда присущей человеческому обществу определенной территориальной организации, которую можно отнести к одной из следующих форм:

1. Семейная территория, прежде всего территория расселения первобытной семьи.

2. Территориальная община, предполагающая территорию охотничьего, земледельческого, а позднее и иного социально-

производственного коллектива, которая с теми или иными изменениями остается первичной вплоть до настоящего времени, воплощаясь в элементах системы местного самоуправления.

3. Территориальная общность, обладающая социокультурным кодом, – система тесно связанных с природно-географическим положением социальных, экономических, культурных, геополитических и прочих свойств, обеспечивающих внутреннее «множество в единстве» и определенное качество жизни, как, например, современная форма территориальной организации общества.

С позиции социологического подхода территориальные общности представляют взаимосвязи и взаимозависимости на определенной территории людей, связанных устойчивыми социальными взаимодействиями, практиками, воспроизводимыми во времени и пространстве. По мнению Ю.А. Дроздовой, «именно устойчивые социальные, экономические, политические, духовно-нравственные связи и отношения позволяют выделить территориальные общности в качестве относительно самостоятельной системы пространственно-временной организации жизнедеятельности людей»¹. По мнению приверженца общностного подхода в социологии Г.Е. Зборовского, поскольку функционирование самых различных социальных общностей наблюдается в первую очередь в сфере повседневности, то на основании анализа литературы по проблеме социальной общности мы приходим к выводу о том, что в самом первом приближении она рассматривается в качестве объединения людей, обладающего такими важнейшими признаками, как наличие прочных социальных связей между людьми, фиксированная и ограниченная территория, осознание членами общности принадлежности к ней².

¹ Дроздова Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей. С. 78.

² Зборовский Г.Е. Общностный подход как методология социологического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 1. С. 71–79.

Таким образом, территориальная общность – это тип социальной общности, представляющий собой совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории (населенного пункта, региона, страны), включенных в системы социокультурных и политико-экономических взаимодействий и отношений, сложившихся на данной территории, и переживающих чувство солидарности, основанное на территориальной идентичности и территориальных интересах.

Поскольку особенности пространственной среды могут создавать благоприятные условия для осуществления процессов жизнедеятельности либо формировать ограничения для нее, различные территориальные общности в ходе развития сталкиваются с разными проблемами, имеют неодинаковые возможности их решения и получают разные результаты. Общий же успех или неуспех устойчивости и развития территориальной общности в значительной мере предопределяется социальными ресурсами в региональной институциональной системе.

Базовым элементом институциональной системы является институциональная среда (помимо институтов и акторов). Именно она создает условия, которые формируют на уровне подсистем региона предпосылки для удовлетворения потребностей общества, интересов социальных групп путем создания, развития и трансплантации новых явлений-институтов¹.

Л. Девис и Д. Норт предложили одно из наиболее распространенных определений институциональной среды: «...определение основополагающих правил, которые обеспечивают основы для производства, обмена и распределения ресурсов»². Эти правила определяют отношения на макроуровне и устанавливают ограничения для договорных соглашений между людьми. Д. Норт делает акцент в своих работах на ограничительных

¹ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 35 (2). С. 22–28.

² Davis L., North D. Institutional change and American economic growth. Cambridge: CUP, 1971. P. 6.

возможностях институциональной среды для поведения субъектов и принятия ими решений, а также уточняет влияние институциональной среды и уровень развития институтов на экономическую систему.

Нобелевский лауреат О. Уильямсон рассматривает институциональную среду как «правила игры», которые определяют контекст экономической деятельности. Она придает форму как формальным, так и неформальным институтам в этой среде¹.

В отечественном научном дискурсе институциональная среда понимается как комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых законодательных, политических, экономических, юридических и социокультурных институтов, предопределяющих стимулы к инновационной деятельности².

Д.А. Ходиев считает, что институциональная среда – это «законодательная база государства, создаваемые на ее основе “капиталистические”, “социалистические” или иные институциональные структуры (организации, ассоциации), а также определяемые последними социальные механизмы (в политике – выборы, в экономике – рынок)»³.

Коллектив авторов Уральского федерального университета А.Ю. Веретенникова, Е.В. Попов, А.А. Сафронов представляют институциональную среду как «комплекс правил и норм, регулируемых различными институциональными механизмами, соглашениями, представленными в виде институтов, взаимодействующих в рассматриваемом виде деятельности»⁴.

В своих работах Л.В. Боровская рассматривает институциональную среду как совокупность формальных норм и неформальных институтов,

¹ Уильямсон О.И. Указ. соч.

² Валиева О.В. Институциональная среда инноваций: теоретический и прикладной аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки, 2007. Т. 7, № 2. С. 134–143.

³ Ходиев Д.А. Институциональная среда формирования и развития человеческого капитала // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2009. № 2. С. 102.

⁴ Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Сафронов А.А. Институциональное обеспечение социально-инновационной деятельности крупного города // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 3. С. 52.

которые действуют в рамках управления территорией. Л.В. Боровская указывает, что популярные формы неформальных институтов, таких как традиции и обычаи, могут иметь более высокий приоритет при сравнении с формальными правилами¹.

А. Аузан и В.Л. Тамбовцев обращают внимание на то, что институциональная среда включает в себя как политические, так и практически аспекты, определяющие условия для развития социальных и экономических процессов на уровне территориальных общностей².

Обобщая многокомпонентные толкования институциональной среды, основные ее характеристики можно свести к следующему:

1. Институциональная среда как сочетание формальных правил (законы, нормативные акты) и неформальных норм (традиции, социальная практика). Эти институты определяют условия для эффективного взаимодействия между региональными особенностями общности.

2. Институциональная среда как механизм для удовлетворения потребности территориальной общности.

3. Институциональная среда как пространство взаимодействия между различными территориальными субъектами, что включает в себя государственно-частное партнерство, сотрудничество между НКО и бизнесом, а также активное участие граждан в процессах принятия решений.

4. Институциональная среда как гарантия государственного участия в организации и контроле социальных взаимодействий внутри данной общности, направленных на создание благоприятных условий для территориального развития и разработку стратегий решения внутрирегиональных проблем.

¹ Боровская Л.В. Институциональная среда и особенности ее формирования в результате институциональных изменений // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 5–12.

² Аузан А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2006. 416 с.; Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 25–38

5. Институциональная среда как баланс между общегосударственными интересами и конкретными потребностями населения.

Опираясь на вышеизложенные научные представления, мы предполагаем, что институциональная среда территориальной общности образует систему, включающую компонентную базу и формы связей.

Компонентная база включает: домохозяйства, органы власти и управления регионального уровня, органы местного самоуправления, крупный бизнес, малый бизнес, некоммерческие организации, бюджетные организации социальной сферы, членов территориальной общности и др. Институциональная компонентная база с содержательной стороны разнородна, ценности и цели ее элементов (субъектов различной институциональной природы) принципиально несводимы к некоторой единой ценности и цели. А роль институциональной среды заключается в том, что она задает рамки для взаимодействия различных социальных субъектов (государственных органов, местных сообществ, бизнеса и граждан).

Институциональную среду формируют две основные **формы связей**: формальные институты (формализованные правила поведения) и неформальные институты (неформальные правила поведения – традиции делового общения, ценности, социально-экономические цели субъектов). Совокупность формальных и неформальных институтов влияет на поведение индивидов и групп в обществе. Формальные связи, как правило, представлены законодательными актами, государственными учреждениями и нормативными документами. Неформальные же элементы включают в себя социальные практики, обычаи и культурные традиции, которые могут варьироваться в зависимости от региона и сообществ.

Эффекты воздействия институциональной среды определяются соответствием данных форм связи друг другу, принципам легитимности и непротиворечивости в глазах территориального сообщества. Специфика

современного российского общества связана с трансформационным характером его развития и неэффективностью формальных норм и правил его институциональной среды. Ввиду этого именно неформальные правила и нормы становятся доминирующими, закрепляясь и в массовом сознании, и в социальных практиках, и, соответственно, как основа формирования и развития социальных ресурсов территориального сообщества.

Опираясь на основные положения институциональной теории, необходимо в институциональную среду формирования социальных ресурсов территориальных общностей включить и факторы, определяющее территориальную специфику институциональной среды.

Итак, на формирование и развитие социальных ресурсов оказывают влияние не только формальные (узаконенные правила и нормы) и неформальные (обычаи, традиции, институт семьи, религии, доверия, образования, нравственности, культуры, дружбы) связи, но и внешние (административно-территориальные, климатические, финансовые, экологические, правовые) и внутренние (качество территорий, место расположения, инфраструктура, имидж территории, качество жизни, удовлетворенность управлением, потенциал самоуправления, традиции и ожидания членов территориальной общности) факторы.

Поэтому в понимание институциональной среды территориальной общности следует включить наряду с формальными и неформальными институтами, определяющими региональный социальный порядок, эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на стратегии поведения и восприятие членов территориальной общности.

Факторы – причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты. Эндогенные факторы исходят из внутренних характеристик общности, тогда как экзогенные влияют извне. Игнорирование или небрежное отношение к факторам институциональной среды грозит увеличением трансакционных издержек в функционировании базовых отраслей социальной подсистемы

территориальной общности (образования, науки, культуры, здравоохранения, социального обеспечения) и неопределенностью поведения участников общественных отношений.

В общем виде можно сказать, что к внутренним факторам среды, формирующим эндогенный потенциал развития территориальной общности, относятся:

1. Природные факторы – рельеф, климатическая зона, сейсмичность, экология, земельные, минерально-сырьевые, топливно-энергетические, водные, лесные, рекреационные (зоны отдыха) и другие ресурсы. Эти факторы оказывают решающее влияние при определении специализации региона, а также ограничивают возможность хозяйственного освоения территории (т.е. если регион направлен на развитие туристических зон, то в этих зонах нужно ограничить хозяйственную деятельность).

2. Социально-экономические факторы – степень территориального разделения труда (где-то преобладает сельское хозяйство, где-то – промышленность и т.д.), сложившаяся структура хозяйства, уровень социально-экономического развития региона (самый главный показатель – это ВРП на одного человека), экономико-географическое и транспортное положение, формы общественной организации производства (специализация, кооперирование – когда несколько территорий взаимовыгодно сотрудничают, либо что-то поставляют друг другу, либо объединяются для решения какой-то задачи) и т.д. Эти факторы способствуют дальнейшему развитию региона или ограничивают его. Развитые регионы притягательны для размещения производств и населения.

3. Политические факторы – экономическая стратегия правительства по развитию регионов.

4. Техничко-экономические факторы – конкретные производства, использующие специфические ресурсы, уровень научно-технического прогресса, показатели топливоемкости, энергоемкости, материалоемкости (т.е. насколько регион обеспечен этими ресурсами), транспортабельности,

наукоемкости, экологичности и т.п. Вышеперечисленные факторы можно классифицировать как: а) факторы относительно постоянного (длительного) действия – топливно-энергетические, минерально-сырьевые, водные, рекреационные и земельные ресурсы, рельеф, климатические условия; б) факторы, быстро изменяющиеся во времени, – экономико-географическое положение, транспортные условия, демографический фактор, производственная и социальная инфраструктура, санитарно-гигиенические условия (чистая вода в кране, хорошее отопление, качественная канализация).

То есть базовый уровень составляют экономические, социальные и природно-ресурсные факторы и предпосылки формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей.

Мы исходим из предположения, что определяющую роль в формировании и развитии социальных ресурсов территориальной общности играют факторы надстроечного уровня – собственно институциональные.

Поскольку пространственное развитие очень инерционно, можно сказать, что факторы институциональной среды, формирующие социальные ресурсы как социальный потенциал территории, выступающие характеристикой степени возможностей территориального сообщества по удовлетворению коллективных потребностей, – это прежде всего эндогенный потенциал региона.

Среди внутренних факторов институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов согласно общностному подходу¹ по отношению к субъекту – территориальной общности – можно выделить следующие: индивидуальные как социальные ресурсы личности (например, уровень образования, квалификации, профессиональные амбиции и карьерные устремления, стремление к самореализации и саморазвитию) и собственно территориальные как зависимые от места проживания (уровень

¹ Зборовский Г.Е. Указ. соч.

экономического, технологического развития территории, социальные и межличностные связи, устойчивость жизненной среды, возможность планирования жизни и т.п.).

Территориальные факторы, в свою очередь, можно подразделить на объективные и субъективные.

К объективным относятся:

– тип объединения людей на определенной территории; схожие условия жизни;

– включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, систему региональных/государственных общественных отношений;

– организация совместной деятельности и взаимодействия между проживающими в заданных границах людьми, имеющая как управленческий, так и синергетический, самоорганизующийся характер;

– социальные связи;

– схожие социальные ресурсы (пространственно-временные, экономические, социальные, политические, культурные, символические);

– человеческий капитал (интеллектуальный ресурс, потенциал и качество трудовых ресурсов), который в значительной степени влияет на конкурентоспособность территориальных общностей;

– научно-образовательный потенциал (количество и качество научных работников, состояние системы образования и науки), который создает базу для инновационного и научно-технического развития, а следовательно, для структурной перестройки и эффективности экономического развития территории.

Субъективными характеристиками территориальных общностей являются:

– общий интерес, определяющий мотивы нахождения на данной территории;

– разделяемые всеми или большинством правила, традиции, ценности и модели поведения;

– территориальная идентичность, выстраивание соотношений в системе социальных координат «мы – они»;

– конструирование социальной общности социальными агентами, имеющими больший доступ к социальным ресурсам (органы власти и управления, СМИ, лидеры мнений);

– наличие солидарности между членами общности;

– ментальность, «внутренняя энергетика», придающая смысл совместной деятельности на определенной территории.

Все эти элементы могут считаться составляющими социальных ресурсов территориальной общности.

Безусловно, эндогенные и экзогенные факторы взаимосвязаны и взаимодополняемы. Например, эффективная государственная политика и поддержка местного самоуправления могут усилить внутренние ресурсы общности, создавая условия для активного участия граждан в социальном процессе. Успешные инициативы на уровне местных сообществ могут привлекать внимание к региону, что, в свою очередь, может привести к экзогенному потоку ресурсов, инвестициям и поддержке. В результате возникает циклическая взаимосвязь: сильные эндогенные факторы способствуют привлечению экзогенных ресурсов, которые, в свою очередь, укрепляют и развивают внутренние характеристики сообщества.

Но именно эндогенные факторы, взаимодействуя друг с другом, формируют основу для развития социальных ресурсов территориальных общностей, поэтому в нашей работе мы будем уделять большее внимание именно им. Понимание этих факторов в контексте институциональной среды региона позволяет глубже анализировать динамику социальной сплоченности и формирование устойчивых сообществ. Исследование данных аспектов является важным шагом к выявлению эффективных моделей развития территориальных общностей в современных условиях и основой

для анализа специфики формирования и развития социальных ресурсов в регионах России.

Факторы институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов являются комплексным образованием, требующим согласования действий различных участников для достижения индивидуальных и общесистемных (региональных) целей. Эффективное воспроизводство и развитие социальных ресурсов требует комплексного подхода, учета региональных особенностей и устранения препятствий на пути их развития. Понимание роли факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов и содействия их развитию поможет не только улучшить качество жизни населения, но и повысить конкурентоспособность территорий на региональном и глобальном уровнях. Этим обусловлена необходимость исследования, направленного на оптимизацию использования социальных ресурсов в территориальном контексте.

Институциональная среда развития социальных ресурсов может быть насыщена барьерами формального и неформального характера. Поэтому необходим параллельный анализ барьеров институциональной среды формирования социальных ресурсов.

К формальным барьерам можно прежде всего отнести: региональную бюрократию, внутрирегиональные нормативные ограничения, регулирующие социальные проекты, экономический потенциал территории, ограниченные финансовые ресурсы, инфраструктурные проблемы и др.

Неформальные барьеры связаны с доминированием сдерживающих неформальных институтов, таких как традиционные взгляды и устоявшиеся практики, что препятствует развитию социальных ресурсов как адаптационному механизму реализации индивидуальных и коллективных целей территориального сообщества. Низкий уровень понимания и интереса к развитию территории проживания среди населения также влияет на развитие социальных ресурсов.

Именно барьеры создают сложную институциональную среду, в которой социальные ресурсы могут либо усиливать возможности территориальной общности, либо сталкиваться с серьезными препятствиями. Для достижения прогресса в области социальных ресурсов необходимо преодоление этих барьеров. При этом институциональная среда влияет на формирование и развитие социальных ресурсов территориальной общности, а качество социальных ресурсов территориальной общности обуславливает развитие институциональной среды.

На основе анализа эндогенных факторов институциональной среды можно оценить эффективность существующих институтов конкретной территориальной общности и их влияние на социальные ресурсы, а соответственно, дать рекомендации по формированию механизмов поддержки социальных ресурсов, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивое развитие территориальных общностей, способствует повышению качества жизни, укреплению социальных связей, формирует социальный капитал, который влияет на уровень доверия и сотрудничества между различными группами населения.

Социальные ресурсы реализуются как возможности, которые доступны индивидуумам и группам в рамках определенной территориальной общности, способствуя социальному взаимодействию, развитию и благосостоянию. Эти ресурсы могут быть как материальными, так и нематериальными. Материальное выражение заключается в способности социальных ресурсов обеспечить базу для экономической, социальной и политической активности и жизнедеятельности сообщества (например, доступ к финансам, инфраструктуре). Нематериальное выражение социальных ресурсов формирует уникальность территориальной общности и находит свое выражение в характере общественных связей, сети взаимопомощи, культурных традициях и практиках территориальной общности, которые укрепляют взаимосвязи между членами сообщества, позволяет сообществу адаптироваться к изменяющимся условиям и

эффективно их использовать для реализации индивидуальных и коллективных целей (например, доверие и солидарность среди членов сообщества). Ценность социальных ресурсов территориальной общности проявляется в процессе их использования в контексте достижения поставленных индивидуальных целей и целей, поставленных территориальной системой.

Выводы по параграфу 1.2

Институциональная среда территориальной общности является важнейшим аспектом, определяющим динамику развития и стабильность сообществ. Опираясь на основные положения институциональной теории, необходимо в институциональную среду формирования социальных ресурсов территориальных общностей включить факторы, определяющие ее территориальную специфику.

Так, на формирование и развитие социальных ресурсов оказывают влияние не только формальные (узаконенные правила и нормы) и неформальные (обычаи, традиции, институт семьи, религии, доверия, образования, нравственности, культуры, дружбы) связи, но и внешние (административно-территориальные, климатические, финансовые, экологические, правовые) и внутренние (качество территорий, место расположения, инфраструктура, имидж территории, качество жизни, удовлетворенность управлением, потенциал самоуправления, традиции и ожидания членов территориальной общности) факторы.

Формирование социальных ресурсов происходит под воздействием экзогенных и эндогенных факторов институциональной среды. Эндогенные факторы исходят из внутренних характеристик общности, тогда как экзогенные влияют извне.

Факторы институциональной среды, формирующие социальные ресурсы как социальный потенциал территории, выступающий характеристикой степени возможностей территориальной общности в плане удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей, – это прежде всего внутренний потенциал региона. Поэтому наш интерес сместился к анализу эндогенных факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов территориальной общности.

Понимание роли факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов и содействие их развитию помогут не только улучшить качество жизни населения, но и повысить конкурентоспособность территорий на региональном и глобальном уровнях. Эффективное воспроизводство и развитие социальных ресурсов требует комплексного подхода, учета территориальных особенностей и устранения барьеров на пути их развития.

1.3. Методологические основы исследования социальных ресурсов территориальных общностей

Вопрос о выборе методологических основ актуален для любого научного исследования. С этой точки зрения исследование социальных ресурсов территориальных обществ предполагает достаточно широкое поле для изучения.

А.В. Дятлов определяет следующие подходы к анализу социальных ресурсов¹:

¹ Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. С. 21–22.

– структурный (в социальных ресурсах заключен воспроизводственный потенциал существующей социальной структуры, обусловленный социальными позициями и институциональными предписаниями);

– деятельный (социальные ресурсы определяют способность общества к развитию, реализующемуся через устремления и активность субъектов).

Контуры конвергенции этих подходов можно найти в работах П. Штомпки¹. Но С.В. Снежко указывает, что подобное взаимодействие «вызывает споры относительно характера зависимости между структурой и действием, осуществляемым в рамках этой структуры»².

Отметим, что в качестве основы исследований проблем социальных ресурсов принято указывать концепцию человеческого капитала П. Бурдьё. Однако изыскания в этой сфере отечественных ученых показали применение более широкого спектра подходов и концепций, имеющих общую основу для методологического обоснования исследований по данной проблематике. Связано это с тем, что (как уже было показано ранее) интерпретация понятия «социальные ресурсы» охватывает огромный пласт социальных явлений и процессов. Сложность проведения подобного исследования обусловлена разнообразием и разноплановостью поднимаемых вопросов. В частности, на междисциплинарную суть изучаемого явления указывает П.А. Банников³.

Рассматривая основные концепции, определяющие суть феномена социальных ресурсов, О.С. Бекетова и А.И. Гришак сравнивают характеристики концепций социальных ресурсов с позиций теории управления. Авторы, обобщая научный опыт исследования ресурсов, сформулировали следующую совокупность концепций: «1) человеческого фактора, 2) человеческих ресурсов, 3) человеческого потенциала,

¹ Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

² Снежко С.В. Указ. соч. С. 18.

³ Банников П.А. Указ. соч.

4) человеческого капитала, 5) социального капитала»¹. Концепция человеческого фактора (К.К. Грищенко, И.Е. Задорожнюк, Э. Мэйо, Г.И. Царегородцев, Г.Х. Шингаров) констатирует, что силы, возникавшие в ходе взаимодействия между людьми, могли превзойти и часто превосходили усилия руководителя, а влияние окружения на поведение человека сильнее влияния руководителя². Таким образом, социальная среда влияет на формирование и развитие социальных ресурсов.

Концепция человеческих ресурсов предполагает активизацию человеческих ресурсов для их наиболее эффективного использования органами управления (М. Армстронг, Р. Лайкерт, Ф. Герцберг³). Концепция человеческого потенциала (Т.И. Заславская, Н.М. Римашевская) предполагает, что на определенном этапе развития (самого сообщества и внешней среды) социальные ресурсы превращаются в источник инновационных преобразований общества⁴. Для фиксации состояния развития и проведения сравнительного анализа введен количественный критерий индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), подсчитываемый на основе оценки продолжительности жизни, уровня жизни и уровня образования населения территориальной общности. Концепция человеческого капитала (Г. Аширова, Г. Беккер, Л. Нестеров, Т. Шульц⁵) подразумевает поиск путей мобилизации ресурсов для достижения успеха посредством вложений и инвестиций в развитие социальной среды. А концепция социального капитала (В.В. Радаев) акцентирует внимание на конвертации ресурсной составляющей и социальных взаимоотношений⁶.

¹ Бекетова О.С., Гришак А.И. Указ. соч. С. 27.

² Грищенко К.К. О роли человеческого фактора в процессе управления производством. Киев, 1968. 32 с.; Шингаров Г.Х., Царегородцев Г.И., Задорожнюк И.Е. Указ. соч.; Mayo G.E. The basis of industrial psychology // Bulletin of the Taylor Society. 1924. Vol. 9. P. 249–259; Item. The irrational factor in human behaviour – the «night-mind» in industry // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1923. Vol. 108. P. 117–130; Item. Research in Human Relations.

³ Армстронг М. Указ. соч.; Herzberg F. Op. cit.; Likert R. Op. cit.

⁴ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе; Римашевская Н.М. Указ. соч.

⁵ Нестеров Л., Аширова Г. Указ. соч.; Becker G. Op. cit.; Schulz T.W. Op. cit.

⁶ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация.

Именно последнее утверждение, на наш взгляд, наиболее полно соответствует теме данного диссертационного исследования. Концептуально поднимаемая в диссертации проблема активизации социальных ресурсов для успешного развития социально-экономической системы лежит в плоскости управленческих задач, поэтому вписывается в рассмотренный выше обзор, проведенный О.С. Бекетовой и А.И. Гришак¹. Однако нужно отметить, что, в отличие от большинства рассмотренных исследований по проблеме развития социальных ресурсов, данное диссертационное исследование акцентирует внимание на такой социально-экономической системе, как территория. Это, во-первых, обуславливает сложность реализации поставленной цели, что позволяет оговаривать возможность выпадения из поля аналитической деятельности некоторых факторов, в той или иной мере определяющих развитие социальных ресурсов территориальной общности. Таким образом, диссертантом предполагается определенная погрешность, возникающая в ходе проведения анализа факторов внешней и внутренней среды в силу сложности изучаемой социально-экономической системы. Во-вторых, акцент в ходе исследования будет делаться на социальном аспекте, так как для территориальной общности, в отличие от организации, вектором развития является не столько экономическая, сколько социальная эффективность. Для территориальной общности она конвертируется в уровень и качество жизни населения, оцениваемые как объективными показателями (например, продолжительность жизни, уровень образования и т.п.), так и субъективными характеристиками (например, социальная рефлексия качества жизни, комфортность среды для жизнедеятельности). С этой точки зрения исследования социальных ресурсов больших социально-экономических систем имеют свою специфику. Обзор проведенных в этой области исследований уточняет актуальные доминанции современного научного

¹ Бекетова О.С., Гришак А.И. Указ. соч.

интереса отечественных и зарубежных изысканий и позволяет корректно расставить акценты.

В частности, В.Н. Шиян указывает на целесообразность применения ресурсного подхода. В ходе анализа ситуации на Дальнем Востоке ученый резюмирует следующее: «Факты свидетельствуют, что ресурсный подход способствует решению социальных проблем в целом, снижению социальной напряженности на рассматриваемой территории, оздоровлению на ней ситуации с соблюдением правопорядка...»¹.

В работах Ю.А. Дроздовой также обосновывается актуальность исследования социальных ресурсов территорий с применением ресурсного подхода. Исследователь пишет, что «ресурсный подход представлен как теоретическая парадигма в работах как зарубежных (Дж. Коулман, П. Бурдьё, Р. Патнэм, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма), так и отечественных социологов (Т.И. Заславская, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Н.Е.Тихонова)»². Как указывает Ю.А. Дроздова, уникальность социальных ресурсов конкретной территориальной общности проявляется «в свойствах капитализироваться и постоянно воспроизводиться, восполняться вследствие развития территориальных общностей»³.

Другой ученый, Б.Д. Очиров, исследуя ресурсы Республики Бурятия, делит ресурсы на имеющие абсолютную или относительную уникальность. В связи с этим уникальность ресурсов региона Б.Д. Очиров определяет «возможностью их технически осуществимой и экономически эффективной замены в экономических (производственных) и социальных процессах»⁴.

Проводимые Ю.А. Дроздовой исследования социальных ресурсов Волгоградской области⁵ дают возможность обозначить целесообразность использования интегрированной социологической парадигмы,

¹ Шиян В.Н. Указ. соч. С. 28.

² Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей. С. 84.

³ Там же.

⁴ Очиров Б.Д. Экономические и социальные ресурсы развития региона как основа его конкурентоспособности // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 4. С. 119.

⁵ Дроздова Ю.А. Методология исследования социальных ресурсов территориальных общностей.

сконструировать индекс социальной ресурсообеспеченности, позволяющий оценить социальные ресурсы территориальных общностей горожан и сельских жителей, а также зафиксировать специфику пространственно-временного континуума. По мнению исследователя, социальная рефлексия времени и пространства жителей конкретной территориальной общности обладает определенной спецификой.

В исследованиях зарубежных ученых (Э. Гидденс¹) также разрабатывается вопрос темпоральной и пространственной дифференциации регионов внутри выделяемых локальностей или между ними. Существенную связь между социальным пространством, временем и социальным смыслом отмечает в своей работе А.Ф. Филиппов². Данная идея получила развитие в исследованиях и других отечественных ученых (А.С. Ващук, А.А. Чернега, Е.Н. Чернолуцкая). В частности, А.С. Ващук и Е.Н. Чернолуцкая считают методологически грамотным анализ, предполагающий оценку сущности «социальных ресурсов через их включение в социальную деятельность в границах определенного пространства и времени»³. А.А. Чернега указывает на необходимость учитывать «специфику социальных ресурсов в широком значении в контексте проблемы включенности территориального пространства в логику ресурсного анализа»⁴ и рассматривать проблемы территорий в исторической ретроспективе. Акцент на ретроспективном анализе проблем развития социальных ресурсов территориальной общности был сделан в исследованиях А.Г. Тюрикова⁵ и В.Н. Шияна⁶.

Важным для целей нашего исследования представляется замечание А.А. Чернеги по поводу значимости оценки уровня дифференциации и стратификационных процессов, происходящих в территориальной общности.

¹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 500.

² Филиппов А.Ф. Социология пространства // Логос. 2000. № 2. С. 113–151.

³ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. Социальные ресурсы Приморского края для службы по контракту в Вооруженных Силах России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 2. С. 172.

⁴ Чернега А.А. Указ. соч. С. 158.

⁵ Тюриков А.Г. Социальные ресурсы и капитал: уроки и вызовы современности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 2. С. 51–53.

⁶ Шиян В.Н. Указ. соч.

В частности, отмечается, что «структура социального пространства выступает в виде распределения в нем ресурсов в соответствии с определенными правилами, поддерживаемыми и рутинизируемыми социальными акторами»¹. Ресурсный подход и стратификационный анализ социальной среды связывает в своих исследованиях целый ряд отечественных исследователей (В.Ф. Анурин, М.К. Горшков, Ю.А. Дроздова, А.В. Дятлов, Т.И. Заславская, В.И. Ильин, М.Г. Колосницына, Н.Е. Тихонова, А.В. Филиппова²). Ряд ученых указывает на то, что «к числу самых острых социальных проблем жители страны в начале 2019 г., как свидетельствуют результаты опроса “Левада-центра”, отнесли рост цен, бедность, обнищание населения и коррупцию»³.

Необходимо обратить внимание на такую территориальную характеристику социальных взаимодействий, как национальный состав населения и межэтнические отношения. Важный вклад в исследование данной проблематики внесли М.А. Герман, В.И. Денисов, Г.С. Денисова и С.Я. Суций⁴. Учеными был проанализирован комплекс демографических, миграционных и этнических процессов, проведены исследования идентичности и межэтнических отношений по Ростовской области и произведено картографирование этих процессов. Как отмечают отечественные исследователи, в стране «наблюдается двойственный эффект: объединение локальных социальных групп на почве этноконфессиональных ценностей и ресурсов становится фактором деконсолидационных процессов

¹ Чернега А.А. Указ. соч. С. 158.

² Анурин В.Ф. Указ. соч.; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Указ. соч.; Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей. С. 90; Дятлов А.В. Социальные ресурсы в контексте «динамического поля» // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 9–21; Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917–1996: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарск. ун-т, 1996. 349 с.; Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе; Её же. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность (окончание). 2005. № 4. С. 13–25; Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях.

³ Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалиях / Е.М. Харитонов, В.С. Пусько, А.В. Верещагина [и др.]. С. 227.

⁴ Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г.С. Денисова, М.А. Герман, В.И. Денисов, С.Я. Суций.

и конфликтов на уровне макрообщностей...»¹. В.В. Кривоусков подчеркивает, что социальный капитал, привлекая новых активных членов в региональное сообщество, является фактором его консолидации².

Важность оценки влияния среды обитания, качества управления и условий жизни на развитие социальных ресурсов отмечают многие исследователи. По этому поводу И.В. Нечаева пишет, что «социоресурсная основа деятельности индивида в комплексе объединяет внешние, объективные ресурсы социальной среды и субъективные социальные диспозиции личности, которые при воздействии (отсутствии воздействия) ресурсов государственной политики способны приобрести вектор самостоятельного либо стимулируемого развития...»³. Детализируя данный вопрос, А.В. Вотинов указывает, что «среда обитания, условия жизни воздействуют на формирование человеческого капитала не меньше, чем возможность аккумулировать знания и навыки»⁴. На это же указывает И.И. Новикова, которая пишет, что «основным инструментом привлечения ценных человеческих ресурсов и важнейшей составляющей региональной конкурентоспособности выступает уровень жизнеобеспечения населения»⁵. Как отмечает А.В. Вотинов, «фактическое благосостояние граждан, от которого зависит рост человеческого капитала, формируется на уровне регионов»⁶. При этом органы управления территорией выступают звеном, регулирующим взаимоотношения между основными компонентами экономического оборота, и создается режим благоприятствования для приоритетных для государства акторов. Таким образом, исследователи отводят важное место территориальной специфике в процессе формирования и развития социальных ресурсов.

¹ Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалиях / Е.М. Харитонов, В.С. Пусько, А.В. Верещагина [и др.]. С. 228.

² Кривоусков В.В. Указ. соч.

³ Нечаева И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства. С. 26.

⁴ Вотинов А.В. Указ. соч. С. 178.

⁵ Новикова И.И. Указ. соч. С. 352.

⁶ Вотинов А.В. Указ. соч. С. 181.

М.Ю. Мореханова, М.С. Муханбетчина и В.Н. Рубцова предлагают рассматривать «системы образования и здравоохранения как существенные факторы инновационного социально-экономического развития... территорий»¹. Проблему связи «социальные ресурсы территориальной общности – образовательное пространство» анализируют Е.В. Головацкий и Л.Л. Шпак. Они отмечают, что «воспроизводство ресурсов на территории подчеркивается спецификой местного развития»². В исследованиях Т.Д. Стрельниковой рассматривается вопрос о качестве медицинского обслуживания. В частности, указывается, что «из-за проблем, связанных со здоровьем работников, в России потери в производительности составляют до 14%»³. Ситуация осложняется тем, что на текущий момент, по мнению отечественных ученых, в стране здравоохранение, культура, образование и наука находятся в состоянии глубокого кризиса⁴.

Т.А. Зудочкина при анализе социальных ресурсов делает акцент на использовании объективных данных. Среди них выделяются такие, как уровень среднемесячной заработной платы, темп роста заработной платы, отношение среднемесячной заработной платы к среднеобластному показателю и прожиточному минимуму трудоспособного населения⁵. Л.П. Богданова и И.П. Смирнов, исследуя состояние социальных ресурсов, обращают внимание на такие показатели, как численность людей с высшим образованием, число учреждений культуры, дополнительного образования, творческой занятости; расходы местного бюджета в расчете на одного жителя; доля занятых в сфере малого и среднего предпринимательства в структуре занятого населения; количество и структура некоммерческих организаций (НКО)⁶. Т.Е. Родина считает целесообразным, кроме уже

¹ Рубцова В.Н., Мореханова М.Ю., Муханбетчина М.С. Указ. соч. С. 111.

² Головацкий Е.В., Шпак Л.Л. Указ. соч. С. 103.

³ Стрельникова Т.Д. Указ. соч. С. 309.

⁴ Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалиях / Е.М. Харитонов, В.С. Пусько, А.В. Верещагина [и др.].

⁵ Зудочкина Т.А. Указ. соч.

⁶ Богданова Л.П., Смирнов И.П. Указ. соч.

указанных показателей, учитывать уровень безработицы и занятости, уровень экономически активного населения, число родившихся и умерших и ожидаемую продолжительность жизни родившихся¹.

Многие исследователи (А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова, В.А. Ядов, М.А. Ядова²) указывают на то, что в оценке территориальной общности большое значение играют естественные ресурсы. Естественными ресурсами территориальной общности называются ее социально-демографические показатели (пол, возраст, образование, брачное состояние, наличие детей, тип поселения). Я.В. Свило определяет в качестве основополагающего фактора развития социальных ресурсов личности семью и друзей³. С.В. Снежко предлагает в качестве значимой составляющей социального ресурса рассматривать практику неформальных отношений⁴. На эти же моменты обращает внимание в своих исследованиях Н.И. Яковлева⁵. Она производила сравнительный анализ групп, построенных на основе самооценки своей успешности и неуспешности, включая вопросы о необходимости для респондентов поддержки со стороны семьи и друзей.

Подводя итоги концептуально-методологическому обзору научно-исследовательских работ в области развития социальных ресурсов территориальных общностей, необходимо остановиться на работе В.А. Ядова. Ученым разработан хорошо структурированный список элементарных составляющих социального ресурса личности, который актуален, на наш взгляд, и в текущий момент⁶:

- стартовый капитал (социальное происхождение и первичная социализация);
- возраст;

¹ Родина Т.Е. Указ. соч. С. 124.

² Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Указ. соч.; Ядов В.А. Указ. соч.; Ядова М.А. К вопросу о модернизационном капитале // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2019. № 4. С. 88–91.

³ Свило Я.В. Указ. соч. С. 162.

⁴ Снежко С.В. Указ. соч.

⁵ Яковлева Н.И. Указ. соч.

⁶ Ядов В.А. Указ. соч. С. 314–317.

- состояние здоровья;
- образование, квалификация;
- активное владение иностранными языками;
- уровень материального благосостояния;
- проживание в мегаполисе или крупном городе;
- наличие обширной цепи межличностных взаимосвязей;
- гендерная принадлежность;
- этнокультурная или национальная принадлежность;
- принадлежность к определенной религиозной конфессии;
- высокая личностная самооценка, интернальность;
- готовность к риску;
- способность к адаптации.

С одной стороны, лаконичность, а с другой, информативность содержания данного списка позволяют взять его за основу для разработки методической части данного диссертационного исследования.

Многокомпонентность и сложность понятия «социальные ресурсы» предопределили многообразие подходов к его изучению. Подобное мнение можно найти во многих работах (А.В. Верещагина, М. Доненфелд, Ю.А. Дроздова, В.И. Курбатов, Л.П. Морозова, А.В. Попов, В.С. Пусько, А.Г. Тюриков, Е.М. Харитонов, А.А. Чернега¹).

Основными методами исследования в ходе изучения социальных ресурсов территориальной общности будут:

- анализ объективной информации на основе анализа статистических данных (вторичный анализ);
- анализ субъективной информации в рамках съема первичных данных в ходе анкетирования жителей Ростовской области.

¹ Дроздова Ю.А. Территориальные общности в условиях социальной турбулентности; Морозова Л.П. «Местное сообщество» как аспект социологического анализа // Социальная политика и социология. 2009. № 2. С. 177–187; Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалиях / Е.М. Харитонов, В.С. Пусько, А.В. Верещагина [и др.]; Тюриков А.Г. Указ. соч.; Чернега А.А. Указ. соч.; Martin J. Op. cit.

Программа исследования отражена в приложении 7.

Логически структура анкеты ориентирована на исследование двух направлений:

- восприятие респондентами ситуации в Ростовской области;
- рефлексия собственного социального положения, удовлетворенности потребностей и оценка своей жизнедеятельности.

Первая совокупность вопросов позволяет в ходе анализа данных сформировать социальную оценку жизненного пространства среды, в качестве которого предстает перед человеком территориальная общность.

В эту группу входит восемь вопросов, описывающих важные для жителя области социально-экономические характеристики территориальной общности. В том числе:

- 1) уровень привлекательности Ростовской области для проживания;
- 2) желание респондента дальше жить в этой области и вносить свой вклад в развитие данной территории;
- 3) основные проблемы территории, которые беспокоят лично респондента (в перечень были включены все основные проблемы, выявленные в проведенном выше теоретическом обзоре работ исследователей, работавших ранее над данной проблематикой);
- 4) барьеры, которые мешают развиваться региону;
- 5) уровень эффективности деятельности региональной власти;
- 6) социальные структуры и институты, которым доверяет респондент;
- 7) перспективы развития социально-экономической ситуации в области на ближайшие два-три года;
- 8) тип взаимоотношений, который преобладает у жителей территории/региона и прибывшего населения (мигранты, переселенцы).

В этом перечне первый и второй вопросы позволяют определить динамику миграционных процессов (главным образом, потенциально возможный отток жителей области). Вопросы 3, 4 раскрывают те проблемы, которые мешают респонденту воспринимать территорию как комфортную

среду для жизнедеятельности. Вопросы 5–7 показывают оценку деятельности органов управления, действующих на региональном уровне. Последний, восьмой вопрос отражает характер отношений жителей региона с переселенцами. Этот вопрос позволяет определить уровень конфликтности / терпимости к мигрантам.

Вторая совокупность вопросов позволяет понять состояние социальных ресурсов личности и на этой основе определить общие перспективы развития. В эту группу входит семь вопросов. В том числе:

- 1) оценка способности контролировать собственную жизненную среду и уровень субъектности респондента;
- 2) оценка финансовых возможностей семьи респондента;
- 3) оценка преимущества социального происхождения (стартовый капитал);
- 4) оценка адаптивности семьи;
- 5) уровень удовлетворенности потребностей;
- 6) оценка материального положения;
- 7) оценка составляющих социального ресурса личности, играющих решающую роль в формировании конкурентоспособной личности и достижении социального успеха.

Оценка удовлетворенности производится по 15 потребностям, входящим в пирамиду А. Маслоу¹. В том числе оцениваются потребности:

- материальные;
- культурные;
- в образовании;
- в трудовой деятельности;
- в досуге;
- в самореализации;
- в общении;

¹ Maslow A.H. Motivation and personality. N.Y.: Harpaer & Row, 1954. 164 p.

- в безопасности;
- в сохранении здоровья;
- физиологические (в пище, одежде, жилье);
- в стабильности жизни;
- в гарантии занятости;
- в дружбе и привязанности;
- в признании заслуг;
- в творчестве и инновациях.

Анализ этих данных позволит определить уровень актуализации потребностей в социально-экономической среде территориальной общности.

Оценка материального положения позволяет провести ретроспективный анализ (отследить динамику изменения восприятия своего материального положения в период 10 лет назад, 5 лет назад, 3 года назад и сравнить его с ситуацией на 2022 г.).

Одним из наиболее важных вопросов в анкете, на наш взгляд, является вопрос о составляющих социального ресурса личности, играющих решающую роль в формировании конкурентоспособной личности и достижении социального успеха. Для ответа на этот вопрос используется номинальная шкала. Шкальные значения представляют собой составляющие списка, приведенного В.А. Ядовым. Ответы респондентов позволят выявить наиболее эффективные инструменты социального пространства, позволяющие повысить свою конкурентоспособность и успешность.

Далее обратимся к вопросам «паспортички». Ранее было выявлено существенное влияние стратификационных процессов на развитие социальных ресурсов, поэтому в анкету был включен вопрос о социальном положении респондента, предполагающий стандартную градацию по пяти уровням (высший класс; выше среднего; средний класс; ниже среднего; низший класс).

Так как «естественные ресурсы» существенно влияют на развитие территориальной общности, то в «паспортичку» анкеты вошли традиционные вопросы, позволяющие определить социальный портрет респондента (пол, возраст, образование, семейное положение, количество детей, вид деятельности). Для формирования объективной основы для понимания материального положения респондента в «паспортичку» был помещен вопрос об уровне ежемесячного дохода, в среднем приходящегося на каждого члена семьи. Для формализации последующего анализа данных по этому вопросу обратимся к классификации Г. Кана, которая делит общества по уровню развития в зависимости от уровня среднедушевого дохода (таблица 1.5)¹:

- доиндустриальные общества – общества со среднедушевым доходом 50–200 долларов;
- частично индустриальные общества – 200–600 долларов;
- развитые индустриальные общества – 1500–4000 долларов;
- постиндустриальные – общества, где среднедушевой доход превышает 4000 долларов.

Для того чтобы сформировать шкалу среднедушевой доходности, используем следующие данные:

- минимальный прожиточный уровень на август 2022 г. составил 11,895 тыс. руб.;
- среднедушевой доход на август 2022 г. составил 37,361 тыс. руб.;
- официальный курс доллара на август 2022 г. составил 62,38 руб.

Полученные в ходе исследования результаты позволят определить, к какому классу общества относится изучаемое территориальное сообщество.

Указанные выше вопросы, приведенные в анкете (приложение 8), позволяют осуществить измерение состояния социальных ресурсов территориальной общности.

¹ Приводится по: Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. С. 59.

Таблица 1.5 – Определение шкальных значений по уровню дохода

Классификация Г. Кана		Значение шкалы доходности нашего исследования		Примечание
общество	среднеду- шевой доход (долл.)	переходные значения	итоговые значения шкалы (тыс. руб.)	
Доиндуст- риальное	50–200	За минималь- ную границу берем мини- мальный прожи- точный уровень	Менее 11,9	200 долл. равно 12,5 тыс. руб.
Частично индустри- альное	200–600	От прожиточного минимума до 400 долл.	От 11,9 до 25	Учитывая низкодо- ходность населения, этот интервал разобьем на три; 400 долл. = 25 тыс. руб.
–	–	От 400 долл. до 600 долл.	От 25,1 до 37,4	В качестве проме- жуточной границы будем считать уро- вень среднедушевого дохода (37,4 тыс. руб.)
–	–	От 600 долл. до 1500 долл.	От 37,5 до 93,6	600 долл. = 37,5 тыс. руб. 1500 долл. = 93,6 тыс. руб.

Классификация Г. Кана		Значение шкалы доходности нашего исследования		Примечание
общество	среднеду- шевой доход (долл.)	переходные значения	итоговые значения шкалы (тыс. руб.)	
Развитое индуст- риальное	1500–4000	Свыше 1500 долл.	Свыше 93,6	Учитывая низкодоходность населения, верхнюю границу не устанавливаем
Пости- ндусти- альное	Превы- шает 4000	–		При наличии респондентов с таким уровнем доходов их численность будет статистически незначима

Ряд вопросов в анкете респондентам предлагается оценить по пятизначной порядковой шкале (показывает монотонное возрастание шкальных значений). Пятизначная порядковая шкала имеет пять делений (рисунок 1.4).

Рисунок. 1.4 – Пример пятизначной порядковой шкалы

Такая шкала применялась в анкете для ранжирования ответов на вопрос «Опишите ваше материальное положение». Первое значение на шкале

обозначает максимально выраженный признак, последнее – минимально выраженный:

- хорошее – 1;
- скорее хорошее – 2;
- затрудняюсь ответить – 3;
- скорее плохое – 4;
- плохое – 5.

Помимо пятизначной порядковой шкалы, в анкете применялась трехзначная порядковая шкала. Она имеет всего три деления, позволяя фиксировать положительный, нейтральный (промежуточный, неопределенный) и отрицательный ответ. В таком формате респондентам задавался вопрос об уровне удовлетворенности их потребностей. Например: «Удовлетворены ли ваши материальные потребности?»:

- да, удовлетворены – 1;
- затрудняюсь ответить – 2;
- нет, не удовлетворены – 3;

Таким образом, выбирая один из альтернативных ответов, респондент определял уровень своей удовлетворенности отдельно по каждой из 15 потребностей, являющихся элементами пирамиды А. Маслоу.

Для дальнейшей обработки полученных в ходе статистического анализа и анкетирования данных применялись математические методы и корреляционный анализ. Корреляция указывает на наличие статистической взаимосвязи исследуемых признаков. Происходит это с помощью сравнения и сопоставления рядов распределения, построенных на основании группировок по различным признакам.

Коэффициент, который используется в диссертации для проведения анализа статистической информации, называется коэффициентом корреляции Пирсона. Данный коэффициент характеризует степень линейной зависимости между анализируемыми переменными. Расчет производился по формуле:

$$R_{X,Y} = \frac{M[XY] - M[X]M[Y]}{\sqrt{(M[X^2] - (M[X])^2)}\sqrt{(M[Y^2] - (M[Y])^2)}},$$

где M – математическое ожидание.

Коэффициент корреляции изменяется в пределах $[-1; +1]$. Если коэффициент корреляции равен по модулю единице, то можно говорить о функциональной связи. Значение R характеризует следующий уровень связи между переменными:

- очень высокая положительная $[+0,75; +1,0]$;
- высокая положительная $[+0,5; +0,74]$;
- средняя положительная $[+0,25; +0,49]$;
- слабая положительная $[0,00; +0,24]$;
- слабая отрицательная $[0,00; -0,24]$;
- средняя отрицательная $[-0,25; -0,49]$;
- высокая отрицательная $[-0,5; -0,74]$;
- очень высокая отрицательная $[-0,75; -1,00]$.

В диссертационном исследовании коэффициент Пирсона применяется в рамках системного подхода для выявления силы влияния различных факторов, определяющих состояние институциональной среды, на развитие социальных ресурсов Ростовской области. Для этого производится расчет коэффициента корреляции Пирсона по основным социально-экономическим характеристикам территориальной общности. Для проверки достоверности расчетных данных полученные коэффициенты оценивались на значимость (проверка на достоверность при помощи t-критерия). Расчет производился по стандартной формуле:

$$t_{\text{набл}} = R_{X,Y} \frac{\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-R_{X,Y}^2}}.$$

Полученное в ходе расчетов значение сравнивалось с $t_{\text{кр}}$, которое необходимо определить по таблице распределения Стьюдента (t-распределение). В рамках данного диссертационного исследования

установим уровень значимости в значении $\alpha = 0.05$. Степень свободы определяется как $k = n - m - 1$. При $t_{\text{набл}} > t_{\text{кр}}$ рассчитанное значение коэффициента корреляции Пирсона считается значимым, а при $t_{\text{набл}} < t_{\text{кр}}$ – незначимым. Оценка влияния факторов социально-экономической среды дает возможность наметить оптимальные направления развития социальных ресурсов Ростовской области.

Эмпирическая база исследования. Эмпирической базой диссертационного исследования являются результаты социологического анализа ответов населения Ростовской области, осуществлявшегося в течение октября–декабря 2022 г., проводившегося автором диссертации (в том числе разработка анкеты, расчет выборки, создание базы данных) в рассматриваемых территориальных общностях.

Описание социологического исследования и выборки. Для проведения исследования были сформированы репрезентативные выборки (по 200 человек в каждой) по городам Ростову-на-Дону (крупнейшая агломерация), Таганрогу (крупный/большой город) и по сельским поселениям Ростовской области. Это обусловлено тем, что в ходе исследования проверялась гипотеза о несхожести социальных ресурсов полисов, провинциальных городов и сельских поселений. В ходе исследования методом анкетного опроса сбор данных проводился с помощью гнездовой выборки по трем территориальным общностям (жители Ростова-на-Дону; жители Таганрога; жители сельской местности Ростовской области). В каждой общности выделены гнезда размером по 200 человек.

Работы, показывающие несовпадение социальных ресурсов сельской и городской территориальных общностей, наглядно демонстрируют как отставание качества среды жизнедеятельности, так и слабый потенциал непосредственно самих жителей сельских поселений (что показывают в своих исследованиях А.И. Карагулова, М.Ю. Мореханова, М.С. Муханбетчина, И.В. Нечаева, И.И. Новикова, В.Н. Рубцова,

Т.В. Рязанцева¹). Необходимо отметить, что территориальная общность Ростовской области находится под пристальным вниманием исследователей. Однако в данном диссертационном исследовании предпринимается попытка выяснить точки совпадения или расхождения социальных ресурсов и потенциала жителей областного, провинциального городов и сельских поселений. В связи с этим были составлены три выборки, отражающие характеристики генеральной совокупности в соответствии с данными статистики.

Сведения о генеральной совокупности получены по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2022 г. Квотирование осуществлялось по таким признакам, как пол, возраст, образование. Из общего количества входящих в генеральную совокупность каждого города были исключены жители в возрасте до 17 лет (включительно). Далее было определено гендерное и возрастное соотношение по каждому городу. Затем на основе полученных данных составлена характеристика выборочных совокупностей (в целях проведения сравнительного анализа выборка составила 200 человек по каждой из обследуемых территориальных общностей).

Подобное квотирование позволяет проводить сравнительный анализ при неравнозначности элементов социальной структуры (областной центр, малые города, сельские регионы), по отношению к которым нельзя использовать стратифицированный подход. Внутри гнезда проведено квотирование по трем признакам: пол, возраст, образование (распределение отражено в приложении 9).

Результаты расчетов приведены в таблицах 1.6, 1.7. Для сравнения в исследовании изучаются социальные установки жителей сельской местности Ростовской области (таблица 1.8).

¹ Карагулова А.И. Указ. соч.; Нечаева И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства; Новикова И.И. Указ. соч.; Рубцова В.Н., Мореханова М.Ю., Муханбетчина М.С. Указ. соч.; Рязанцева Т.В. Указ. соч.

Таблица 1.6 – Характеристика выборки для Ростова-на-Дону

Индикатор	Градации шкалирования	Характеристики генеральной совокупности, чел.	Масштаб группы	Выборочная совокупность <i>N</i> = 200 чел.
	Всего взрослого населения	872 033	100%	200
Пол	Мужской	397 036	45,53%	91
	Женский	474 996	54,47%	109
Возраст	18–29 лет	136 264	15,6%	32
	30–39 лет	167 158	19,2%	39
	40–49 лет	145 482	16,68%	34
	50 лет и старше	423 129	48,52%	95
Образование	Высшее	253 753	29,2%	59
	Незакончен- ное высшее	36 462	4,2%	8
	Среднее специальное (профессио- нальное)	418 749	48%	96
	Среднее (полное) общее	128 188	14,6%	29
	Неполное среднее и ниже	34 881	4%	8

Таблица 1.7 – Характеристика выборки для Таганрога

Индикатор	Градации шкалирования	Характеристики генеральной совокупности, чел.	Масштаб группы	Выборочная совокупность $N = 200$ чел.
	Всего взрослого населения	194 439	100%	200
Пол	Мужской	86 583	44,53%	89
	Женский	107 856	55,47%	111
Возраст	18–29 лет	29 775	15,31%	32
	30–39 лет	36 526	18,78%	38
	40–49 лет	31 789	16,34%	32
	50 лет и старше	96 349	49,55%	98
Образование	Высшее	55 447	28,53%	57
	Незаконченное высшее	7708	3,96%	9
	Среднее специальное (профессиональное)	91 501	47,06%	94
	Среднее (полное) общее	37 297	19,18%	38
	Неполное среднее и ниже	2486	1,27%	2

**Таблица 1.8 – Характеристика выборки для жителей
сельских поселений Ростовской области**

Градации шкалирования	Характеристики генеральной совокупности, чел.	Масштаб группы	Выборочная совокупность $N = 200$ чел.
Всего взрослого населения:	1323,9 тыс.	100%	200
В том числе:			
мужчины	588,7 тыс.	44,47%	89
женщины	735,2 тыс.	55,53%	111

Для комплексной оценки ситуации в Ростовской области применяется анализ статистических данных. Основу анализа составляют социально-экономические характеристики территориальной общности, обуславливающие развитие социальных ресурсов. Источником информации является сайт Федеральной службы государственной статистики¹. Анализируется динамика данных с 2017 по 2022 г. В том числе: уровень среднемесячной заработной платы, прожиточный минимум, численность трудоспособного населения, естественная убыль населения Ростовской области, миграционные потоки (приложение 10), денежные доходы на душу населения в среднем за месяц, средняя продолжительность жизни. Оценка динамики подобных характеристик территориальной общности позволяет сделать вывод о текущем состоянии социальных ресурсов Ростовской области и об основных тенденциях, произошедших за последние пять лет.

¹ Социально-экономическое положение Ростовской области / Сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <https://gks.ru/region/doc11160/Main.htm> (дата обращения: 19.07.2024).

Выводы по параграфу 1.3

Сложность и многоплановость проблемы развития социальных ресурсов проецируется на выбор методологических основ исследования. В силу локализации исследовательского интереса на изучении социальных ресурсов территориальной общности проблемное поле будет охватывать экономические и социальные характеристики территории с акцентом на социальной составляющей. Логика исследования диктует необходимость работы с объективной информацией (анализ статистических данных с последующей корреляционной оценкой влияния факторов внешней среды на состояние социальных ресурсов Ростовской области) и субъективной информацией (анкетирование жителей Ростова-на-Дону, Таганрога, сельских поселений Ростовской области с последующим сравнительным анализом социальных оценок комфортности среды жизнедеятельности в крупнейшей агломерации, большом городе и сельской местности, мнения населения по поводу удовлетворенности потребностей и отношения к проблемам территориальной общности).

Выводы по главе 1

1. Применение контент-анализа для обоснования исследовательского поля понятия «социальные ресурсы» показало достаточно широкую интерпретацию и понимание роли и значения социальных ресурсов для развития социального капитала и территориальных общностей. Учитывая социально-экономическую нестабильность и мобильность научной мысли, можно заключить, что многокомпонентность понятия также претерпевает определенные изменения, в то время как его семантическое ядро остается

относительно стабильным. Понятие «социальные ресурсы» разрабатывается в основном в областях социологического и частично экономического знания. Осмысление социальных ресурсов в научном сообществе зависит от конкретной социальной ситуации, детерминированной социально-экономической обстановкой и территориальной спецификой. Существенное влияние на развитие социальных ресурсов имеют такие социальные феномены, как: социальный капитал; человеческий капитал; социальные сети; молодежь; регион; управление; политические нововведения; гражданское общество; доверие; личностные ресурсы; образование; семья; социальная адаптация; социальный потенциал; экономические ресурсы; адаптация; качество жизни; ресурсный потенциал; сельские территории. Таким образом, это многокомпонентное понятие, имеющее социальные и экономические составляющие (с доминированием в социологической области), включающее совокупность всей ресурсной базы социальных акторов, входящих в конкретную территориальную общность. Социальные ресурсы территориальной общности – это набор потенциалов, включающихся в обеспечение процессов, непосредственно позволяющих удовлетворять социальные потребности членов территориальной общности и воспринимаемых в качестве таковых в процессах многофункциональных взаимодействий членов территориальной общности. Социальные ресурсы находят свое выражение в возможностях, которые доступны индивидуумам и группам в рамках определенной территориальной общности и способствуют их социальному взаимодействию, развитию и благосостоянию.

2. Формирование социальных ресурсов происходит под воздействием экзогенных и эндогенных факторов институциональной среды. Эндогенные факторы исходят из внутренних характеристик общности, тогда как экзогенные влияют извне. Факторы институциональной среды, формирующие социальные ресурсы как социальный потенциал территории, выступающий характеристикой степени возможностей территориальной общности в плане удовлетворения индивидуальных и коллективных

потребностей, – это прежде всего внутренний потенциал региона. Поэтому наш интерес сместился к анализу эндогенных факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов территориальной общности. Понимание роли факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов и содействие их развитию помогут не только улучшить качество жизни населения, но и повысить конкурентоспособность территорий на региональном и глобальном уровнях. Эффективное воспроизводство и развитие социальных ресурсов требуют комплексного подхода, учета территориальных особенностей и устранения барьеров на пути их развития.

Сложность и многоплановость проблемы развития социальных ресурсов проецируется на выбор методологических основ исследования. В силу локализации исследовательского интереса на изучении социальных ресурсов территориальной общности проблемное поле будет охватывать экономические и социальные характеристики территории с акцентом на социальной составляющей. Логика исследования диктует необходимость работы с объективной информацией (анализ статистических данных с последующей корреляционной оценкой влияния факторов внешней среды на состояние социальных ресурсов Ростовской области) и субъективной информацией (анкетирование жителей Ростова-на-Дону, Таганрога, сельских поселений Ростовской области с последующим сравнительным анализом социальных оценок комфортности среды жизнедеятельности в крупнейшей агломерации, большом городе и сельской местности, мнения населения по поводу удовлетворенности потребностей и отношения к проблемам территориальной общности).

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1. Факторы институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области

Институциональная среда играет важнейшую роль в формировании и развитии социальных ресурсов на уровне региона. Ростовская область, находящаяся на юге России, представляет собой уникальный пример, где сочетаются формальные и неформальные компоненты, оказывающие влияние на жизнь местного населения и его ресурсы.

Для начала опишем эндогенные факторы институциональной среды Ростовской области как ее формальные и неформальные компоненты.

К формальным прежде всего можно отнести:

– государственные органы власти и управления. Ростовская область имеет развитую структуру местного самоуправления, включающую в себя администрации муниципальных образований, которые отвечают за реализацию социальных программ, развитие инфраструктуры и поддержку бизнеса. Эти органы играют ключевую роль в формировании социальных ресурсов за счет создания условий для трудовой занятости и социальной поддержки населения;

– законодательные инициативы. Формирование и развитие социальных ресурсов также зависит от местных и региональных законов, касающихся здравоохранения, образования, социальной защиты и предпринимательства. Например, программы по поддержке малого и среднего бизнеса способствуют экономическому развитию, что, в свою очередь, улучшает качество жизни населения;

– образовательные учреждения. Высшие учебные заведения и профессиональные колледжи, функционирующие в Ростовской области, формируют компетенции и навыки у местного населения, что является важным компонентом социальной инфраструктуры и способствует созданию высококвалифицированных кадров.

Неформальные компоненты институциональной среды – это:

– социальные сети и сообщества. В Ростовской области активно действуют различные общественные организации, которые работают в сферах экологии, культуры, социальной помощи и поддержки уязвимых групп населения. Эти сообщества помогают усилить местные связи, формируя уникальные социальные ресурсы через взаимодействие и сотрудничество;

– культурные традиции и обычаи. Местные традиции и культурные особенности (например, праздники, фестивали, народные ремесла) формируют региональную идентичность и способствуют укреплению социальных связей. Культурные мероприятия привлекают внимание жителей и создают возможности для совместной деятельности;

– семейные и дружеские связи. Неформальные взаимодействия между членами семьи и друзьями являются важными источниками поддержки и ресурсов для жителей Ростовской области. Эти связи особенно значимы в кризисные моменты, когда формальные институты могут оказаться недостаточно эффективными.

Таким образом, институциональная среда Ростовской области благодаря сочетанию формальных и неформальных компонентов эндогенного потенциала создает особые условия для формирования социальных ресурсов. Понимание этих механизмов может способствовать более эффективной разработке политики и программ, направленных на устойчивое развитие региона и улучшение качества жизни его жителей.

В центре диссертационного исследования находятся территориальные общности Ростовской области, относящиеся к поселениям разных типов,

каждое из которых имеет свои особенности и социально-экономические характеристики.

Социологическую классификацию типов поселений в различиях можно представить следующим образом:

1. **Крупные города**, такие как Ростов-на-Дону (с населением более 1 млн человек). Ростов-на-Дону можно охарактеризовать как город, обеспеченный развитым бизнесом, систематическим качественным образованием, растущими сервисными и управленческими функциями, высокой предпринимательской активностью и более модернизированной социальной средой¹.

2. **Средние и малые города**, включая депрессивные угледобывающие города и поселения. Для них характерно более низкое качество городской среды и медленная социально-инфраструктурная модернизация, консервативность мышления и сопротивление населения нововведениям, слабость институтов развития и поддержки социальных инноваций².

3. **Сельские поселения**, где наблюдаются проблемы из-за низкого качества жизни и медленного развития экономики при стабильности социальных слоев и традиционных институтов.

Можно сделать предположение, что состояние социальных ресурсов конкретных территориальных общностей зависит от демографических и экономических характеристик.

Динамика демографической ситуации определяет вектор изменения состояния социальных ресурсов территориальной общности, а численность населения является основой для их развития. Поэтому анализ социальных ресурсов Ростовской области начнем с оценки динамики социально-демографических характеристик.

¹ Социальный атлас российских регионов Ростовская область (социальный портрет региона). URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/rost.shtml> (дата обращения: 19.07.2024).

² Там же.

Анализ проводился на основе материалов, приведенных на сайте Федеральной службы государственной статистики¹.

Таблица 2.1 показывает постепенное сокращение численности населения Ростовской области и дисбаланс пространственного развития региона (особенно сократилось население сельских территорий).

Таблица 2.1 – Динамика численности населения Ростовской области, чел. (по данным Росстата)

Дата	Численность населения	Численность городского населения	Численность сельского населения
01.01.2017	4 231 400	2 874 100 (67,9%)	1 357 300 (31,1%)
01.01.2018	4 202 452	2 871 412 (68,327%)	1 349 040 (31,673%)
01.01.2019	4 202 320	2 863 661 (68,145%)	1 338 659 (31,855%)
01.01.2020	4 197 821	2 862 889 (68,199%)	1 334 932 (31,801%)
01.01.2021	4 181 486	2 850 790 (68,176%)	1 330 696 (31,824%)
01.01.2022	4 153 763	2 826 000 (68,1%)	1 323 900 (31,9%)

Подобные тенденции в современных реалиях являются тривиальными проблемами для российских территорий. Эти проблемы отражены в исследованиях сельских общностей, производимых в контексте развития сельских общностей (Т.А. Гужавина²), оценки ресурсов и их состояния (О.В. Нечипоренко³). Анализ процессов развития городских общностей раскрывается в работах Ч.И. Ильдархановой и И.А. Янкиной⁴.

Данные таблицы 2.1 показывают, что за анализируемый период численность городского населения вдвое превышала численность сельского населения. В абсолютных значениях численность городского населения сокращалась быстрее, чем сельского: городское население уменьшилось с

¹ Социально-экономическое положение Ростовской области / Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://gks.ru/region/doc1160/Main.htm> (дата обращения: 19.07.2024).

² Гужавина Т.А. Указ. соч.

³ Нечипоренко О.В. Указ. соч. С. 348.

⁴ Ильдарханова Ч.И. Указ. соч.; Янкина И.А. Указ. соч.

2017 по 2022 г. на 48 тыс. чел., а сельское население – на 33 тыс. чел. Однако в относительных значениях динамика сокращения сельского населения выше: сельское население с 2017 по 2022 г. сократилось на 2,43%, в то время как городское – на 1,67%. Для более ясного понимания происходящих в социально-экономической системе изменений обратимся к демографическим показателям¹.

Половозрастная структура населения Ростовской области (таблица 2.2) показывает типичную для современного российского общества ситуацию: преобладание численности женщин над мужчинами; преобладание населения старшего возраста над молодым. Популярность стратегии малодетности, рассматриваемой населением как способ снижения социально-экономических рисков уже в течение последних 30 лет, привела к росту доли населения старших возрастов. Последнее свидетельствует о сокращении трудовых ресурсов и сохранении тенденции увеличения социальной нагрузки на трудоспособное население.

Таблица 2.2 – Возрастной и гендерный состав численности населения Ростовской области (декабрь 2022 г.)²

Половозрастные группы	%
Дети до 6 лет	9,98
Подростки от 7 до 17 лет	11,83
Молодежь от 18 до 29 лет	11,98
Взрослые от 30 до 59 лет	43,03
Пожилые старше 60 лет	21,8
Долгожители старше 80 лет	1,4
Мужчины	44,53
Женщины	55,47

¹ Зарплаты, вакансии, цены, пенсии, население, недвижимость. URL: <https://bdex.ru/naselenie/rostovskaya-oblast/> (дата обращения: 19.07.2024).

² Там же.

Численность молодежи Ростовской области (таблица 2.3) сокращается как в абсолютных, так и в относительных показателях. В частности, если в 2014 г. молодежь составляла немного меньше трети от всего населения Ростовской области, то в 2021 г. – чуть больше четверти. В результате численность молодежи сократилась на 210,4 тыс. чел. Данная тенденция негативно сказывается на состоянии социальных ресурсов территориальной общности, так как молодежь представляет собой наиболее активную, энергичную и адаптивную часть населения.

Таблица 2.3 – Динамика изменения численности молодежи Ростовской области¹

Год	Численность молодежи (14–30 лет) на 01.01, тыс. чел.	Доля молодежи в общей численности населения Ростовской области, %
2014	1313,4	30,9
2015	1290,6	30,4
2016	1262,1	29,8
2017	1229,2	29,0
2018	1206,2	28,6
2019	1179,0	28,1
2020	1153,3	27,4
2021	1103,0	26,5

Согласно данным Доклада «О состоянии и тенденциях демографического развития, положении семьи и молодежи в Ростовской области в 2021 году», на протяжении последних пяти лет смертность превышает рождаемость. На рисунке 2.1 кривая, отражающая численность умерших, имеет тенденцию к росту, в то время как кривая, отражающая численность родившихся, неуклонно падает.

¹ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril429> (дата обращения: 19.07.2024).

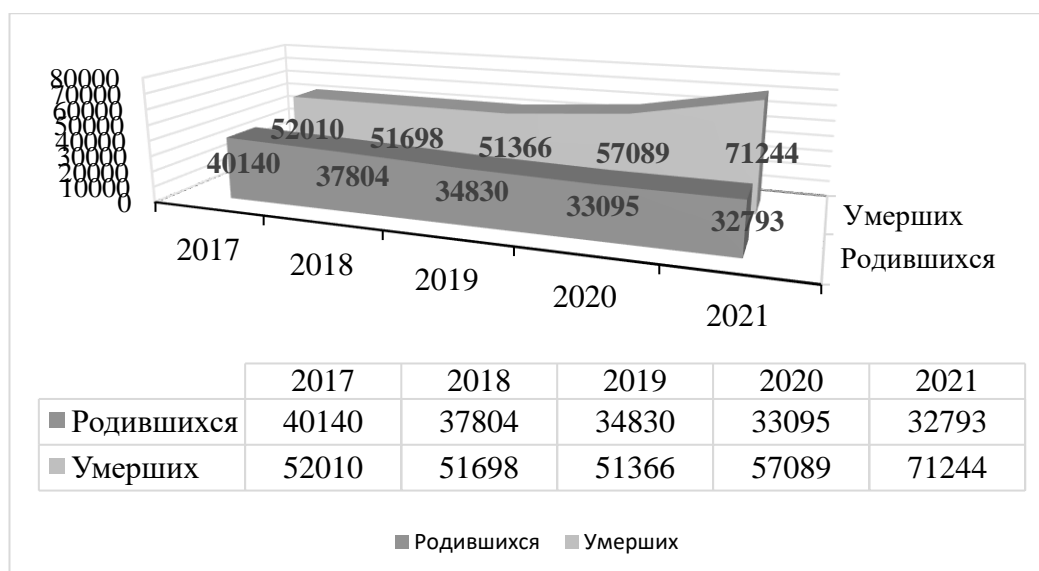

Рисунок 2.1 – Динамика рождения и смертности населения Ростовской области за 2017–2021 гг. ¹ (приводится по источнику: Доклад «О состоянии и тенденциях демографического развития, положении семьи и молодежи в Ростовской области в 2021 году»)

Данные показывают, что скорость протекания этих процессов различна: процесс снижения рождаемости развивается меньшими темпами (по сравнению с ростом смертности). Объяснить это можно недостаточно развитым уровнем медицины, последствиями пандемии COVID-19, небрежным отношением населения к своему здоровью.

Последствия стратегии малодетности усиливаются неблагоприятной статистикой брачности. В 2021 г. в области было зарегистрировано 25 664 брака² – это одно из самых высоких значений за последнее десятилетие (в 2020 г. – 20,9 тыс. пар, рост на 22,6 %³). Исходя из данных Росстата, количество разводов в Ростовской области на 2021 г. составляло 18 217 пар (по сравнению с 2020 г. прирост разводов составил 1473 пар). Девальвация роли института брака способствует снижению рождаемости и негативно

¹ Доклад «О состоянии и тенденциях демографического развития, положении семьи и молодежи в Ростовской области в 2021 году» (2021). Режим доступа: <https://www.donland.ru/result-report/1518/> (дата обращения: 19.07.2024).

² Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril429> (дата обращения: 19.07.2024).

³ Демографическая политика в Ростовской области / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/214/> (дата обращения: 19.07.2024).

влияет на процесс формирования социальных ресурсов территориальной общности.

Итогом всего вышесказанного является то, что динамика численности населения Ростовской области имеет отрицательную тенденцию (см. рисунок 2.1). Наибольший вклад в этот процесс вносит естественная убыль населения. График тенденций изменения родившихся и умерших показывает нарастающую динамику естественной убыли: в 2017 г. убыль составила 11 870 чел., в 2018 г. – 13 894, в 2019 г. – уже 16 536, в 2020 г. она выросла до 23 994 чел. Динамика средней продолжительности жизни показывает, что последний рост наблюдался в 2019 г. и с тех пор фиксируется существенное падение этого показателя.

Кривая, отражающая ситуацию в Ростовской области, почти полностью повторяет контуры кривой, отражающей ситуацию в целом по стране. Это показывает, что логика развития демографических процессов в рамках Ростовской области и Российской Федерации одна и та же. Тем не менее длительное время средняя продолжительность жизни жителей Ростовской области была выше, чем средняя продолжительность жизни в целом по всей стране (рисунок 2.2).

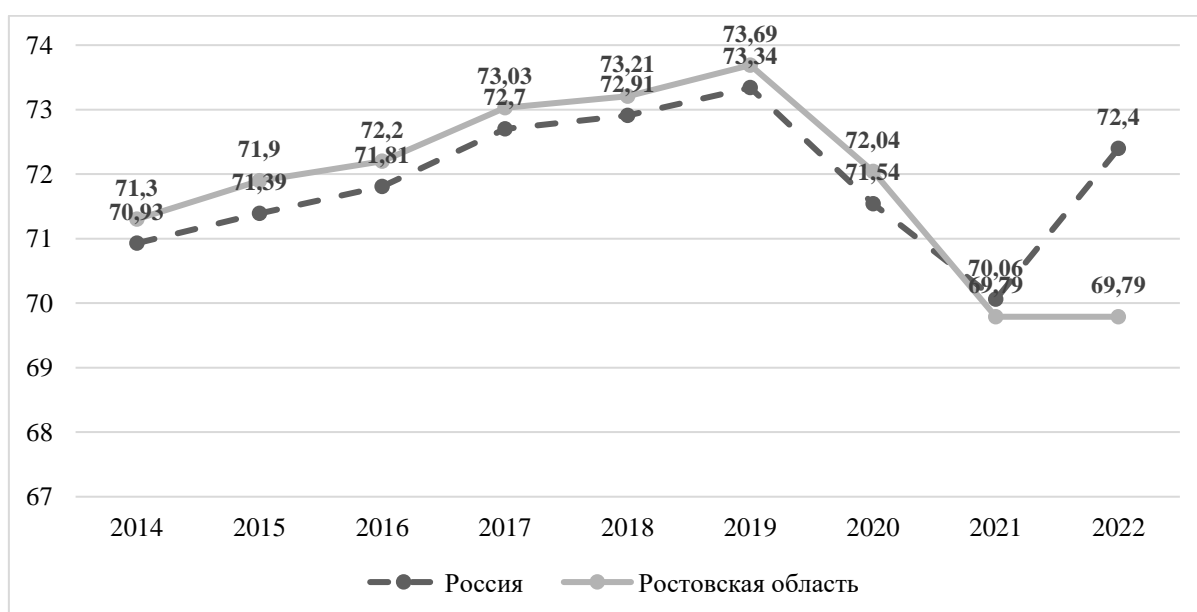

Рисунок 2.2 – Средняя продолжительность жизни населения Ростовской области (по годам)

Однако данные рисунка 2.2 демонстрируют негативную тенденцию: за четыре года средняя продолжительность жизни жителей Ростовской области существенно сократилась, что указывает на снижение качества жизни и ухудшение условий для развития социальных ресурсов региона. В условиях дефицита эффективных экономических инструментов совершенствования ситуации и рыночной ориентации экономических институтов возможным выходом является акцентирование на практиках самообеспечения, повышении ответственности за свое здоровье и преодолении (уход, локализация) социальных рисков (посредством отказа от вредных привычек, вовлечения в занятия спортом, использования инструментов добровольного страхования здоровья и жизни). Еще одним источником развития социальных ресурсов территориальной общности являются миграционные процессы. На данный факт указывают многие исследователи. В частности, источники и проблемы миграции рассматривают Г.С. Денисова и Ю.А. Дроздова¹. Миграция в Ростовской области характеризуется положительной динамикой: в течение рассматриваемых лет сохранялась относительно стабильная тенденция роста численности прибывших, превышающая численность убывших (исключая ситуацию в 2018 г.) (рисунок 2.3).

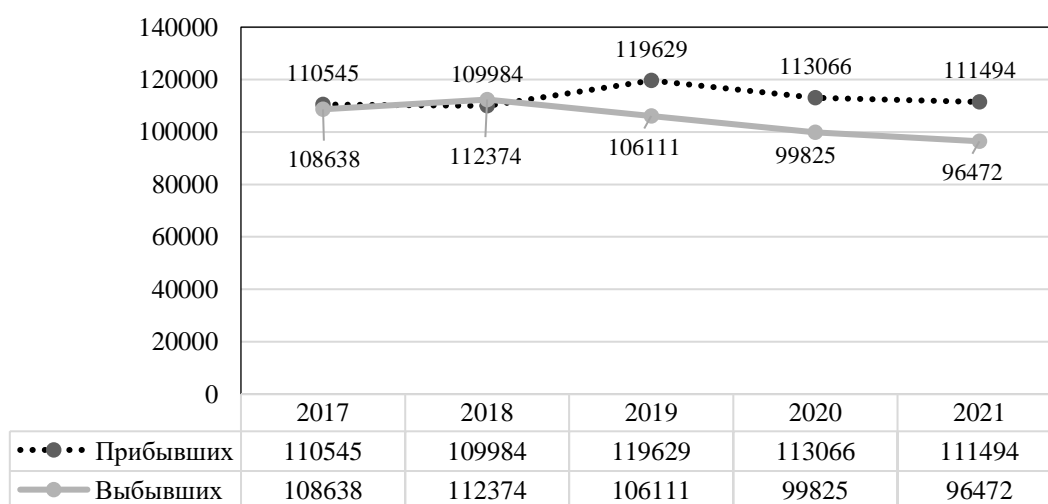

Рисунок 2.3 – Динамика численности прибывших и убывших в Ростовской области

¹ Денисова Г.С. Указ. соч.; Дроздова Ю.А. Миграция как социальный ресурс территориальных общностей.

Для прибывающих в Ростовскую область ее социально-экономическая система обладает большим социальным потенциалом, чем та территория, откуда был осуществлен переезд, на что указывает соотношение численности прибывших и убывших (исключение составляет 2018 г.: в этот год численность убывших превысила численность прибывших в область на 2390 человек). Однако, согласно данным статистики по Ростовской области¹, убыль населения связана с оттоком высококвалифицированных кадров, в том числе наиболее талантливой и образованной молодежи. Данный факт снижает возможности развития социальных ресурсов Ростовской области, так как территория становится донором более перспективных ресурсов, чем те, которые она получает в качестве реципиента.

Развитие социальных ресурсов, как указывалось выше, во многом определяется объективными параметрами, которые задаются социально-экономическим состоянием территории. Проведем анализ ряда объективных (социально-экономических) характеристик институциональной среды, влияющих на формирование и развитие социальных ресурсов территориальной общности Ростовской области. Обратимся к показателям, характеризующим институциональную среду, формирующую социальные ресурсы. Как показывает статистика, в Ростовской области созданы удовлетворительные институциональные условия для устойчивого развития ее социальных ресурсов. Рынок труда Ростовской области характеризуется относительной стабилизацией на уровне 60% участия в рабочей силе населения (в возрасте 15 лет и старше). В регионе сформировалось выгодное для бизнеса соотношение сравнительно умеренных зарплат при высоком уровне квалификации специалистов по целому ряду отраслей.

Основной тенденцией динамики численности работающего населения является его постепенное сокращение (таблица 2.4).

¹ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril22> (дата обращения: 19.07.2024).

**Таблица 2.4 – Динамика численности работающего населения
Ростовской области (тыс. чел.)¹**

Год	Среднегодовая численность занятых в экономике	Среднесписочная численность по полному кругу предприятий
2016	1968,3	Нет данных
2017	1958,1	Нет данных
2018	1935,7	1078,5 (↓ на 0,6%)
2019	1919,0	1051,31 (↓ на 2,5%)
2020	1909,4	1036,6(↓ на 1,4%)
2021	2350,9	1026,3(↓ на 1%)

Изменения в пенсионном законодательстве позволили повысить среднегодовую численность занятых. Однако дальнейшее увеличение численности персонала в возрасте 60–65 лет требует определенных изменений на рынке труда – создания рабочих мест, учитывающих психофизиологические особенности данной возрастной группы. На декабрь 2022 г. доля занятого населения в Ростовской области составила 59,6%, зарегистрированных безработных – 5,8%, пенсионеров – 29%² (таблица 2.5).

Таблица 2.5 – Динамика уровня безработицы в Ростовской области

Год	Количество безработных
2017	18 398
2018	16 698
2019	16 676
2020	17 347
2021	107 006
2022	17 320

¹ Ростовская область в цифрах 2020: стат. сб. Ростов н/Д: Ростовстат, 2020. С. 16.

² Зарплаты, вакансии, цены, пенсии, население, недвижимость. URL: <https://bdex.ru/naselenie/rostovskaya-oblast/> (дата обращения: 19.07.2024).

Материалы таблицы 2.5 показывают, что уровень безработицы относительно стабильный (исключение составляет 2021 год). Согласно данным, приведенным на официальном портале Правительства Ростовской области, на 1 июля 2022 г. состав безработных характеризовался следующими показателями:

- преобладали женщины (54,7%), жители города (54,9%), граждане, имеющие профессиональное образование (63,1%);
- молодежь в возрасте от 16 до 29 лет составляла 11,9%.

Безработные составляют социальную группу жителей Ростовской области, чей трудовой потенциал еще не задействован в процессе развития области. Можно говорить о том, что они создают определенный резерв для этого развития. Самым тревожным моментом в приведенных данных является высокий уровень безработных, имеющих профессиональное образование. Необходимо отметить, что уровень образования населения Ростовской области (рисунок 2.4) показывает соответствие уровню образования в целом по стране: каждый третий имеет среднее профессиональное образование; каждый четвертый имеет (или получает) высшее образование; не имеют образования менее 1 %.

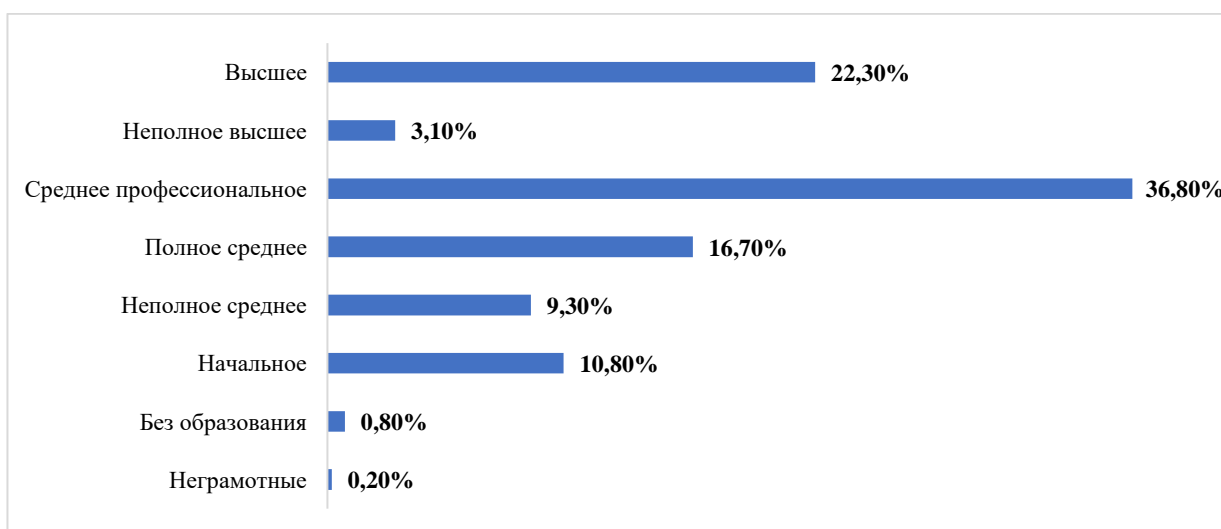

Рисунок 2.4 – Уровень образования населения Ростовской области¹

¹ Зарплаты, вакансии, цены, пенсии, население, недвижимость. URL: <https://bdex.ru/naselenie/rostovskaya-oblast/> (дата обращения: 19.07.2024).

По данным статистики Ростовской области, такой показатель, как уровень образования, имеет тенденцию к росту (2019 г. – 72,73%; 2020 г. – 74,87%; 2021 г. – 75,44%)¹. При этом доля работников, занятых в составе рабочей силы, имеющих высшее образование, по итогам 2021 г. составила 33% (в Российской Федерации – 34,7%).

Доля высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников составляет 34,5% (624,3 тыс. чел.). Учитывая, что образование является важным источником развития социальных ресурсов территориальной общности, можно говорить о происходящих в Ростовской области положительных качественных изменениях в этом отношении.

В условиях социально-экономической нестабильности самое значимое влияние на формирование и развитие социальных ресурсов имеют показатели, характеризующие состояние экономического института. Как указывает Т.А. Зудочкина, «важными показателями, характеризующими социально-экономическое положение населения рассматриваемых районов области, являются уровень среднемесячной заработной платы, темп роста заработной платы, отношение среднемесячной заработной платы к среднеобластному показателю и прожиточному минимуму трудоспособного населения»². Это актуализирует исследование динамики изменения экономических показателей Ростовской области.

Динамика валового регионального продукта и среднедушевые денежные доходы населения Ростовской области имеют положительную динамику (таблица 2.6).

¹ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril22> (дата обращения: 19.07.2024).

² Зудочкина Т.А. Указ. соч. С. 45.

**Таблица 2.6 – Динамика некоторых характеристик
экономической сферы Ростовской области**

Год	Динамика валового регионального продукта Ростовской области ¹ , млрд руб.	Доля Ростовской области в РФ ² , %	Среднедушевые денежные доходы населения Ростовской области за месяц, руб. ³
2014	1007,8	1,70	22 957
2015	1189,1	1,81	25 825
2016	1375,1	1,86	26 655
2017	1441,7	1,81	27 741
2018	1548,2	1,72	29 097
2019	1636,0	1,72	30 866
2020	1692,4	1,80	31 519
2021	1950,8	–	34 955

Валовый региональный продукт является индикатором социально-экономического развития региона. Его изменение отражает динамику развития экономических институтов в Ростовской области (рисунок 2.5).

Сравнивая данные по динамике прироста среднедушевого дохода населения, можно сделать вывод, что макроэкономический показатель растет быстрее, чем личные доходы жителей Ростовской области (наибольший разрыв зафиксирован в 2016 г., а минимальный – в 2019 г.).

¹ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril22> (дата обращения: 19.07.2024).

² Там же.

³ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril429> (дата обращения: 19.07.2024).

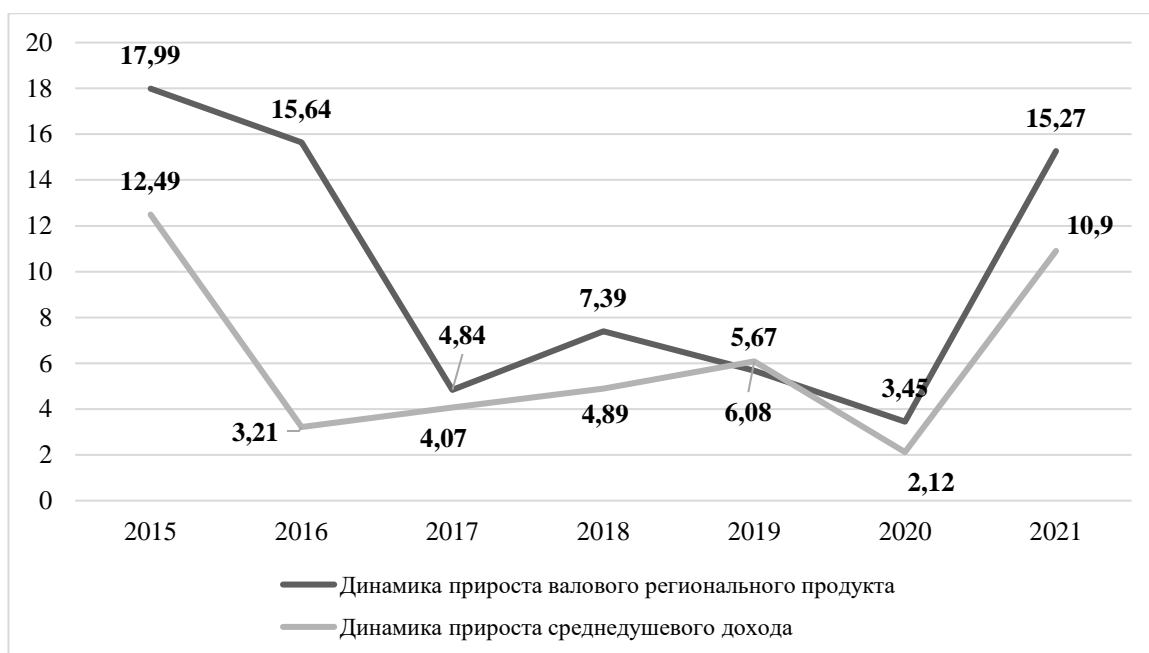

Рисунок 2.5 – Динамика показателей экономической сферы
(в % к предыдущему году)

Данные рисунка 2.5 показывают, что, несмотря на общую положительную динамику, покупательская способность населения снижается, замедляя темпы роста экономики. Необходимо также учитывать, что рост доли людей, находящихся в возрасте 50 лет и старше, в общей структуре населения требует формирования «экономики пожилых», которая позволит эффективно использовать их трудовой и потребительский потенциал.

Таблица 2.7 показывает, что самые низкие темпы прироста – у показателя «прожиточный минимум». Прожиточный минимум является важной характеристикой региона, так как предназначен для оценки уровня жизни населения территориальной общности. Прожиточный минимум Ростовской области определяется как часть (44,2%) среднедушевого дохода.

Динамика уровня прожиточного минимума влияет на тенденции состояния и перспективы развития социальных ресурсов территориальных общностей. В Ростовской области как среднемесячная номинальная начисленная заработная плата за месяц, так и прожиточный минимум имеют положительную тенденцию.

**Таблица 2.7 – Динамика заработной платы
и прожиточного минимума**

Год	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающего населения, руб.	Прожиточный минимум (на 1 квартал), руб.
2017	27535,5	9625
2018	31446,9 (↑ на 10,3%)	9554 (↓ на 0,74 %)
2019	33757,1 (↑ на 7,3%)	10 286 (↑ на 7,66 %)
2020	35622,1 (↑ на 5,5%)	10 354 (↑ на 0,66 %)
2021	39290,5 (↑ на 10,3%)	11 053 (↑ на 6,75 %)
2022	Нет данных	11 895 (↑ на 7,61 %)

Однако, сравнивая динамику этих показателей, можно констатировать, что среднемесячная зарплата населения растет быстрее, чем прожиточный минимум. Максимальный разрыв фиксируется в 2018 г., когда начисленная средняя заработная плата выросла по сравнению с предыдущем годом на 10,3%, а прожиточный минимум уменьшился на 0,74 %. Это указывает на увеличение разрыва между богатыми и бедными слоями населения Ростовской области, ухудшение стратификационных характеристик региона. Анализ показывает неоднозначность процессов, протекающих в экономической сфере Ростовской области: на макроуровне наблюдаются существенные положительные изменения, однако на уровне домохозяйств и личных доходов фиксируются умеренные темпы роста, которые существенно отстают от темпов роста показателей макроэкономических изменений.

Выше доказывалось, что социально-экономическая среда влияет на формирование и развитие социальных ресурсов территориальной общности. Однако верно и обратное утверждение: качество социальных ресурсов территориальной общности обуславливает развитие институциональной среды. В частности, об этом пишет в своем исследовании Б.Д. Очиров, где

убедительно обосновывает, что социальные ресурсы региона могут стать основой его конкурентоспособности¹.

С целью выявления специфики взаимообусловленности социальных и экономических процессов институциональной среды Ростовской области проведем статистическую оценку. Для этого определим, какие факторы внешней среды вносят вклад в рост численности населения Ростовской области. Расчет по ряду социально-экономических характеристик проведем, используя коэффициент корреляции Пирсона (таблица 2.8).

Таблица 2.8 – Влияние миграции и естественной убыли на численность населения

<i>X</i>	<i>Y</i>	Коэффициент корреляции Пирсона	Период, за который брались данные	Проверка на достоверность при помощи <i>t</i> -критерия
Естественная убыль	Численность населения	0,8263	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 2,541$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Миграционный прирост	Численность населения	-0,6469 нет связи	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 1,46931$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима
Естественная убыль	Численность городского населения	0,9590	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 5,86$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима

¹ Очиров Б.Д. Указ. соч.

<i>X</i>	<i>Y</i>	Коэффициент корреляции Пирсона	Период, за который брались данные	Проверка на достоверность при помощи <i>t</i> -критерия
Естественная убыль	Численность городского населения	0,9590	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 5,86$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Миграционный прирост	Численность городского населения	-0,8299 нет связи	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 2,5764$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима
Естественная убыль	Численность сельского населения	0,8368	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 2,6472$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Миграционный прирост	Численность сельского населения	-0,8735	2017–2021; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 3,1077$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима

При проверке достоверности уровень значимости по таблице Стьюдента принимался равным $\alpha = 0,05$.

Расчет данных, приведенных в таблицах 2.8–2.12, производился с помощью инструментов программы Excel. Согласно расчетам по таблице 2.8, значимыми и заслуживающими дальнейшего анализа являются связи, приведенных по строкам 1, 3, 5, 6.

Расчеты подтверждают, что процессы естественной убыли и прироста оказывают более существенное влияние на численность населения, чем миграционные процессы. Особенно сильно это отражается на городском населении (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,959, т.е. фиксируется очень высокая положительная связь).

Темпы сокращения численности сельского населения меньше, чем городского. В связи с этим доля сельского населения в Ростовской области медленно растет. Согласно данным таблицы 2.8, на это не влияют миграционные процессы (коэффициент корреляции Пирсона равен $-0,8735$, т.е. фиксируется высокая отрицательная связь).

Еще один важный, на наш взгляд, фактор, формирующий благоприятную среду для развития социальных ресурсов территориальной общности, это благосостояние населения, которое можно объективно оценить через статистику денежных доходов на душу населения и уровня прожиточного минимума.

Согласно расчетам, значимыми и заслуживающими дальнейшего анализа являются связи, приведенные в таблице 2.9 по строкам 1, 4, 5, 7.

Анализ специфики влияния денежных доходов на миграционные процессы показал следующее. Рост доходов на душу населения Ростовской области (коэффициент корреляции Пирсона равен $-0,9096$, т.е. фиксируется очень высокая отрицательная связь) и повышение прожиточного минимума в Ростовской области (коэффициент корреляции Пирсона равен $-0,9622$, что определяется как высокая отрицательная связь) обратно пропорциональны процессу выезда из региона.

В то же время повышение уровня безработицы не способствует отъезду из Ростовской области. Повышение среднемесячной заработной платы предотвращает отток населения.

**Таблица 2.9 – Оценка влияния дохода на миграционные процессы
Ростовской области**

<i>X</i>	<i>Y</i>	Коэффициент корреляции Пирсона	Период, за который брались данные	Проверка на достоверность при помощи t-критерия
Прожиточный минимум	Выбывшие	-0,9622	2018–2021 гг.; степень свободы 2	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 4,9964$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Прожиточный минимум	Прибывшие	-0,0627 нет связи	2018–2021 гг.; степень свободы 2	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 0,0888$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима
Денежные доходы на душу населения	Прибывшие	-0,0512 нет связи	2018–2021 гг.; степень свободы 2	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 0,0725$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима
Денежные доходы на душу населения	Выбывшие	-0,9096	2018–2021 гг.; степень свободы 2	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 3,096$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Денежные доходы на душу населения	Родившиеся	-0,8534	2017–2022 гг.; степень свободы 4	$t_{\text{крит}} = 2,132$ $t_{\text{набл}} = 3,274$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Уровень безработицы	Выбывшие	-0.7097 нет связи	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 1,7448$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима
Среднемесячная номинальная заработная плата	Выбывшие	-0.9617	2018–2021 гг.; степень свободы 2	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 4,96179$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима

Можно предположить, что рост доходов снижает желание покинуть регион. В то же время желание приехать в Ростовскую область не связано с ростом доходов населения области. Возможно, этот процесс регулируется другими факторами (таблица 2.10).

Таблица 2.10 – Оценка влияния дохода на продолжительность жизни населения Ростовской области

<i>X</i>	<i>Y</i>	Коэффициент корреляции Пирсона	Период, за который брались данные	Проверка на достоверность при помощи t-критерия
Денежные доходы на душу населения	Средняя продолжительность жизни	-0,8917	2017–2022 гг.; степень свободы 4	$t_{\text{крит}} = 2,132$ $t_{\text{набл}} = 3,940$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Прожиточный минимум	Средняя продолжительность жизни	-0,8797	2017–2022 гг.; степень свободы 4	$t_{\text{крит}} = 2,132$ $t_{\text{набл}} = 3,6998$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Средне-месячная заработная плата	Средняя продолжительность жизни	-0,7646 нет связи	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 2,054$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима

Согласно расчетам по таблице 2.10, значимыми и заслуживающими дальнейшего анализа являются связи, приведенные по строкам 1 и 2. Парадоксальным является выявленная существенная обратная связь между динамикой денежных доходов на душу населения Ростовской области в месяц и средней продолжительностью жизни населения в период с 2017 по

2022 г.. Коэффициент корреляции Пирсона равен $-0,8917$, т.е. фиксируется очень высокая отрицательная связь. Можно предположить, что рост доходов не в достаточной мере повышает качество и уровень жизни, поэтому не способствует повышению ее продолжительности. Такая же ситуация фиксируется в отношении связи между динамикой прожиточного минимума в Ростовской области и средней продолжительностью жизни населения в период с 2017 по 2022 г.. Коэффициент корреляции Пирсона равен $-0,8797$, т.е. фиксируется очень высокая отрицательная связь. Также рост доходов не в достаточной мере создает условия для стимулирования рождаемости. На это указывает коэффициент корреляции Пирсона, равный $-0,8534$, т.е. показывающий очень высокую отрицательную связь между динамикой денежных доходов и рождаемостью в период с 2017 по 2022 г. В целом расчеты показывают, что попытка связать денежные доходы с продолжительностью жизни не увенчалась успехом. Предположение о том, что повышение денежных доходов на душу населения и средней заработной платы должно стимулировать рост ожидаемой продолжительности жизни, рождаемости и численности прибывающих в Ростовскую область, оказалось не состоятельным.

Анализ показывает, что на уровень валового регионального продукта Ростовской области влияют как экономические (среднедушевой доход, среднемесячная зарплата, прожиточный минимум), так и социальные (численность занятого в экономике населения) показатели (таблица 2.11).

Среди проанализированных показателей самая сильная связь фиксируется между среднедушевым доходом жителей Ростовской области и валовым региональным продуктом (коэффициент корреляции Пирсона равен $0,9908$, т.е. очень сильная положительная связь). Численность занятого в экономике населения тоже имеет влияние, но оно существенно меньше. Можно сделать вывод, что материальное благополучие населения имеет большее влияние на социально-экономическое развитие региона, чем повышение численности его экономически активного населения.

Таблица 2.11 – Оценка влияния социально-экономических показателей на валовый региональный продукт Ростовской области

<i>X</i>	<i>Y</i>	Коэффициент корреляции Пирсона	Период, за который брались данные	Проверка на достоверность при помощи t-критерия
Среднедушевой доход	Валовый региональный продукт	0,9908	2014–2021 гг.; степень свободы 6	$t_{\text{крит}} = 1,943$ $t_{\text{набл}} = 14,642$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Среднемесячная зарплата	Валовый региональный продукт	0,9719	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 7,151$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Прожиточный минимум	Валовый региональный продукт	0,9556	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 5,617$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Численность занятых в экономике	Валовый региональный продукт	0,7366	2016–2021 гг.; степень свободы 4	$t_{\text{крит}} = 2,132$ $t_{\text{набл}} = 2,178$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима

Так как исследовательский интерес локализуется вокруг проблемы развития региона, то актуальным будет выяснить, какие показатели изменяются в том же темпе, что и валовый региональный продукт.

Таблица 2.12 показывает связь темпов изменений социально-экономических показателей и валового регионального продукта Ростовской области.

Таблица 2.12 – Связь темпов изменения социально-экономических показателей с темпами изменения

<i>X</i>	<i>Y</i>	Коэффициент корреляции Пирсона	Период, за который брались данные	Проверка на достоверность при помощи t-критерия
Δ средне-душевого дохода	Δ валового регионального продукта	0,6983	2015–2021 гг.; степень свободы 5	$t_{\text{крит}} = 2,015$ $t_{\text{набл}} = 2,181$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Δ средне-годовой численности занятых в экономике	Δ валового регионального продукта	0,9447	2017–2021 гг.; степень свободы 3	$t_{\text{крит}} = 2,353$ $t_{\text{набл}} = 4,989$ $t_{\text{набл}} > t_{\text{крит}}$ связь значима
Δ прожиточного минимума	Δ валового регионального продукта	0,4919	2018–2021 гг.; степень свободы 2	$t_{\text{крит}} = 2,920$ $t_{\text{набл}} = 0,799$ $t_{\text{набл}} < t_{\text{крит}}$ связь незначима

Данные демонстрируют, что темпы прироста среднедушевого дохода меньше темпов прироста валового регионального продукта. Темпы изменения величины прожиточного минимума слабо согласуются с темпами прироста валового регионального продукта, а проверка связи на значимость показала, что она незначима. Фактически это указывает на искусственный характер регулирования размера прожиточного минимума, несмотря на то, что он выступает в качестве экономического инструмента регулирования процессов институциональной среды Ростовской области. Однако достаточно сильно согласуются темпы изменения величины среднегодовой

численности занятых в экономике с темпами прироста валового регионального продукта.

Систематизация полученных результатов показывает разноплановость процессов, влияющих на развитие социальных ресурсов территориальной общности. Позитивные тенденции связаны с ростом уровня образования населения Ростовской области, повышением доходов населения. Среди отрицательных тенденций можно назвать уменьшение численности населения Ростовской области. Миграционные процессы имеют положительную тенденцию, однако:

- они вносят незначительный вклад;
- территория становится донором более перспективных ресурсов, чем те, которые она получает в качестве реципиента.

Отметим, что рост доходов населения снижает желание покинуть регион, но не повышает число прибывших в Ростовскую область.

Для развития экономической сферы имеет большое значение рост доходов населения, однако макроэкономический показатель растет быстрее, чем личные доходы жителей Ростовской области. Тем самым создаются предпосылки для стратификационной поляризации населения, что может негативно отразиться на перспективах развития социальных ресурсов территориальной общности. Попытка связать повышение денежных доходов на душу населения с ростом продолжительности жизни, рождаемости и численности прибывающих в Ростовскую область оказалась несостоятельной. Подобные результаты указывают на необходимость более тщательного исследования выявленных тенденций в развитии социальных ресурсов территориальной общности, так как методы статистического анализа не позволяют определить мотивы поведения. Определить логику развития социально-экономических процессов с позиций социальных субъектов возможно с помощью опросных методик, результаты применения которых предполагается обсудить в следующих параграфах диссертационного исследования.

Выводы по параграфу 2.1

Оценка количественных показателей социально-экономической среды Ростовской области, детерминирующих процесс формирования и развития социальных ресурсов территории, является объективизирующим началом для описания основных тенденций в институциональной среде Ростовской области. Текущую ситуацию можно охарактеризовать как стабилизированное сворачивание среды, обеспечивающее условия для формирования социальных ресурсов. Развитие социальных ресурсов в таких условиях возможно осуществлять в рамках повышения качества структуры институциональной среды, так как на фоне умеренного роста экономических показателей происходит существенное сокращение социальных.

Миграционные процессы приводят к росту населения Ростовской области (т.е. эта часть населения признает за Ростовской областью статус более благополучного региона, чем тот, где они жили ранее). Ежемесячные среднедушевые доходы населения растут быстрее, чем прожиточный минимум. Это приводит к увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения Ростовской области и ухудшению стратификационных характеристик региона. Статистический анализ показал, что процессы естественной убыли и прироста оказывают более существенное влияние на численность населения, чем миграционные процессы. Особенно сильно это отражается на городском населении. Темпы сокращения численности сельского населения меньше, чем городского. В связи с этим доля сельского населения в Ростовской области медленно растет. При этом повышение денежных доходов на душу населения и рост прожиточного минимума останавливают иммиграцию из Ростовской области, однако не стимулируют эмиграцию в Ростовскую область.

Систематизация полученных результатов показывает разноплановость процессов, влияющих на развитие социальных ресурсов территории.

Позитивные тенденции связаны с ростом уровня образования населения Ростовской области, повышением доходов населения. Среди отрицательных тенденций можно назвать уменьшение численности населения Ростовской области и миграционные процессы.

Зафиксированный рост доходов населения имеет большое значение для развития экономической сферы, однако макроэкономические показатели растут быстрее, чем личные доходы жителей Ростовской области. Тем самым создаются предпосылки для стратификационной поляризации населения, что может негативно отразиться на перспективах развития социальных ресурсов территории.

2.2. Региональный аспект детерминации формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области

Процесс формирования и развития социальных ресурсов территориально детерминирован. Согласно В.А. Ядову, наиболее контрастно это проявляется при сравнении мегаполисов и провинциальных городов¹. Для выявления различий обратимся к результатам авторского исследования, проводившегося в Ростовской области (в том числе в таких городах, как Ростов-на-Дону, Таганрог, и сельских поселениях).

Город рассматривается как территориальная общность, в рамках которой формируется уровень жизни населения, осуществляется помощь со стороны органов муниципальной власти. Город можно рассматривать как замкнутую социально-экономическую систему, среда которой влияет на формирование и развитие качества и количества социальных ресурсов территориальной общности.

¹ Ядов В.А. Указ. соч.

Целесообразность проведения исследований социальных ресурсов на таком территориальном уровне, как город, связана с тем, что, как указывает И.А. Янкина, «именно в пространстве конкретного города человек живет, работает, поддерживает состояние своего здоровья, удовлетворяет свои материальные и духовные потребности, а также имеет право на социальную защиту»¹. Формируясь на уровне отдельных населенных пунктов, социальные ресурсы, консолидируясь, создают более обширные объединения на уровне области. Как отмечает А.А. Чернега, таким образом происходит включение «различных социальных акторов и территорий в определенные социальные структуры и процессы»². Увеличение масштабности объединения позволяет, по мнению Л.П. Морозовой, проследить вертикаль, формирующую «социально-природную систему, в которой закладываются связующие механизмы разноуровневых систем: человек – местное сообщество – гражданское общество – государство»³. Таким образом, город – это подсистема, органично воспроизводящая ткань социального пространства для граждан страны, в котором происходит развитие социальных ресурсов. Как пишут А.В. Рачипа, И.А. Янкина, в городской среде «обозначается роль человека не только как наблюдателя и аудитора жизненного пространства, но и его активного конструктора и преобразователя»⁴.

Для лучшего понимания различий, возникающих в социальных установках жителей различных территориальных общностей, в ходе анализа сравним оценки городского населения с населением сельских поселений Ростовской области. Анализ социальных ресурсов региона будет выстраиваться вокруг понимания жителями Ростовской области процессов развития социальных ресурсов территориальных общностей и своего социального положения.

¹ Янкина И.А. Указ. соч. С. 134.

² Чернега А.А. Указ. соч. С. 160.

³ Морозова Л.П. Указ. соч. С. 183.

⁴ Рачипа А.В., Янкина И.А. Указ. соч. С. 77.

Для изучения социальных ресурсов был использован социологический инструментарий, сконструированный на основе предложенных В.А. Ядовым¹ характеристик. На этой основе возможно оценить состояние социального ресурса личности и определить общие перспективы развития. В том числе определяется оценка способности контролировать собственную жизненную среду и уровень субъектности респондента; оценка финансовых возможностей семьи респондентов; оценка адаптивности семьи; оценка материального положения; уровень удовлетворенности потребностей; оценка составляющих социального ресурса личности, играющих решающую роль при формировании конкурентоспособной личности и достижении социального успеха.

Результатом данного исследования является определение факторов, способствующих развитию социальных ресурсов территориальных общностей. С этой точки зрения мнение жителей Ростовской области становится мерилем качества жизни и источником информации о возможных направлениях развития социальных ресурсов территориальной общности. Эту же мысль высказывает Т.Е. Родина, которая отмечает, что «в воспроизводственном смысле человек – главный объект созидания. Он выступает работником... творцом новых технологий и условий жизни»².

Ресурсный подход, используемый в данном исследовании, наиболее информативно проявляет себя в сочетании со стратификационным анализом. Н.Е.Тихонова указывает, что «переход к концепции ресурсов как основания социальной стратификации... сулит существенный методологический прорыв по отношению к тем противоречиям и сложностям, в которых буквально “застряли” сегодняшние исследования стратификации»³.

Социальная дифференциация территориальных общностей – это естественный процесс, происходящий в любом социуме. Однако специфика

¹ Ядов В.А. Указ. соч.

² Родина Т.Е. Указ. соч. С. 120.

³ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях. С. 40.

проявляется в характере процессов стратификации и дифференциации. Оценка социальной стратификации позволит выяснить, насколько современная российская социально-экономическая среда способна обеспечить, по мнению Т.И. Заславской, «относительное равенство жизненных шансов или возможностей граждан реализовать свои способности и личные ресурсы»¹.

Обратимся к результатам исследования. Согласно данным, у жителей сельских поселений Ростовской области более позитивные оценки своего социального статуса, чем у горожан. Каждый третий опрошенный в Ростове-на-Дону оценивает свое положение «ниже среднего», а каждый второй относит себя к среднему классу. Таким образом, у жителей центрального города самые негативные оценки. У жителей провинциального города (Таганрог) фиксируются более позитивные оценки, чем у ростовчан. Субъективное восприятие социального положения (рисунок 2.6) несколько не совпадает с оценкой своего среднедушевого дохода (рисунок 2.7).

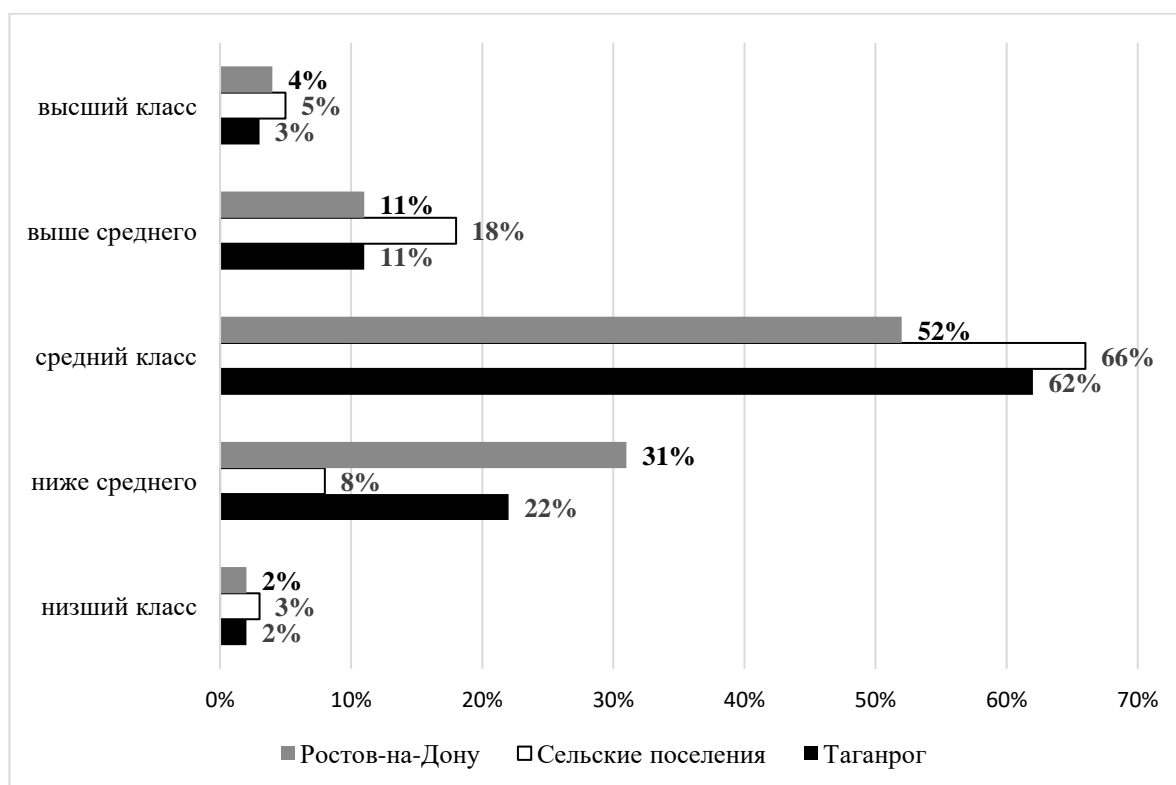

Рисунок 2.6 – Оценка респондентами своего социального положения

¹ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. С. 9.

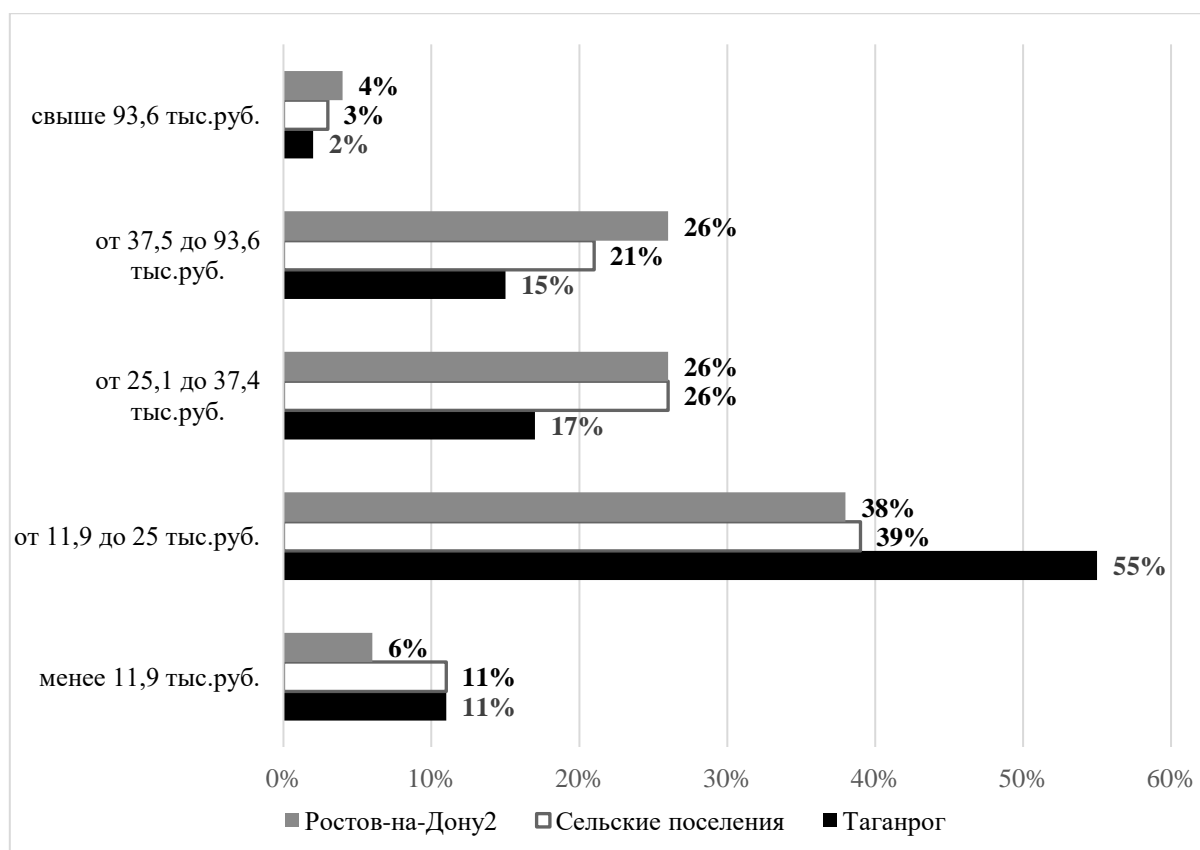

Рисунок 2.7 – Оценка среднедушевого дохода в семье респондентов

Согласно данным графика, отраженного на рисунке 2.7, самые большие доходы у жителей Ростова-на-Дону. Это позволяет сделать вывод о том, что у последних более высокие запросы, чем у населения Таганрога. Это подтверждает и тот факт, что чаще всего респонденты указывают на среднедушевой доход в своей семье в интервале от 11,9 тыс. руб. до 25 тыс. руб. (в то время как уровень среднедушевого дохода равен 37,4 тыс. руб.). Выявленная дифференциация оценок обусловлена территориальной спецификой, которая проявляется не только на субъективном уровне, но и на объективных характеристиках социально-экономической среды. В частности, средняя заработная плата по сельской местности Ростовской области составляет 39 090 руб., в Ростове-на-Дону – 52 770 руб., а в Таганроге – 44 950 руб. (приложение 11).

Феномен субъективного понимания своего собственного достатка и влияние этого на оценку границ «бедности – богатства» были выявлены в ходе исследований М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Ученые определили,

что «решающее влияние на представления россиян о том, с какого уровня доходов начинается богатство, оказывает их собственное материальное положение... определение “черты бедности” так же сильно зависит от собственных доходов людей, как и их представления о “черте богатства”»¹. Таким образом, нельзя говорить о едином понимании границ бедности или богатства, для каждого респондента они очерчиваются по-своему.

Данные таблицы 2.13, отражающей субъективное восприятие удовлетворенности материальных потребностей жителей, несколько диссонируют с объективной информацией. Материалы исследования показывают, что больше всего удовлетворенных своими материальными потребностями – среди сельских жителей (45%), а больше всего неудовлетворенных – среди жителей Ростова-на-Дону (48%).

Таблица 2.13 – Удовлетворенность материальных потребностей жителей территориальных общностей, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Удовлетворен	32	32	45
Затрудняются ответить	20	32	31
Не удовлетворен	48	36	24

Таким образом, с увеличением социально-экономического благополучия территориальной общности растут потребности жителей. И то, что для жителей сельской местности считается уровнем «среднего класса», для горожан таковым не является (определяется как уровень «ниже среднего»). Достаточно серьезный разрыв в понимании своего социального положения и социального благосостояния между представителями разных территориальных общностей обусловлен различиями материального положения.

¹ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 17–18.

На основе ретроспективных оценок респондентов сравним динамику восприятия своего материального положения жителями Таганрога и Ростова-на-Дону (в периоды: 10 лет назад, 5 лет назад, 3 года назад и в текущее время). Данные, отраженные в таблицах 2.14 и 2.15, демонстрируют преобладающие положительные оценки своего материального положения. Однако доля негативных оценок со временем растет. В итоге в 2022 г. больше всего тех, кто оценивает свое материальное положение как «плохое» и «скорее плохое». У жителей Ростова-на-Дону фиксируются более негативные оценки, чем у жителей Таганрога. Среди ростовчан также больше всего тех, кто не определился с однозначным ответом.

Таблица 2.14 – Оценка своего материального положения жителями Ростова-на-Дону, %

Вариант ответа	2022 г.	3 года назад	5 лет назад	10 лет назад
Хорошее	11	9	21	14
Скорее хорошее	38	59	42	35
Затрудняюсь ответить	22	20	24	25
Скорее плохое	25	11	13	21
Плохое	4	1	0	5

Таблица 2.15 – Оценка своего материального положения жителями Таганрога, %

Вариант ответа	2022 г.	3 года назад	5 лет назад	10 лет назад
Хорошее	22	23	19	38
Скорее хорошее	38	43	42	19
Затрудняюсь ответить	20	16	20	26
Скорее плохое	16	16	16	14
Плохое	4	2	3	3

Таким образом, данные таблиц 2.14 и 2.15 подтверждают, что у населения крупного/большого города воспроизводятся более позитивные оценки, чем в крупнейшей агломерации.

Вне зависимости от анализируемой территориальной общности большая часть опрошенных (около половины респондентов) указывает, что финансовые возможности их семьи можно характеризовать как «дохода хватает на нормальную жизнь, можем кое-что откладывать». В городских территориальных общностях каждый третий указывает, что «на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды и обуви становится проблемой». В то же время среди жителей сельских поселений каждый пятый считает, что «могли бы накопить на квартиру или хороший автомобиль» (рисунок 2.8) . Таким образом, они субъективно воспринимают свои финансовые возможности более позитивно, чем городские жители.

Рисунок 2.8 – Оценка финансовых возможностей семьи респондентов

Очевидно, что финансовые возможности жителей территориальной общности оцениваются с позиций потребностей и состояния экономической среды. Поэтому население экономически развитых территорий, имея более высокий доход, чувствуют себя более ограниченным в своих финансовых возможностях, чем жители менее экономически развитых территорий.

Определяя факторы, вызывающих неоднородность социальных ресурсов, В.А. Ядов указывает прежде всего на социальное происхождение и роль семьи. Семья дает стартовые позиции человеку. С этим согласны многие исследователи. В частности, А.В. Аперян и В.В. Ковалев указывают, что «каждый субъект социальных отношений размещался на той нише социального пространства, которую занимали его родители»¹. Ученые считают, что семья «выходит на первые места в числе факторов, влияющих на социальную мобильность»². Последнее в своих работах подтверждает Н.И. Яковлева, считающая, что отношения в семье представляют собой важные ресурсы сильных социальных связей³.

Результаты проведенного исследования подтвердили, что семья играет значимую роль в жизни подавляющего большинства опрошенных. Однако необходимо отметить, что для жителей сельской местности она немного выше, чем для горожан. Тех, кто отрицает позитивное влияние и помощь в достижении социального успеха со стороны семьи, меньше всего среди жителей сельских поселений. В Ростове-на-Дону и Таганроге на данные обстоятельства указал каждый седьмой из опрошенных (таблица 2.16).

**Таблица 2.16 – Ответ респондентов на вопрос
«Способствует ли семья достижению
социального успеха и развитию способностей?», %**

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Да	71	67	82
Затрудняюсь ответить	16	19	15
Нет	13	14	3

Социализация и развитие способностей у населения сельской местности более тесно (в отличие от городских общностей) связано с

¹ Аперян А.В., Ковалев В.В. Указ. соч. С.73.

² Там же. Аперян А.В., Ковалев В.В. Указ.соч. С. 74.

³ Яковлева Н.И. Указ. соч.

процессом внутрисемейного взаимодействия. Семья для жителей сельской местности играет важную роль в развитии социальных ресурсов.

Семья не только формирует у человека определенные финансовые возможности; в рамках семейных отношений он осваивает определенные модели поведения в социуме и стремление к определенному уровню удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Как указывает Н.В. Давыдова, «пребывание в мейнстриме для россиян означает нахождение в разветвленной системе надежных родственно-дружеских контактов, жизнь с ощущением удовлетворенности возможностями общения, уверенностью в потенциальной поддержке близких в случае необходимости (“когда есть, на кого положиться”) и в состоянии психологического комфорта без ощущения одиночества»¹. Таким образом, семья закладывает в модель поведения человека определенные жизненные цели, пути достижения успеха и способы социальной адаптации.

Оценка уровня адаптации своей семьи респондентами показала, что жители сельского поселения и жители большого города имеют схожее распределение ответов. Около четверти опрошенных считает, что им «удалось использовать новые возможности», еще около четверти указывают, что «живут, как раньше», а менее половины считают, что «приходится вертеться, чтоб обеспечить себе достойную жизнь». В противовес этому подавляющее большинство жителей Ростова-на-Дону (почти две трети) указывают, что им «приходится вертеться, чтоб обеспечить себе достойную жизнь». Для поддержания желаемого уровня жизни они предпринимают много усилий.

Таким образом, среди жителей Таганрога и жителей сельской местности в два раза больше тех, кто считает себя успешным адаптантом, так как им «удалось использовать новые возможности» (рисунок 2.9).

¹ Давыдова Н.В. Указ. соч. С. 172.

Рисунок 2.9 – Оценка уровня адаптации своей семьи респондентами

Социальные ресурсы личности являются составляющей социальных ресурсов территориальной общности. Это детерминировано тем, что, как отмечает С.Н. Панкова, «важнейшие для развития общества и личности вопросы зависят от самостоятельного поиска и решений, которые осуществляются на личностном уровне, в условиях конкуренции и неопределенности»¹. Таким образом, развитие социальных ресурсов личности определяет направление развития социального развития территориальной общности.

Для определения основных направлений, влияющих на развитие социальных ресурсов личности, респондентам был задан вопрос о факторах, играющих решающую роль при формировании конкурентоспособной личности и достижении социального успеха. Для этого вопроса используется номинальная шкала. Шкальные значения представляют собой составляющие списка, предложенного В.А. Ядовым. В результате ответы респондентов позволили выявить наиболее востребованные инструменты социального пространства, позволяющие населению повысить свою

¹ Панкова С.Н. Социальный потенциал личности в условиях социальной неопределенности // В мире научных открытий. 2014. Т. 5, № 2. С. 594.

конкурентоспособность и успешность. Данные таблицы 2.17 показывают определенное единообразие мнений по поводу факторов, повышающих перспективы развития социальных ресурсов личности.

Таблица 2.17 – Факторы, определяющие развитие конкурентоспособности личности и социальный успех, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Семья (помощь, социальное происхождение, обеспечивающие стартовый капитал)	77	63	71
Хорошее образование и квалификация	80	71	76
Трудолюбие и целеустремленность	78	77	82
Обширные социальные и межличностные связи	45	35	34
Профессиональные амбиции и карьерные устремления	38	33	37
Планирование жизни, способность контролировать собственную жизненную среду	31	36	55
Высокая самооценка и саморазвитие	17	20	18
Проживание в регионе с развитой экономикой	31	23	16
Готовность к риску	9	18	18
Принадлежность к конкретной религиозной конфессии	2	1	3
Определенный тип предпринимательского мышления и сознания	8	11	18
Состояние здоровья и развитая медицина	17	19	3
Активное владение иностранным языком	9	9	8
Принадлежность к конкретной национальности	4	2	0

Исследование демонстрирует, что респонденты выделяют три фактора (по-видимому, основных):

- семья;
- хорошее образование и квалификация;
- трудолюбие и целеустремленность.

Для жителей Ростова-на-Дону самым важным фактором стало образование и квалификация (на это указали 80% респондентов). Для жителей Таганрога и сельских поселений – трудолюбие и целеустремленность (77 и 82% соответственно).

Наименее актуальными и мало способствующими социальному успеху (вне зависимости от территориальной общности) являются принадлежность к конкретной религиозной конфессии и конкретной национальности. Активное владение иностранным языком считает важным только каждый одиннадцатый опрошенный по каждой из выборок. Готовность к риску менее всего считают нужной компетенцией жители Ростова-на-Дону; среди жителей Таганрога и сельской местности ее считают важным навыком в два раза больше опрошенных (18%). Среди жителей сельских поселений каждый пятый считает важным иметь «определенный тип предпринимательского мышления и сознания». Для повышения конкурентоспособности и достижения успеха, по мнению горожан, это почти неважно.

Значение навыка «планирования жизни», способности «контролировать собственную жизненную среду» меняется в зависимости от уровня экономического развития территориальной общности: в Ростове-на-Дону это считает важным для развития социальных ресурсов личности каждый третий опрошенный, в то время как в сельской местности – более половины опрошенных. Осознание влияния на социальный успех таких факторов, как «проживание в регионе с развитой экономикой» и «обширные социальные и межличностные связи», тоже зависит от уровня экономического развития территориальной общности: чем выше экономическое развитие, тем важнее этот фактор. Одинаково важными для всех опрошенных являются:

– для каждого третьего – профессиональные амбиции и карьерные устремления;

– почти для каждого пятого – высокая самооценка и саморазвитие.

Склонность к риску и предпринимательский тип мышления утратили, по мнению респондентов, свою значимость для достижения социального успеха, которую фиксировали в исследованиях прошлых лет Т.И. Заславская, М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова, И.А. Янкина.

Таким образом, состояние экономической среды предопределяет факторы, влияющие на развитие социальных ресурсов.

Выводы по параграфу 2.2

Процесс формирования и развития социальных ресурсов территориально детерминирован. Субъективное восприятие жителями удовлетворенности материальных потребностей диссонирует с объективной информацией. С увеличением социально-экономического благополучия территориальной общности растут потребности жителей и снижается уровень их удовлетворенности. Поэтому население экономически развитых территорий, имея более высокий доход, чувствует себя более ограниченным в своих финансовых возможностях, чем жители менее экономически развитых территорий. Феномен субъективного понимания своего собственного достатка и социальных позиций приводит к отсутствию единого понимания границ бедности или богатства, для каждого респондента они очерчиваются по-своему. Как следствие, у жителей сельских поселений Ростовской области более позитивные оценки своего социального статуса, чем у горожан; среди жителей Таганрога и жителей сельской местности в два раза больше тех, кто считает себя успешным адаптантом, так как им «удалось использовать новые возможности».

Ряд факторов, влияющих на развитие социальных ресурсов личности, меняется в зависимости от уровня экономического развития территории: чем оно выше, тем важнее такие факторы, как проживание в регионе с развитой экономикой, обширные социальные и межличностные связи, планирование жизни, способность контролировать собственную жизненную среду. Однако выделяются и универсальные факторы, одинаково важные для всех респондентов, такие как профессиональные амбиции и карьерные устремления; высокая самооценка и саморазвитие; семья; хорошее образование и квалификация; трудолюбие и целеустремленность.

2.3. Потенциал развития и барьеры формирования социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области

Развитие социальных ресурсов территориальной общности в современных российских условиях наталкивается на барьеры. Для определения барьеров, блокирующих возможности формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области, была проведена их социологическая оценка, которая базировалась на анкетном опросе, включавшем вопросы, позволяющие в ходе анализа данных сформировать социальную оценку жизненного пространства среды, в качестве которого предстает перед человеком территориальная общность.

В данную группу были включены восемь вопросов, описывающих важные для жителя области социально-экономические характеристики территориальной общности. В том числе:

- уровень привлекательности Ростовской области для проживания;
- желание респондента дальше жить в этой области и вносить свой вклад в развитие данной территории;

- основные проблемы территориальной общности, которые беспокоят лично респондента (в перечень были включены все основные проблемы, выявленные в проведенном выше теоретическом обзоре работ исследователей, работавших ранее над данной проблематикой);
- барьеры, которые мешают развиваться региону;
- уровень эффективности деятельности региональной власти;
- социальные структуры и институты, которым доверяет респондент;
- перспективы развития социально-экономической ситуации в области на ближайшие два-три года;
- тип взаимоотношений, который преобладает у жителей территории/региона и прибывшего населения (мигранты, переселенцы).

В этом перечне вопросы 1 и 2 позволяют определить динамику миграционных процессов (главным образом потенциально возможный отток жителей области). Вопросы 3, 4 раскрывают те проблемы, которые мешают респонденту воспринимать территорию как комфортную среду для жизнедеятельности. Вопросы 5–7 показывают оценку деятельности органов управления, действующих на региональном уровне. Вопрос 8 отражает характер отношений жителей региона с переселенцами. Этот вопрос позволяет определить уровень конфликтности / терпимости к мигрантам.

Обратимся к материалам исследования. Данные показывают, что условия жизни в Ростовской области влияют на мнение жителей о привлекательности территории. Подавляющая часть опрошенных в Ростовской области оценивает уровень привлекательности как средний (таблица 2.18). Самые позитивные оценки дают представители сельской местности. Такая ситуация демонстрирует достаточно благоприятные исходные позиции для развития социальных ресурсов анализируемых территориальных общностей.

Оценка эффективности деятельности региональной власти оценивается большинством респондентов из Таганрога и сельских поселений как средняя

(таблица 2.19). Две трети жителей Ростова-на-Дону дают негативные оценки. Это отличается из оценок остальных групп, где только каждый третий считает эффективность деятельности региональной власти низкой.

Таблица 2.18 – Оценка уровня привлекательности Ростовской области для проживания, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Высокий	21	21	24
Средний	68	65	71
Низкий	11	14	5

Таблица 2.19 – Оценка эффективности деятельности региональной власти, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Высокая	5	7	16
Средняя	33	57	50
Низкая	62	36	34

Сравнивая данные таблиц 2.18 и 2.19, можно констатировать, что образ региональной власти для населения менее привлекателен, чем образ самого региона. В то же время, по мнению каждого четвертого опрошенного, регион имеет высокую привлекательность. Следовательно, недостаточная эффективность деятельности региональной власти становится барьером для развития социальных ресурсов Ростова-на-Дону.

Среди факторов, мешающих развитию социальных ресурсов региона, респонденты-горожане чаще всего указывают на технологическое отставание промышленности и производства. Больше половины жителей Ростова-на-Дону (крупнейшей агломерации) считают это самой серьезной помехой. Среди жителей Таганрога (крупный/большой город) на это указывает только каждый третий из респондентов, среди жителей сельской – только каждый четвертый. В то же время, по мнению представителей сельских поселений, самым высоким препятствием на пути развития региона являются «эгоистические интересы жителей» (таблица 2.20). По-видимому, жители более развитых территорий острее ощущают «технологическое отставание

промышленности и производства» и ожидают от социально-экономической среды в этом направлении больших успехов. Чем менее развита территория, тем «спокойнее» ее жители переживают технологическое отставание.

Таблица 2.20 – Факторы, мешающие развитию региона, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Недостаточный уровень образования и квалификации населения	29	20	26
Эгоистические интересы жителей	24	22	34
Падение морали и нравственности	27	22	24
Пробелы в законодательной базе	27	19	21
Технологическое отставание промышленности и производства	53	33	26
Другое	29	15	11

Оценка респондентами среднедушевого дохода в семье, отраженная в таблице 2.21, позволяет провести классификацию каждой из анализируемых территориальных общностей. Классификация Г. Кана делит общества по уровню развития в зависимости от уровня среднедушевого дохода¹:

- доиндустриальные общества – общества со среднедушевым доходом 50–200 долларов;
- частично индустриальные общества – 200–600 долларов;
- развитые индустриальные общества – 1500–4000 долларов;
- постиндустриальные – общества, где среднедушевой доход превышает 4000 долларов.

Исходя из официального курса на август 2022 г. 1 доллар = 62,38 рубля. Это позволяет сделать вывод, что по классификации Г. Кана анализируемые

¹ Приводится по: Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. С. 59.

территориальные общности по уровню доходности попадают в частично индустриальные (таблица 2.21).

Таблица 2.21 – Оценка респондентами среднедушевого дохода в семье, %

Вариант ответа	Классификация общества	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Менее 11,9 тыс. руб.	Доиндустриальное	6	11	11
От 11,9 до 25 тыс. руб.		38	55	39
От 25,1 до 37,4 тыс. руб.	Частично индустриальное	26	17	26
От 37,5 до 93,6 тыс. руб.		26	15	21
Свыше 93,6 тыс. руб.	Развитое индустриальное	4	2	3

Самые высокие среднедушевые доходы фиксируются в Ростове-на-Дону. Однако это не стимулирует жителей крупнейшей агломерации к позитивным оценкам в прогнозах на будущее.

Таблица 2.22 показывает приблизительно одинаковое количество оптимизма и пессимизма по поводу развития социально-экономической ситуации в Ростовской области у таганрожцев и жителей сельских поселений. У ростовчан менее оптимистичные предположения по поводу будущего. В этой группе самая большая доля респондентов (44%) считает, что ситуация сохранится без изменений. Больше всего оптимизма фиксируется у представителей сельских поселений: каждый третий считает, что ситуация изменится к лучшему. В целом можно констатировать, что оптимистичная оценка жителей сельской местности – это дополнительный ресурс, на который могут опираться органы власти, формируя программы развития территориальной общности. В то же время для развития

социальных ресурсов такой крупнейшей агломерации, как Ростов-на-Дону, станут дополнительным барьером пессимистичные прогнозы у 40% горожан по поводу перспектив развития социально-экономической ситуации в Ростовской области на ближайшие два-три года.

Таблица 2.22 – Оценка перспектив развития социально-экономической ситуации в Ростовской области на ближайшие два-три года, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Улучшится	16	30	34
Ухудшится	40	27	29
Не изменится	44	43	37

Для жителей всех опрошенных территорий главными проблемами Ростовской области являются: низкий уровень заработной платы; состояние медобслуживания; слаборазвитая инфраструктура региона (транспорт, состояние дорог, связь). У каждой территориальной общности своя самая важная проблема: для таганрожцев и сельчан это «низкая заработная плата», а для ростовчан – «слабая инфраструктура региона» (таблица 2.23).

Нужно отметить, что чем больше население и более развита территория, тем больше респондентов беспокоят такие факторы, как «упадок производства и сельского хозяйства» (на это указали 29% ростовчан); «развитие науки и образования» (16% ростовчан); «уровень и качество жизни» (41%); «коррупция и преступность» (44%); «экологическая ситуация» (33%). Для жителей сельской местности и Таганрога одной из серьезных проблем, беспокоящих каждого четвертого, стали «алкоголизм, пьянство населения».

Жителей Таганрога больше, чем жителей других территорий, беспокоят проблемы мигрантов и переселенцев (20%); недостаточное развитие сферы досуга (14%); безработица и трудоустройство (31%).

Сельских жителей более, чем других опрошенных, беспокоит проблема преодоления бедности и социального неравенства (18%).

**Таблица 2.23 – Основные проблемы территориальной общности,
которые лично беспокоят респондентов, %**

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Состояние медобслуживания	45	45	53
Безработица, проблемы с трудоустройством	17	31	24
Слабая инфраструктура региона (транспорт, состояние дорог, связь)	57	36	37
Низкий уровень заработной платы	48	63	66
Экологическая ситуация	33	21	26
Недостаточно развита сфера досуга (театры, спортивные комплексы, парки и пр.)	12	14	11
Коррупция и преступность	44	26	24
Преодоление бедности и социального неравенства	13	14	18
Уровень и качество жизни	41	28	37
Межэтнические отношения	7	7	8
Развитие науки и образования	16	11	5
Проблемы мигрантов и переселенцев	14	20	16
Упадок производства и сельского хозяйства	29	18	24
Алкоголизм, пьянство населения	16	23	24
Политико-правовые проблемы	10	10	8
Проблемы федерального, общегосударственного управления	16	7	3
Личные экономические проблемы	4	12	3
Другое	4	5	8

Несмотря на выявленный большой объем претензий к ситуации в регионе существенная часть респондентов хочет дальше жить в Ростовской области и вносить свой вклад в ее развитие (таблица 2.24). Интересно, что самые критические и негативные оценки дают жители Ростова-на-Дону, но и они же в подавляющем большинстве заявляют о своем желании дальше жить и работать в Ростовской области, что дает благоприятные возможности для формирования и развития социальных ресурсов территориальной общности.

**Таблица 2.24 – Распределение ответов на вопрос
«Хотите ли вы и дальше жить в этой области
и вносить свой вклад в развитие территории?», %**

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Да	77	55	39
Затрудняюсь ответить	18	36	45
Нет	5	9	16

Таким образом, у жителей области сложился достаточно благоприятный имидж территории. Косвенно это подтверждают и данные статистики по миграционным процессам (см. рисунок 2.3): за последние три года количество прибывших превышает количество убывших. Следовательно, Ростовская область выглядит привлекательной не только для местного населения, но и с точки зрения жителей территорий – «миграционных доноров». Исследуя миграционные процессы, ученые акцентируют внимание на проблемах роста конфликтности территории-реципиента и адаптации мигрантов. Изучение этого вопроса в ходе анкетного опроса показало невысокий уровень значимости данной проблемы для жителей региона. Очевидно, что для подавляющего числа респондентов (четыре из пяти опрошенных) отношения с мигрантами и переселенцами видятся как дружеские или бесконфликтные, что также свидетельствует о благоприятном образе Ростовской области, сложившемся у жителей и приезжих (таблица 2.25).

Таблица 2.25 – Мнение респондентов об отношениях жителей с мигрантами и переселенцами, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Преобладают отношения взаимопомощи и поддержки	22	30	16
Чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим	62	52	65
Преобладают напряженные, неприязненные, конфликтные отношения	5	10	8
Затрудняюсь ответить	11	8	11

Оценка уровня привлекательности территории тесно связана с качеством жизни населения, имеющимися жизненными шансами и удовлетворенностью потребностей. Как утверждал П.А. Сорокин, «каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он вынужден обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие»¹. В связи с этим обратимся к оценке населением Ростовской области уровня удовлетворенности своих потребностей. В основу анализа была положена иерархическая система потребностей, разработанная А. Маслоу², где рассматривалось влияние удовлетворенности потребности на жизнедеятельность человека. На уровень удовлетворенности потребностей влияют усилия, которые человек прилагает к их реализации, и возможности, которые предоставляет человеку среда.

Данные, приведенные в таблицах 2.26–2.28, показывают достаточно позитивную ситуацию. В среднем от половины до трети респондентов считают, что их потребности удовлетворены.

¹ Сорокин П.А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 346.

² Maslow A.H. Op. cit.

**Таблица 2.26 – Удовлетворенность потребностей жителей
Ростова-на-Дону, %**

Потребности	Удовлетворены	Затрудняюсь ответить	Нет
Материальные	32	20	48
Культурные	41	27	32
В образовании	71	17	12
В трудовой деятельности	58	20	22
В досуге	51	21	28
В самореализации	47	23	30
В общении	83	7	10
В безопасности	28	35	37
В сохранении здоровья	33	23	44
Физиологические (в пище, одежде, жилье)	71	9	20
В стабильной жизни	22	23	55
В гарантиях занятости	36	27	37
В дружбе и привязанности	85	12	3
В признании заслуг	44	35	21
В творчестве и инновациях	34	37	29

Наиболее положительные оценки высказываются по поводу удовлетворенности потребностей в образовании, общении, а также в отношении физиологических потребностей и потребности в дружбе и привязанности.

Больше всего респонденты не удовлетворены ситуацией, связанной со стабильностью жизни (здесь самый высокий уровень негативных оценок в каждой из трех групп, в том числе 55% в Ростове –на-Дону, 38% в Таганроге, 29% в сельской местности), сохранением здоровья и материальными потребностями.

В Ростове-на-Дону чаще всего фиксируется однозначное мнение, здесь меньше тех, кто не определился с ответом. Однако именно ростовчане чаще других дают негативные оценки. При этом уровень неудовлетворенности минимален у жителей сельского поселения, повышается у жителей Таганрога и доходит до максимума у ростовчан.

Физиологические потребности (потребность в пище, одежде, жилье, отдыхе) удовлетворены на приблизительно одинаковом (и достаточно высоком) уровне в каждой из исследуемых территориальных общностей (более половины респондентов дают положительный ответ).

Таблица 2.27 – Удовлетворенность потребностей жителей Таганрога, %

Потребности	Удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Нет
Материальные	32	32	36
Культурные	50	33	17
В образовании	67	25	8
В трудовой деятельности	39	39	22
В досуге	49	33	18
В самореализации	42	39	19
В общении	78	16	6
В безопасности	37	40	23
В сохранении здоровья	33	32	35
Физиологические (в пище, одежде, жилье)	73	17	10
В стабильной жизни	36	26	38
В гарантиях занятости	35	34	31
В дружбе и привязанности	73	23	5
В признании заслуг	41	42	17
В творчестве и инновациях	37	38	25

**Таблица 2.28 – Удовлетворенность потребностей
жителей сельских поселений, %**

Потребности	Удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Нет
Материальные	45	31	4
Культурные	49	32	19
В образовании	66	26	8
В трудовой деятельности	39	45	16
В досуге	53	23	24
В самореализации	50	32	18
В общении	82	13	5
В безопасности	58	29	13
В сохранении здоровья	39	43	18
Физиологические (в пище, одежде, жилье)	74	18	8
В стабильной жизни	42	29	29
В гарантиях занятости	26	48	26
В дружбе и привязанности	84	8	8
В признании заслуг	39	48	13
В творчестве и инновациях	47	37	16

Экзистенциальные потребности (материальные потребности; потребности в безопасности, в сохранении здоровья; в стабильной жизни; в гарантиях занятости; в трудовой деятельности) удовлетворены меньше всего: в среднем у каждого третьего из опрошенных. У жителей сельского поселения наиболее положительные оценки, а у жителей крупнейшей агломерации – самые негативные. Для жителей Ростова-на-Дону самая тревожная ситуация связана с неудовлетворенностью потребностей в стабильной жизни, сохранении здоровья, материальных потребностей. У жителей сельской местности экзистенциальные потребности либо

удовлетворены (материальные потребности удовлетворены у 45%; потребность в безопасности – у 58%), либо большинство респондентов затрудняется дать однозначный ответ (по поводу удовлетворенности потребности в сохранении здоровья не определились 43%; в гарантии занятости – 48%; в трудовой деятельности – 45%). Это говорит о том, что у данных респондентов не все складывается так, как у горожан (особенно проживающих в крупнейшей агломерации), есть какие-то негативные тенденции, не позволяющие определиться с однозначным ответом. Сравнивая оценки, можно отметить, что самые низкие – у ростовчан по поводу удовлетворенности потребности в стабильной жизни (удовлетворены всего 22%), а самый высокий уровень удовлетворенности (в рамках экзистенциальных потребностей) высказывается по поводу трудовой деятельности (удовлетворены 58%). Для жителей сельской местности ситуация обратная: удовлетворенность потребности в стабильной жизни высокая (удовлетворены 42%), а самый низкий уровень удовлетворенности (в рамках экзистенциальных потребностей) высказывается по поводу гарантий занятости (удовлетворены 26%). Для сельской местности достаточно проблемным вопросом становится трудоустройство и занятость населения (удовлетворяют свои потребности в трудовой деятельности 39%).

Социальные потребности (потребность в дружбе и привязанности; в общении; в образовании) имеют самый высокий уровень удовлетворенности (на это указывают от 70 до 80% опрошенных) во всех исследуемых группах. Среди респондентов, живущих в Ростове-на-Дону, больше всего тех, кто полностью удовлетворяет свои социальные потребности, и меньше всего тех, кто не смог определиться с оценкой.

Престижные потребности (потребности в признании заслуг) удовлетворены в каждой из групп приблизительно одинаково. В Ростове-на-Дону респонденты давали более положительные оценки, а в сельской местности позитивных оценок было немного меньше, но самый высокий процент – неопределившихся с ответом.

Духовные потребности (потребность в самореализации; в творчестве и инновациях) повторяют картину, которая выявлена при анализе экзистенциальных потребностей. У жителей сельской местности удовлетворенность духовными потребностями выше, чем у горожан.

Несмотря на существенную численность неудовлетворенных своими материальными потребностями жители Ростовской области достаточно позитивно оценивают свое материальное положение (таблица 2.29). В частности, только каждый пятый оценивает его как «плохое» или «скорее плохое». Хуже всего оценивают свое материальное положение проживающие в Ростове-на-Дону (здесь у 29% было «плохое» или «скорее плохое» материальное положение). В сельской местности только 8% респондентов оценили свое материальное положение как «скорее плохое».

Таблица 2.29 – Оценка материального положения в 2022 г., %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Хорошее	11	22	29
Скорее хорошее	36	38	42
Затрудняюсь ответить	24	20	21
Скорее плохое	25	16	8
Плохое	4	4	0

Развитие территории и ее социальных ресурсов во многом определяется отношением населения к социальным институтам и органам власти. Доверие к тем или иным акторам в институциональной среде позволяет определить уровень освоения социального пространства. Уровень доверия населения отражает уверенность в том, что акторы (формальные и неформальные представители социальных институтов и структур) будут ответственно и добросовестно выполнять возложенные на них социальные функции. Очевидно, что низкий уровень доверия к социальным институтам и структурам будет тормозить развитие социальных ресурсов, а высокий

уровень доверия открывает представителям органов власти дополнительные перспективы для социального проектирования. Сравнивая ответы по поводу доверия, можно сделать вывод о некотором сходстве мнений респондентов из разных территориальных общностей: самый высокий уровень доверия у респондентов к семье, родным и друзьям.

Единодушное мнение выявлено по поводу доверия к учреждениям науки и образования: каждый шестой высказывает свое доверие вне зависимости от места проживания. Сравнительно большего доверия в глазах опрошенных заслуживает руководство организации (где работает или учится респондент): так считает каждый пятый из ростовчан, каждый седьмой из таганрожцев и каждый восьмой из сельчан. В остальном оценки представителей разных территориальных общностей отличаются. Для жителей Ростова-на-Дону заслуживающими доверия являются учреждения здравоохранения (на это указали 13%). Однако в Таганроге и сельской местности считающих так же почти вдвое меньше.

Возможно, невысокий уровень развития медицины не позволяет жителям периферии высказывать больше доверия. Вместе с тем обратная ситуация наблюдается в отношении учреждений культуры: в Таганроге и сельской местности уровень доверия в два раза больше, чем в Ростове-на-Дону. Отметим, что доверительные отношения укрепляют социальное взаимодействие и легитимизируют социальные структуры, позволяют рассматривать действия представителей институциональной среды как компетентные и не несущие угрозу и риски (т.е. безрисковые для реципиента). В то же время, согласно полученным в ходе опроса данным, в Ростовской области сложилась непростая ситуация с доверием к органам власти: фиксируется невысокий уровень доверия к органам местной власти, к представителям областной власти. При этом городские жители высказывают меньше доверия, чем сельские. Исключение составляет отношение к полиции и судам: им доверяет каждый восьмой из опрошенных в Таганроге и каждый девятый из опрошенных в сельских поселениях. В Ростове-на-Дону доверяют

полиции и судам, согласно результатам опросов, всего 3% респондентов (таблица 2.30).

**Таблица 2.30 – Ответы респондентов на вопрос
«Кому вы доверяете?», %**

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Органам местной власти	7	7	11
Учреждениям здравоохранения	13	7	8
Учреждениям науки и образования	17	16	16
Учреждениям культуры	5	11	11
СМИ	2	8	0
Организациям социальной защиты	6	11	3
Друзьям	69	53	37
Семье, родным	89	91	87
Полиции, судам	3	13	11
Представителям областной власти	1	4	11
Руководству своей организации (где работаете или учитесь)	22	15	13
Сетевым интернет-сообществам	4	4	11
Соседям	9	11	1

Примечание: предлагалось указать не более пяти ответов.

Таким образом, взаимодействие с представителями органов власти для жителей Ростовской области – это зона дополнительного риска. Предыдущий

жизненный опыт респондентов заставляет их сомневаться в компетентности, ответственности или добросовестности выполнения возложенных на органы власти функций. Однако это не самый низкий уровень доверия, который высказывают жители Ростовской области. Самая сложная ситуация связана с доверием к работе средств массовой информации и сетевых интернет-сообществ. Фактически недоверие к информационному пространству создается усилиями как формальных, так и неформальных субъектов. Данная ситуация не только снижает эффективность управления территориальными общностями, но и ухудшает качество жизни населения.

Институциональная среда респондентами воспринимается как неблагоприятная, действующие в ней социальные акторы (как в формальной, так и в неформальной сфере) в подавляющем большинстве не заслуживают доверия. Это делает жизнь более сложной, ведет к атомизации общества и способствует переносу доверительных социальных связей в область исключительно семейно-родственных отношений. Примером деградации системы неформальных отношений и атомизации социальных связей может служить девальвация значимости пространства соседского взаимодействия.

Ряд исследователей (Lamit Hasanuddin, Ghahramanpouri Amir, Sapura Mohamad) указывает, что удовлетворенность отношениями с соседями положительно влияет на качество жизни человека¹. Однако результаты проведенного исследования показывают, что доверие у жителей Ростовской области к соседским отношениям такое же низкое, как и к организациям социальной защиты. Это свидетельствует об опасных процессах десолидаризации внутри территориальных общностей, проявляющихся в рамках формальных и неформальных институтов.

Необходимо отметить, что проживающие в городе чаще проявляют доверие к тем или иным социальным институтам и структурам, чем жители

¹ An evaluation of residents' quality of life through neighborhood satisfaction in Malaysia / Sedaghatnia Sepideh, Lamit Hasanuddin, Ghahramanpouri Amir, Sapura Mohamad // Environmental Management and Sustainable Development. 2013. Vol. 2 (1). P. 114–125.

сельской местности. Следовательно, можно предположить, что горожанами социальная среда воспринимается немного более комфортной и надежной, чем сельчанами. Возможно, это стало основанием для роста среди жителей Ростовской области субъектности и навыков самообеспечения (таблица 2.31).

Таблица 2.31 – Мнение респондентов о навыках самообеспечения, %

Вариант ответа	Ростов н/Д	Таганрог	Сельские поселения
Я самостоятельно справлюсь со всеми проблемами и достигну успеха	37	55	66
Я справлюсь с проблемами, если мне помогут близкие и друзья	55	35	26
Я справлюсь с проблемами при условии, что мне помогут местные органы власти	3	4	5
Я справлюсь с проблемами, только если мне поможет государство	5	6	3

В развитии социальных ресурсов территориальной общности высокая субъектность играет важную роль. На это указывает С.Н. Панкова, связывающая развитие личности с навыками самоорганизации собственной жизнедеятельности и тем значением, какое они имеют для человека¹.

Данные таблицы 2.31 подтверждают данные из таблицы 2.30: население Ростовской области не видит в лице органов власти источника помощи и поддержки. Только каждый десятый в случае социальных затруднений рассчитывает на помощь органов государственного или муниципального управления. Все остальные рассчитывают на себя и своих близких. При этом в такой крупнейшей агломерации, как Ростов-на-Дону, респонденты в подавляющем большинстве (55%) надеются на помощь

¹ Панкова С.Н. Указ. соч.

близких и друзей; а респонденты из сельской местности – преимущественно на себя (66%).

Для Таганрога характерна картина промежуточного состояния, больше схожего с ситуацией в сельских поселениях.

Проведенный анализ показывает, что состояние социальных ресурсов обусловлено размером территориальной общности. Существует определенная разница в социальных установках и отношении к социальным институтам и структурам жителей крупнейшей агломерации и сельской местности. Оценки жителей крупного (большого) города чаще всего представляют промежуточные значения. Однако есть характеристики, которые объединяют все проанализированные территории. В частности, фиксируется:

1) высокий уровень субъектности и отказ от социального иждивенчества (которое раньше приписывалось российскому обществу);

2) атомизация и десолидаризация социальных отношений (недоверие к большей части социальных институтов и структур);

3) на фоне позитивных оценок своего материального положения – неудовлетворенность состоянием своего здоровья, недостаточной гарантией занятости и беспокойство по поводу безопасности жизни;

4) недовольство технологическим отставанием промышленности и производства, которые, по мнению респондентов, являются помехой в развитии территории;

5) утрата доверия к средствам массовой информации, поэтому наиболее эффективными каналами передачи информации могут стать учреждения науки (или образования) и организации, где работает (или учится) человек.

Исследование состояния социальных ресурсов имеет прикладной характер. Результаты проведенной социологической оценки на основе опроса показали, что для разработки эффективных социально-экономических проектов, реализуемых с целью развития социальных ресурсов, необходимо

учитывать размер территориальной общности. Проживание в крупнейшей агломерации или в сельской местности меняет акценты, на которые нужно обратить внимание при разработке конкретных практических рекомендаций в области оптимизации управленческих решений на уровне государственной, региональной или муниципальной власти.

Выводы по параграфу 2.3

Результаты социологической оценки показывают, что состояние социальных ресурсов обусловлено размером территориальной общности. Управление развитием социальных ресурсов территориальной общности в современных российских условиях должно учитывать имеющиеся специфические возможности и барьеры. К социальным барьерам, препятствующим формированию и развитию социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области, можно отнести:

- недостаточную эффективность деятельности (две трети жителей Ростова-на-Дону дают негативные оценки) региональной власти и пессимистичные прогнозы (дали 40% респондентов из Ростова-на-Дону) по поводу перспектив развития социально-экономической ситуации в Ростовской области на ближайшие два-три года;

- технологическое отставание промышленности (для горожан);

- эгоистические интересы жителей – для представителей сельских поселений;

- низкий уровень заработной платы; плохое состояние медобслуживания; слаборазвитую инфраструктуру региона (транспорт, состояние дорог, связь), которые указали в качестве главных проблем Ростовской области представители всех рассмотренных территорий;

– неудовлетворенные потребности населения в стабильной жизни и сохранении здоровья. При этом уровень неудовлетворенности минимален у жителей сельского поселения, повышается у жителей Таганрога и достигает до максимума у ростовчан;

– низкий уровень доверия к социальным институтам и структурам (особенно к органам власти, СМИ и сетевым интернет-сообществам). В результате происходит атомизация и десолидаризация социальных отношений, приводящие к переносу доверительных социальных связей в область исключительно семейно-родственных отношений.

Выявлены следующие возможности, т.е. благоприятные тенденции для развития социальных ресурсов анализируемых территориальных общностей: средний уровень привлекательности Ростовской области и достаточно благоприятный имидж территории; оптимистичная оценка жителей сельской местности по поводу благоприятного развития региона на ближайшие два-три года – это дополнительный ресурс, на который могут опираться органы власти, формируя программы развития территории; подавляющее число положительных оценок респондентов по поводу удовлетворенности своих потребностей в образовании, общении, а также в отношении физиологических потребностей и потребности в дружбе и привязанности; высокий уровень субъектности у населения и отказ от социального иждивенчества, способность решать свои проблемы самостоятельно.

Выводы по главе 2

Оценка количественных показателей социально-экономической среды Ростовской области, детерминирующих процесс формирования и развития социальных ресурсов территориальной общности, является объективизирующим началом для описания основных тенденций в институциональной среде Ростовской области. Социологические индикаторы

демонстрируют значительные различия в развитии институциональной среды, качестве жизни и социальных характеристиках между крупными городами, развитыми и малыми городами, а также сельскими поселениями Ростовской области. Эти различия определяют специфику социально-экономической динамики территорий каждого типа. Анализ показывает, что динамика объективных показателей институциональной среды Ростовской области повторяет основные общероссийские тренды. Текущую ситуацию можно охарактеризовать как стабилизированное сворачивание среды, обеспечивающей условия для формирования социальных ресурсов. Развитие социальных ресурсов в таких условиях возможно осуществлять в рамках повышения качества структуры институциональной среды, так как на фоне умеренного роста экономических показателей происходит существенное сокращение социальных.

Миграционные процессы приводят к росту населения Ростовской области (т.е. эта часть населения признает за Ростовской областью статус более благополучного региона, чем тот, где они жили ранее). Однако ежемесячные среднедушевые доходы населения растут быстрее, чем прожиточный минимум. Это приводит к увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения Ростовской области и ухудшению стратификационных характеристик региона. Статистический анализ показал, что процессы естественной убыли и прироста оказывают более существенное влияние на численность населения, чем миграционные процессы. Особенно сильно это отражается на городском населении. Темпы сокращения численности сельского населения меньше, чем городского. В связи с этим доля сельского населения в Ростовской области медленно растет. При этом повышение денежных доходов на душу населения и рост прожиточного минимума останавливают иммиграцию из Ростовской области, однако не стимулируют эмиграцию в Ростовскую область.

Систематизация полученных результатов показывает разноплановость процессов, влияющих на развитие социальных ресурсов территориальной

общности. Позитивные тенденции связаны с ростом уровня образования населения Ростовской области, повышением доходов населения. Среди отрицательных тенденций можно назвать уменьшение численности населения Ростовской области. Миграционные процессы имеют положительную тенденцию, однако вносят незначительный вклад. Зафиксированный рост доходов населения играет важную роль в развитии экономической сферы, однако макроэкономические показатели растут быстрее, чем личные доходы жителей Ростовской области. Тем самым создаются предпосылки для стратификационной поляризации населения, что может негативно отразиться на перспективах развития социальных ресурсов территориальной общности.

Процесс формирования и развития социальных ресурсов территориально детерминирован. Население экономически развитых территорий, имея более высокий доход, чувствует себя более ограниченным в своих финансовых возможностях, чем жители менее экономически развитых территорий. Феномен субъективного понимания своего собственного достатка и социальных позиций приводит к отсутствию единого понимания границ бедности или богатства, для каждого респондента они очерчиваются по-своему. Как следствие, у жителей сельских поселений Ростовской области более позитивные оценки своего социального статуса, чем у горожан; среди жителей Таганрога и сельской местности в два раза больше тех, кто считает себя успешным адаптантом, так как им «удалось использовать новые возможности».

Результаты социологического исследования показывают, что состояние социальных ресурсов обусловлено размером территориальной общности. Управление развитием социальных ресурсов территориальной общности в современных российских условиях должно учитывать имеющиеся специфические возможности и барьеры.

К социальным барьерам, препятствующим формированию и развитию социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области, можно отнести:

– недостаточную эффективность деятельности (две трети жителей Ростова-на-Дону дают негативные оценки) региональной власти и пессимистичные прогнозы (дали 40% респондентов из Ростова-на-Дону) по поводу перспектив развития социально-экономической ситуации в Ростовской области на ближайшие два-три года;

– технологическое отставание промышленности (для горожан);

– «эгоистические интересы жителей» – для представителей сельских поселений;

– низкий уровень заработной платы, плохое состояние медобслуживания, слаборазвитую инфраструктуру региона (транспорт, состояние дорог, связь), которые указали в качестве главных проблем Ростовской области представители всех рассмотренных территорий;

– неудовлетворенные потребности населения в стабильной жизни и сохранении здоровья. При этом уровень неудовлетворенности минимален у жителей сельского поселения, повышается у жителей Таганрога и достигает до максимума у ростовчан;

– низкий уровень доверия к социальным институтам и структурам (особенно к органам власти, СМИ и сетевым интернет-сообществам). В результате происходит атомизация и десолидаризация социальных отношений, приводящие к переносу доверительных социальных связей в область исключительно семейно-родственных отношений.

Выявлены следующие возможности, т.е. благоприятные тенденции для развития социальных ресурсов анализируемых территориальных общностей: у Ростовской области средний уровень привлекательности и достаточно благоприятный имидж; оптимистичная оценка жителей сельской местности по поводу благоприятного развития региона на ближайшие два-три года – это дополнительный ресурс, на который могут опираться органы власти,

формируя программы развития региона; подавляющее число положительных оценок респондентов по поводу удовлетворенности своих потребностей в образовании, общении, а также в отношении физиологических потребностей и потребности в дружбе и привязанности; высокий уровень субъектности у населения и отказ от социального иждивенчества, способность решать свои проблемы самостоятельно (или с помощью родных и близких).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка институциональной среды позволяет определить направления развития социальных ресурсов территориальных общностей. Важность исследований, проводимых в данном направлении, определяется необходимостью создания достаточного информационного обеспечения для принятия эффективного управленческого решения. Социальные ресурсы являются самыми гибкими и перспективными ресурсами для управленческой практики. Сконцентрированный в них потенциал дает широкие возможности для развития территориальных общностей. В данном диссертационном исследовании как раз и была предпринята попытка поиска данных возможностей. Для этого в работе проведен анализ институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.

В рамках достижения цели диссертационного исследования были решены следующие задачи:

1) представлены социальные ресурсы территориальной общности как предмет социологического исследования, проанализирован теоретический дискурс и основные подходы к их пониманию;

2) определена структура институциональной среды и характер влияния ее компонентов на формирование и развитие социальных ресурсов территориальных общностей;

3) рассмотрены методологические основы исследования социальных ресурсов территориальных общностей;

4) проанализировано состояние факторов институциональной среды формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области (по данным эмпирического исследования);

5) выявлена зависимость восприятия членами территориальной общности социальных ресурсов и личностной оценки возможности их

вовлечения в реализацию индивидуальных и коллективных целей от уровня социально-экономического положения и типа поселения Ростовской области;

б) проведена социологическая оценка барьеров и возможностей формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области для обоснования стратегии оптимизации социального развития территориальной общности.

Проведенное исследование привело к следующим результатам.

Первая глава диссертационного исследования раскрывает теоретико-методологические предпосылки исследования социальных ресурсов территориальных общностей. Изучение этого вопроса позволило сформулировать следующие выводы.

Применение контент-анализа для обоснования исследовательского поля понятия «социальные ресурсы» показало достаточно широкую интерпретацию и понимание роли и значения социальных ресурсов в развитии социального капитала и территориальных общностей. Учитывая социально-экономическую нестабильность и мобильность научной мысли, можно заключить, что многокомпонентность понятия также претерпевает определенные изменения, в то время как его семантическое ядро остается относительно стабильным. Понятие «социальные ресурсы» разрабатывается в основном в областях социологического и частично экономического знания. Осмысление социальных ресурсов в научном сообществе зависит от конкретной социальной ситуации, детерминированной социально-экономической обстановкой и территориальной спецификой. Существенное влияние на развитие социальных ресурсов имеют такие социальные феномены, как: социальный капитал; человеческий капитал; социальные сети; молодежь; регион; управление; политические нововведения; гражданское общество; доверие; личностные ресурсы; образование; семья; социальная адаптация; социальный потенциал; экономические ресурсы; адаптация; качество жизни; ресурсный потенциал; сельские территории. Таким образом, это многокомпонентное понятие, имеющее социальные и

экономические составляющие (с доминированием в социологической области), включающее совокупность всей ресурсной базы социальных акторов, входящих в конкретную территориальную общность. Социальные ресурсы территориальной общности – это совокупность возможностей удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей, способствующих развитию и поддержанию стабильности социальной структуры территориальной общности. Это набор потенциалов, включающихся в обеспечение процессов, непосредственно позволяющих удовлетворять индивидуальные и групповые потребности территориальной общности, – достижения целей развития, повышения качества жизни и разрешения коллективных задач, – в основе которых лежит совокупность объективных факторов институциональной среды региона и субъективная оценка возможностей их использования членами территориальной общности.

Социальные ресурсы находят свое выражение в возможностях, которые доступны индивидуумам и группам в рамках определенной территориальной общности и способствуют их социальному взаимодействию, развитию и благосостоянию. С социологической точки зрения потенциал является многогранным понятием, охватывающим различные аспекты взаимодействия между людьми и их окружающей средой, а также определяющим их способность достигать поставленных целей в условиях наличия ограничений и возможностей. Потенциал не является статичным, он может изменяться в зависимости от изменений в институциональной среде.

Институциональная среда территориальной общности является важнейшим аспектом, определяющим динамику развития и стабильность сообществ. Опираясь на основные положения институциональной теории, необходимо в институциональную среду формирования социальных ресурсов территориальных общностей включить факторы, определяющие ее территориальную специфику.

Так, на формирование и развитие социальных ресурсов оказывают влияние не только формальные (узаконенные правила и нормы) и

неформальные (обычаи, традиции, институт семьи, религии, доверия, образования, нравственности, культуры, дружбы) связи, но и внешние (административно-территориальные, климатические, финансовые, экологические, правовые) и внутренние (качество территорий, место расположения, инфраструктура, имидж территории, качество жизни, удовлетворенность управлением, потенциал самоуправления, традиции и ожидания членов территориальной общности) факторы.

Формирование социальных ресурсов происходит под воздействием экзогенных и эндогенных факторов институциональной среды. Эндогенные факторы исходят из внутренних характеристик общности, тогда как экзогенные влияют извне.

Факторы институциональной среды, формирующие социальные ресурсы как социальный потенциал территории, выступающий характеристикой степени возможностей территориальной общности в плане удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей, – это прежде всего внутренний потенциал региона. Поэтому наш интерес сместился к анализу эндогенных факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов территориальной общности.

Понимание роли факторов институциональной среды формирования социальных ресурсов и содействие их развитию помогут не только улучшить качество жизни населения, но и повысить конкурентоспособность территорий на региональном и глобальном уровнях. Эффективное воспроизводство и развитие социальных ресурсов требует комплексного подхода, учета территориальных особенностей и устранения барьеров на пути их развития.

Сложность и многоплановость проблемы развития социальных ресурсов проецируется на выбор методологических основ исследования. В силу локализации исследовательского интереса на изучении социальных ресурсов территориальной общности проблемное поле охватывает экономические и социальные характеристики территории с акцентом на

социальной составляющей. Логика исследования диктует необходимость работы с объективной информацией (анализ статистических данных с последующей корреляционной оценкой влияния факторов внешней среды на состояние социальных ресурсов Ростовской области) и субъективной информацией (анкетирование жителей Ростова-на-Дону, Таганрога, сельских поселений Ростовской области с последующим сравнительным анализом социальных оценок комфортности среды жизнедеятельности в крупнейшей агломерации, большом городе и сельской местности, мнения населения по поводу удовлетворенности потребностей и отношения к проблемам территориальной общности).

Вторая глава диссертационного исследования раскрывает проблемы формирования и оценки состояния институциональной среды в контексте развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.

Институциональный подход дает широкий выбор методологических приемов, так как не имеет единой методологической основы, но акцентирует анализ на статистических данных. Оценка количественных показателей социально-экономической среды Ростовской области, детерминирующих процесс формирования и развития социальных ресурсов, является объективизирующим началом для описания основных тенденций в институциональной среде. Анализ показывает, что динамика объективных показателей институциональной среды Ростовской области повторяет основные общероссийские тренды. Текущую ситуацию можно характеризовать как стабилизированное сворачивание среды, обеспечивающей условия для формирования социальных ресурсов. Развитие социальных ресурсов в таких условиях возможно осуществлять в рамках повышения качества структуры институциональной среды, так как на фоне умеренного роста экономических показателей происходит существенное сокращение социальных.

Миграционные процессы приводят к росту населения Ростовской области (т.е. эта часть населения признает за Ростовской областью статус более благополучного региона, чем тот, где они жили ранее). Однако ежемесячные среднедушевые доходы населения растут быстрее, чем прожиточный минимум. Это приводит к увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения Ростовской области и ухудшению стратификационных характеристик региона. Статистический анализ показал, что процессы естественной убыли и прироста оказывают более существенное влияние на численность населения, чем миграционные процессы. Особенно сильно это отражается на городском населении. Темпы сокращения численности сельского населения меньше, чем городского. В связи с этим доля сельского населения в Ростовской области медленно растет. При этом повышение денежных доходов на душу населения и рост прожиточного минимума останавливают иммиграцию из Ростовской области, однако не стимулируют эмиграцию в Ростовскую область.

Систематизация полученных результатов показывает разноплановость процессов, влияющих на развитие социальных ресурсов территориальной общности. Позитивные тенденции связаны с ростом уровня образования населения Ростовской области, повышением доходов населения. Среди отрицательных тенденций можно назвать уменьшение численности населения. Миграционные процессы имеют положительную тенденцию, однако вносят незначительный вклад, и территория становится донором более перспективных ресурсов, чем те, которые она получает в качестве реципиента. Анализ показал, что положительная тенденция повышения денежных доходов на душу населения существенно не влияет на рост продолжительности жизни, рождаемости и численности прибывающих в Ростовскую область. Тем не менее рост доходов населения снижает желание покинуть регион. Зафиксированный рост доходов населения играет важную роль в развитии экономической сферы, однако макроэкономические показатели растут быстрее, чем личные доходы жителей Ростовской области.

Тем самым создаются предпосылки для стратификационной поляризации населения, что может негативно отразиться на перспективах развития социальных ресурсов территориальной общности.

Процесс формирования и развития социальных ресурсов территориально детерминирован. Субъективное восприятие жителями удовлетворенности материальных потребностей диссонирует с объективной информацией. Больше всего удовлетворенных своими материальными потребностями – среди сельских жителей, а больше всего неудовлетворенных – среди жителей Ростова-на-Дону. Таким образом, с увеличением социально-экономического благополучия территориальной общности растут потребности жителей и снижается уровень их удовлетворенности. Поэтому население экономически развитых территорий, имея более высокий доход, чувствует себя более ограниченным в своих финансовых возможностях, чем жители менее экономически развитых территорий. Феномен субъективного понимания своего собственного достатка и социальных позиций приводит к отсутствию единого понимания границ бедности или богатства, для каждого респондента они очерчиваются по-своему. Как следствие, у жителей сельских поселений Ростовской области более позитивные оценки своего социального статуса, чем у горожан; среди жителей Таганрога и жителей сельской местности в два раза больше тех, кто считает себя успешным адаптантом, так как им «удалось использовать новые возможности».

Ряд факторов, влияющих на развитие социальных ресурсов личности, меняется в зависимости от уровня экономического развития территориальной общности: чем выше ее экономическое развитие, тем важнее такие факторы, как проживание в регионе с развитой экономикой, обширные социальные и межличностные связи, планирование жизни, способность контролировать собственную жизненную среду. Однако выделяются и универсальные факторы, одинаково важные для всех респондентов, такие как профессиональные амбиции и карьерные устремления, высокая самооценка и

саморазвитие, семья, хорошее образование и квалификация, трудолюбие и целеустремленность.

Результаты социологической оценки показывают, что состояние социальных ресурсов обусловлено размером территориальной общности. Управление развитием социальных ресурсов территориальной общности в современных российских условиях должно учитывать имеющиеся специфические возможности и барьеры. К социальным барьерам, препятствующим формированию и развитию социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области, можно отнести:

- недостаточную эффективность деятельности (две трети жителей Ростова-на-Дону дают негативные оценки) региональной власти и пессимистичные прогнозы (дали 40% респондентов из Ростова-на-Дону) по поводу перспектив развития социально-экономической ситуации в Ростовской области на ближайшие два-три года;

- технологическое отставание промышленности (для горожан);

- эгоистические интересы жителей – для представителей сельских поселений;

- низкий уровень заработной платы; плохое состояние медобслуживания; слаборазвитую инфраструктуру региона (транспорт, состояние дорог, связь), которые указали в качестве главных проблем Ростовской области представители всех рассмотренных территорий;

- неудовлетворенные потребности населения в стабильной жизни и сохранении здоровья. При этом уровень неудовлетворенности минимален у жителей сельского поселения, повышается у жителей Таганрога и достигает до максимума у ростовчан;

- низкий уровень доверия к социальным институтам и структурам (особенно к органам власти, СМИ и сетевым интернет-сообществам). В результате происходит атомизация и десолидаризация социальных отношений, приводящие к переносу доверительных социальных связей в область исключительно семейно-родственных отношений.

Выявлены следующие возможности, т.е. благоприятные тенденции для развития социальных ресурсов анализируемых территориальных общностей: средний уровень привлекательности Ростовской области и достаточно благоприятный имидж; оптимистичная оценка жителей сельской местности по поводу благоприятного развития региона на ближайшие два-три года – это дополнительный ресурс, на который могут опираться органы власти, формируя программы развития региона; подавляющее число положительных оценок респондентов по поводу удовлетворенности своих потребностей в образовании, общении, а также в отношении физиологических потребностей и потребности в дружбе и привязанности; высокий уровень субъектности у населения и отказ от социального иждивенчества, способность решать свои проблемы самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдусаламова, М.Ш. Молодежная политика как фундаментальная основа социального капитала / М.Ш Абдусаламова // Модернизационные процессы в современной России: сб. статей V Международной научно-практической конференции / под ред. И.А. Мурзиной, В.Н. Ретинской. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2021. – С. 44–47.
2. Анурин, В.Ф. От Москвы до самых окраин (социальное неравенство: региональный разрез) // Социология. – 2005. – № 3–4. – С. 232–252.
3. Аперян, А.В. Влияние семьи на характеристики социального неравенства: анализ социологического дискурса / А.В. Аперян, В.В. Ковалев // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 11. – С. 73–78.
4. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. – СПб.: Питер, 2005. – 831 с.
5. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г.С. Денисова, М.А. Герман, В.И. Денисов, С.Я. Суций. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. – 188 с.
6. Афонин, Ю.А. Социальный менеджмент: учебник / Ю.А. Афонин, А.П. Жабин, А.С. Панкратов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 320 с.
7. Банников, П.А. Междисциплинарная сущность, значение, виды и особенности социальных ресурсов предприятия / П.А. Банников // Вестник экономической науки Украины. – 2016. – № 2. – С. 17–22.
8. Бекетова, О.С. Сравнительная характеристика концепций социальных ресурсов управления / О.С. Бекетова, А.И. Гришак // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 8. – С. 27–33.

9. Бессонова, О.Э. Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы / Бессонова О.Э. // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 2. – С. 23–33.
10. Богданова, Л.П. Социальные ресурсы и социальная активность местных сообществ: опыт исследования / Л.П. Богданова, И.П. Смирнов // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / отв. ред. Н.И. Быков. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2018. – С. 136–140.
11. Бояринова, И.В. Социальный капитал как методологическая основа эффективности социальных сетей в региональном сообществе / И.В. Бояринова, М.С. Начкебия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 29–31.
12. Бритикова, Е.А. Постсоветская модернизация России: значение властного ресурса (Статья 2) / Е.А. Бритикова // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 11. – С. 112–117.
13. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 60–74.
14. Вашук, А.С. Социальные ресурсы Приморского края для службы по контракту в вооруженных силах России / А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 169–187.
15. Великий, П.П. Социальный механизм: от теории к практикам разработки и реализации / П.П. Великий // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 178–182.
16. Вотинов, А.В. Социальные ресурсы экономического развития региона / А.В. Вотинов // Социология власти. – 2012. – № 2. – С.175–182.
17. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М: Академический проект, 2005. – 528 с.

18. Головацкий, Е.В. Возможности исследования социальных ресурсов региональных политических сообществ с использованием анализа «цифрового следа» / Е.В. Головацкий / Евразия и глобальные социально-экономические изменения: сб. материалов VII Международного конгресса социологов тюркского мира: сборник научных трудов / под ред. Р.Г. Минзарипова, М.Ю. Ефловой. – Казань: Изд-во Казанск. (Приволжск.) фед. ун-та, 2020. – С. 177–184.
19. Головацкий, Е.В. Интеллектуальные ресурсы и нововведения в сфере высшего образования: барьеры и возможности / Е.В. Головацкий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 88–90.
20. Головацкий, Е.В. Критериальное оснащение ресурсной концепции политических нововведений / Е.В. Головацкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 66–71.
21. Головацкий, Е.В. Мобилизация социальных ресурсов политических нововведений: традиционные и перспективные формы / Е.В. Головацкий // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: сб. материалов VII международной социологической Грушинской конференции / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: ВЦИОМ, 2017. – С. 510–515.
22. Головацкий, Е.В. Проблемы и перспективы исследования политических нововведений в аспекте мобилизации социальных ресурсов территории (преимущества социологических подходов) / Е.В. Головацкий // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 6. – С. 24–31.
23. Головацкий, Е.В. Социальные ресурсы в образовательном пространстве региона / Е.В. Головацкий, Л.Л. Шпак // Философия образования. – 2009. – № 4. – С. 97–104.

24. Горшков, М.К. Богатство и бедность в представлениях россиян / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 16–21.
25. Грищенко, К.К. О роли человеческого фактора в процессе управления производством / К.К. Грищенко. – Киев, 1968. – 32 с.
26. Гужавина, Т.А. Социальный капитал как ресурсный потенциал сельских территорий / Т.А. Гужавина / 4-е Всероссийские Беловские чтения: сб. материалов конференции / под ред. Г.В. Судакова, С.Ю. Баранова, С.Х. Головкина. – Вологда: ВНИЦ РАН, 2017. – С. 398–402.
27. Гурба, В.Н. Реалии и перспективы инновационного развития регионов Юга России (по итогам экспертного опроса) / В.Н. Гурба, В.В. Узунов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). – Сер. Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 18–25.
28. Гусов, А.З. Социальные ресурсы и риски промышленной революции 4.0 в России / А.З. Гусов, О.Б. Репкина // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 3. Экономика. Экология. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 5–12.
29. Давыдова, Н.В. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств / Н.В. Давыдова // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 169–182.
30. Демографическая политика в Ростовской области / Официальный портал Ростовской области. – URL: <https://donland.ru/activity/214/> (дата обращения: 20.11.2022).
31. Денисова, Г.С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области / Г.С. Денисова // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 126–150.

32. Доклад «О состоянии и тенденциях демографического развития, положении семьи и молодежи в Ростовской области в 2021 году» (2021). – URL: <https://www.donland.ru/result-report/1518/> (дата обращения: 20.11.2022).
33. Доклад «О состоянии и тенденциях демографического развития, положении семьи и молодежи в Ростовской области в 2021 году» (2021). Режим доступа: <https://www.donland.ru/result-report/1518/> (С.3). (Дата обращения: 20.11.2022).
34. Дроздова, Ю.А. Методология исследования социальных ресурсов территориальных общностей / Ю.А. Дроздова // Возможности применения результатов эмпирических исследований для изучения актуальных проблем современности: сб. материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А.А. Алексеенко. – Орел: Среднерус. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2022. – С. 73–81.
35. Дроздова, Ю.А. Миграция как социальный ресурс территориальных общностей / Ю.А. Дроздова // *Primo Aspectu*. – 2020. – № 1. – С. 56–64.
36. Дроздова, Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей / Ю.А. Дроздова // *Вестник Института социологии*. – 2019. – Т. 10, № 10. – С. 82–103.
37. Дроздова, Ю.А. Территориальная идентичность как фактор развития сельских общностей / Ю.А. Дроздова, Ю.А. Метелицкая // *Социология*. – 2020. – № 2. – С. 106–116.
38. Дроздова, Ю.А. Территориальные общности в условиях социальной турбулентности / Ю.А. Дроздова // *Парадигмы управления, экономики и права*. – 2020. – № 1. – С. 45–55.
39. Дятлов, А.В. Влияние состояния социальных ресурсов на экономическую безопасность России / А.В. Дятлов // *Социально-гуманитарные знания*. – 2013. – № 11. – С. 278–284.

40. Дятлов, А.В. Социальные ресурсы в контексте «динамического поля» / А.В. Дятлов // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 1. – С. 9–21.
41. Дятлов, А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук / Дятлов Александр Викторович. – Ростов н/Д, 2005. – 268 с.
42. Жадько, Ю.В. Социальные ресурсы личности в современной организации / Ю.В. Жадько // Адлеровские социологические чтения. – 2008. – Т. 3. – С. 117–119.
43. Зарплаты, вакансии, цены, пенсии, население, недвижимость. – URL: <https://bdex.ru/naselenie/rostovskaya-oblast/> (дата обращения: 01.03.2023).
44. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5–16.
45. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность (окончание). – 2005. – № 4. – С. 13–25.
46. Заякина, Р.А. Двойное значение доверия в теории социального капитала / Р.А. Заякина // Известия Юго-Западного государственного университета. – Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 251–260.
47. Зборовский, Г.Е. Общностный подход как методология социологического исследования / Г.Е. Зборовский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Сер. Социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 71–79.
48. Зотов, В.В. Капитализация как процесс обобществления социальных ресурсов индивида / В.В.Зотов, Е.А. Преликова// Коммуникология. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 97–106.
49. Зудочкина, Т.А. Современные тенденции формирования социальных ресурсов депрессивных территорий Саратовской области /

- Т.А. Зудочкина // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2019. – № 1. – С. 42–46.
50. Ильдарханова, Ч.И. Переоткрытие социальной реальности города и села / Ч.И. Ильдарханова // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6. – С. 228–235.
51. Ильин, В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917–1996: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. – Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 1996. – 349 с.
52. Ильин, В.И. Социальная структурация в транзитивном пространстве российского мегаполиса / В.И. Ильин // Мир России. – 2010. – № 1. – С. 89–126.
53. Ильин, В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии / В.И. Ильин // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 47. – С. 30–50.
54. Карагулова, А.И. Социальные ресурсы сельскохозяйственных предприятий и их развития / А.И. Карагулова // Известия вузов (Кыргызстан). – 2014. – № 11. – С. 100–102.
55. Караханова, Т.М. Повседневная деятельность в социологических исследованиях (методика и опыт изучения) / Т.М. Караханова, Г.П. Бессокирная, О.А. Большакова // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 т. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 51–55.
56. Караханова, Т.М. Человеческий потенциал и свободное время в контексте российской повседневности) / Т.М. Караханова, Г.П. Бессокирная, О.А. Большакова // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – 2018. – Вып. 16. – С. 393–436.

57. Кирдина, С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы / С.Г. Кирдина // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. – Т. 4, № 1. – С. 101–115.
58. Климова, С.Г. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия / С.Г. Климова, И.В. Щербакова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 3. – С. 12–27.
59. Колосницына, М.Г. Детские пособия и бедность в России / М.Г. Колосницына, А.В. Филиппова // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 118–153.
60. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.– С. 121–139.
61. Кривопусков, В.В. Роль регионального сообщества как фактора консолидации России // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 44–55.
62. Куклина, Н.Б. Социальное мышление как человеческий капитал / Н.Б. Куклина // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 90–98.
63. Куклина, Н.Б. Социальные ресурсы личности как проблема современного образования / Н.Б. Куклина // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 8. – С. 161–164.
64. Лесина, Л.А. Доступность социальных ресурсов как факторов актуализации личностного потенциала молодежи / Л.А. Лесина // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: сб. материалов V Всероссийского социологического конгресса / отв ред. В.А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 10313–10321.
65. Литвинов, Д.В. Социальный ресурс политиков в социологическом измерении / Д.В. Литвинов, Р.В. Иванов // Вестник Иркутского университета. – 2019. – № 22. – С. 81.

66. Логачева, Л.Н. Потенциал волонтерства – социальный ресурс устойчивого развития региона / Л.Н. Логачева, Е.В. Логачева // Вестник экономической науки Украины. – 2014. – № 2. – С. 71–77.
67. Макаренко, Е.И. Ресурсный подход к современной технической интеллигенции / Е.И. Макаренко, Е.А. Карелина // Социология. – 2020. – № 2. – С. 143–152.
68. Мезенева, М.В. Молодые семьи и бедность: анализ социальных ресурсов (на материалах Вологодской области)/ М.В. Мезенева // В мире научных открытий. – 2011. – № 11–4. – С. 1227–1243.
69. Милованова, М.Ю. Социальные ресурсы гендерных общностей в предпринимательстве / М.Ю. Милованова // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке / под ред. Г.Г. Силласте. – Краснодар: Изд-во НИИ экономики ЮФО, 2020. – С. 90–97.
70. Милованова, М.Ю. Социальные ресурсы предпринимательства: гендерные аспекты / М.Ю. Милованова // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докладов VI Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2020. – С. 2092–2099.
71. Мозговая, А.В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации / А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова // Россия реформирующаяся. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 358–378.
72. Мозговая, А.В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации / А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова // Фундаментальные аспекты психического здоровья. – 2016. – № 4. – С. 23–29.
73. Мозговая, А.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного

- риска) / А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 4. – С. 25–49.
74. Мореханова, М.Ю. Социальные ресурсы повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса: современные проблемы формирования и реализации / М.Ю. Мореханова // Островские чтения. – 2017. – № 1. – С. 48–54.
75. Морозова, Л.П. «Местное сообщество» как аспект социологического анализа / Л.П. Морозова // Социальная политика и социология. – 2009. – № 2. – С. 177–187.
76. Национальные проекты в регионе: ресурсы местных сообществ Кузбасса / Е.А. Кранзеева, Е.В. Головацкий, А.Л. Бурмакина, Я.А. Брандт // Управление устойчивым развитием. – 2020. – № 5. – С. 57–68.
77. Нестеров, Л. Национальное богатство и человеческий капитал / Л. Нестеров, Г. Аширова // Вопросы экономики. – 2003. – № 2. – С. 103–110.
78. Нечаева, И.В. Методологические подходы к исследованию формирования и трансформации социальных ресурсов аграриев конструктивной ориентации / И.В. Нечаева // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – № 1. – С. 146–154.
79. Нечаева, И.В. Методологическое обоснование исследования социальных ресурсов формирования предпринимательских стратегий / И.В. Нечаева // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2013. – № 2. – С. 27.
80. Нечаева, И.В. Приоритеты развития социальных ресурсов малых КФХ в постпандемийный период / И.В. Нечаева // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2022. – № 3. – С. 100–106.
81. Нечаева, И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства / И.В. Нечаева // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Сер. Социология. Политология. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 24–30.

82. Нечипоренко, О.В. Ресурсы и практики самоорганизации сельских сообществ в контексте современных структурных изменений / О.В. Нечипоренко // Островские чтения. – 2018. – № 1. – С. 348–352.
83. Новикова, И.И. Оценка социальных ресурсов влияющих на конкурентоспособность сельских территорий / И.И. Новикова // Островские чтения. – 2018. – № 1. – С. 352–357.
84. Осянин, А.Н. Развитие социальные ресурсы как ведущий фактор адаптации учащейся молодежи / А.Н. Осянин // Гуманитарий в XXI веке: сб. трудов / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: Научно-исследовательский социологический центр, 2013. – С. 59–62.
85. Очиров, Б.Д. Экономические и социальные ресурсы развития региона как основа его конкурентоспособности / Б.Д. Очиров // Наука и бизнес: пути развития. – 2015. – № 4. – С. 118–120.
86. Панкова, С.Н. Социальный потенциал личности в условиях социальной неопределенности / С.Н. Панкова // В мире научных открытий. – 2014. – № 5–2. – С. 594–604.
87. Панкова, С.Н. Смыслы и социальные ресурсы реализации личностного потенциала / С.Н. Панкова, Е.Б. Архипова, Л.А. Лесина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 11–1. – С. 333–344.
88. Рагимова, О.А. Социальные ресурсы здоровья человека / О.А. Рагимова, Г.Ф. Андреева // Социология в изменяющемся научно-образовательном пространстве современного общества: сб. материалов международной научно-практической конференции «VII Дыльновские чтения» / под ред. О.Г. Антоновой. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 199–203.
89. Радаев, В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 3. – С. 109–130.
90. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

91. Радаев, В.В. Социальная стратификация / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
92. Рачипа, А.В. Социологический подход к анализу качества жизни молодежи: теоретический и методологический аспекты / А.В. Рачипа, И.А. Янкина // Казанская наука. – 2011. – № 6. – С. 76–78.
93. Реутов, Е.В. Сети взаимопомощи в региональном сообществе / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова // Регион: Экономика и Социология. – 2011. – № 2. – С. 137–157.
94. Реутов, Е.В. Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова // Социологические исследования. – 2012. – № 10. – С. 34–41.
95. Римашевская, Н.М. Человеческий потенциал России: взгляд в 21 век / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – 1999. – № 1. – С. 9–19.
96. Родина, Т.Е. Социальные ресурсы и методы их увеличения / Т.Е. Родина // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 5. – С. 120–126.
97. Ростовская область в цифрах 2020: стат. сб. – Ростов н/Д: Ростовстат, 2020. – 729 с.
98. Рубцова, В.Н. Социальные ресурсы повышения эффективности национальных программ развития сельских территорий Республики Казахстан / В.Н. Рубцова, М.Ю. Мореханова, М.С. Муханбетчина // Инновационная деятельность. – 2013. – № 3. – С. 109–117.
99. Рязанцева, Т.В. Риски воспроизводства социальных ресурсов сельских территорий в контексте обеспечения продовольственной безопасности / Т.В. Рязанцева // Островские чтения. – 2020. – № 1. – С. 259–262.
100. Свило, Я.В. Социальные ресурсы личности. Восприятие уровня социальной поддержки личности у младших школьников из полных семей / Я.В. Свило // Молодые исследователи и наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) студенческой научно-

практической конференции / отв. ред. О.Г. Купцова. – Йошкар-Ола: СТРИНГ: Межрегиональный открытый социальный институт, 2021. – С. 161–164.

101. Сидорчук, О.Г. Механизмы привлечения социальных ресурсов гражданского общества в контексте обеспечения социальной безопасности Украины / О.Г. Сидорчук // Вестник экономической науки Украины. – 2016. – № 1. – С. 129–133.
102. Снежко, С.В. Неформальные отношения как социальный ресурс организации / С.В. Снежко // Вестник Московского университета. – Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2010. – № 1. – С. 17–26.
103. Снежко, С.В. Неформальные отношения как социальный ресурс организации / С.В. Снежко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 4. – С. 106–109.
104. Соболева, Ю.П. Социальный ресурс бизнеса: сущность, направления оценки трудового потенциала / Ю.П. Соболева, О.А. Коргина, Н.Е. Данилова // Вестник ВГУ. – Сер. Экономика и управление. – 2018. – № 1. – С. 138–148.
105. Сорокин, П.А. Система социологии: в 2 т. / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – 447 с.
106. Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалий / Е.М. Харитонов, В.С. Пусько, А.В. Верещагина [и др.] // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 221–233.
107. Социально-экономическое положение Ростовской области / Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://gks.ru/region/doc11160/Main.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
108. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. – URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril429> (дата обращения: 20.11.2022).

109. Стрельникова, Т.Д. Социальные ресурсы региона в современных условиях хозяйствования / Т.Д. Стрельникова // Стратегические инициативы социально-экономического развития хозяйствующих субъектов региона в условиях внешних ограничений: сб. материалов международной научно-практической конференции / под ред. Н.Н. Нестеровой, О.Ю. Савенковой, Т.В. Коряжиной [и др.]. – Воронеж: Ритм, 2017. – С. 304–310.
110. Сулейманов, Р.Р. Социально-профессиональные ресурсы повышения качества жизни молодежи в условиях цифровизации экономики региона (на примере Республики Дагестан) / Р.Р. Сулейманов // Человеческий капитал – главная ценность цифровой экономики: окна возможностей и риски развития: сб. научных трудов по материалам IX Международного научного студенческого конгресса «Цифровая экономика: новая парадигма развития» / под науч. ред. С.В. Назаренко. – М.: Отечество, 2018. – С. 155–159.
111. Тихонова, Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 28–41.
112. Тихонова, Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 24–35.
113. Тюриков, А.Г. Социальные ресурсы и капитал: уроки и вызовы современности / А.Г. Тюриков // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 51–53.
114. Тюриков, А.Г. Управление социальными ресурсами экономического роста Российской Федерации / А.Г. Тюриков, М.В. Кибакин // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – Т. 10, № 5. – С. 37–42.
115. Узунов, В.В. Социальная консолидация как фактор инновационного развития регионов Юга России (по результатам экспертного опроса) /

- В.В. Узунов // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 174–188.
116. Уильямсон, О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О.И. Уильямсон // THESIS. – 1993. – Т. 1, вып. 3. – С. 39–49.
117. Уильямсон, О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О.И. Уильямсон. – СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. – 702 с.
118. Филиппов, А.Ф. Социология пространства / А.Ф. Филиппов // Логос. – 2000. – № 2. – С. 113–151.
119. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 730 с.
120. Хунагов, Р. Д. Инновационные институциональные практики как фактор консолидации регионального пространства // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 45–54.
121. Хунагов, Р.Д. Консолидационные процессы в региональном социуме: этапы становления и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 5. – С. 45–58.
122. Чернега, А.А. Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению / А.А. Чернега // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2–2. – С. 157–161.
123. Чернега, А.А. Туристическая достопримечательность как социальный ресурс (на примере российской глубинки) / А.А. Чернега // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 48–61.
124. Четверикова, Н.А. Социальный капитал молодежи как ресурс развития региона / Н.А. Четверикова // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2022. – № 1. – С. 89–96.
125. Шингаров, Г.Х. Человеческий фактор – важнейшее условие общественного прогресса в XXI веке / Г.Х. Шингаров,

- Г.И. Царегородцев, И.Е. Задорожнюк // Труды СГУ. Вып. 85. Гуманитарные науки. М.: Изд-во СГУ, 2005. – С. 113–124.
126. Шиян, В.Н. Социальные ресурсы российского Дальнего Востока в его стратегической модернизации / В.Н. Шиян // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 4. – С. 22–31.
127. Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
128. Ядов, В.А. Социальный ресурс индивида и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / В.А. Ядов // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской – М.: Моск. выс. школа социальных и экономических наук, 2001. – С. 310–319.
129. Ядова, М.А. К вопросу о модернизационном капитале / М.А. Ядова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 11. Социология. – 2019. – № 4. – С. 88–91.
130. Ядова, М.А. Модернизационный потенциал и модернизационный капитал: грани взаимодействия / М.А. Ядова // Россия и современный мир. – 2019. – № 3. – С. 197–202.
131. Ядова, М.А. Социальные ресурсы и адаптивные стратегии российской молодежи / М.А. Ядова // Социологический альманах: сб. материалов XI «Орловских социологических чтений» / под общ. ред. П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. – Орел: Среднерус. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2020. – С. 247–248.
132. Яковлева, Н.И. Социальные ресурсы и препятствия в достижении жизненного успеха / Н.И. Яковлева // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. – 2019. – № 2. – С. 89–95.

133. Янкина, И.А. Качество жизни населения как критерий эффективности управления городской средой // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 5. – С. 133–137.
134. An evaluation of residents' quality of life through neighborhood satisfaction in Malaysia / Sedaghatnia Sepideh, Lamit Hasanuddin, Ghahramanpouri Amir, Mohamad Sapura // Environmental Management and Sustainable Development. – 2013. – Vol. 2 (1). – P. 114–125.
135. Becker, G. Human capital / G. Becker. – N.Y.: Columbia University Press, 1964. – 187 p.
136. Coase, R. The new institutional economics / R. Coase // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1984. – Vol. 140. – P. 229–231.
137. Davis, L. Institutional change and American economic growth / L. Davis, D. North. Cambridge: CUP, 1971. – 282 p.
138. Donenfeld, M.J. the meaning of social resources / M.J. Donenfeld // The Journal of Educational Sociology. – 1940. – Vol. 13 (9). – P. 560–564.
139. El Badawy, T.A. The quality of work life in Egypt / T.A. El Badawy, E. Shiha, M.M. Magdy // World Journal of Business and Management. – 2016. – Vol. 2 (2). – P. 34–50.
140. Fissaha, S. Decentralization as a commitment to rise public services and improve quality of rural life in Ethiopia: A case study / S. Fissaha, M. Brehanu // Journal of Public Administration and Governance. – 2017. – Vol 7 (4). – P. 255–277.
141. Fostering social innovation for quality of life building in two generations / Chanakul Chittra, Wannachot Washiraporn, Prachagool Veena, Nuangchalerm Prasart // Journal of Educational Issues. – 2022. – Vol. 8 (2). – P. 524–534.
142. Gökhan, A. Analyzing quality of university life perceptions of the students of school of physical education and sports / A. Gökhan // Journal of Educational Issues. – 2020. – Vol. 6 (2). – P. 155–169.

143. Haque, W. Economic aspects of quality of life of Bangladeshi construction workers in Malaysia / W. Haque, N.A. Ghani // Journal of Asian Development. – 2020. – Vol. 6 (1). – P. 30–38.
144. Herzberg, F. One more time: How do you motivate employees? / F. Herzberg // Harvard Business Review. – 2003. – Vol. 46 (1). – P. 53–62.
145. Intsiful, E. Examining the role of non-formal education as a conduit to poverty reduction and rural development: The case of a rural community in a municipality in Ghana / E. Intsiful, A. Martins // Journal of Education and Training. – 2019. – Vol. 6 (2). – P. 1–17.
146. Likert, R. The human organization: its management and value / R. Likert. – N.Y.: McGraw-Hill, 1967. – 258 p.
147. Maslow, A.H. Motivation and personality / A.H. Maslow. – N.Y.: Harpaer & Row, 1954. – 164 p.
148. Mayo, G.E. Research in human relations / G.E. Mayo // Personnel. – 1941. – Vol. 17. – P. 264–269.
149. Mayo, G.E. The basis of industrial psychology / G.E. Mayo // Bulletin of the Taylor Society. – 1924. – Vol. 9. – P. 249–259.
150. Mayo, G.E. The irrational factor in human behaviour – the «night-mind» in industry / G.E. Mayo // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1923. – Vol. 108. – P. 117–130.
151. Nikolaou, S.-M. Social inequalities in a time of economic crisis in Greece / S.-M. Nikolaou, M. Papa, L. Gogou// International Journal of Social Science Research. – 2018. – Vol. 6 (1). – P. 61–75.
152. Oduwole Tajudeen, A. Issues of refugees and displaced persons in Nigeria / A. Oduwole Tajudeen, O. Fadeyi Adebayo // Journal of Sociological Research. – 2013. – Vol 4 (1). – P. 1–19.
153. Putnam, R. Bowling alone: America's declining social capital // The Journal of Democracy. – 1995. – Vol. 6 (1). – P. 65–78.

154. Schuldiner, K. The role of public administration in the elimination of inequality / K. Schuldiner, J.-C. Garcia-Zamor // *Journal of Public Administration and Governance*. – 2016. – Vol 6 (2). – P. 128–137.
155. Schulz, T.W. Investment in human capital / T.W. Schulz // *American Economic Review*. – 1961. – № 51. – 17 p.
156. Tsuru, Sh. *Institutional economics revisited* / Sh. Tsuru. – Cambridge: CUP, 1993. – 204 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Программа прикладного социологического исследования, проведенного методом контент-анализа

1. Структура программы

1. Цель и задачи исследования

Цель работы заключается в определении исследовательского поля для исследования понятия «социальные ресурсы», что позволит определить семантическую основу современного исследовательского интереса отечественной социологической науки по данной проблеме.

Задачи

- 1) определить количество документальных источников и спектр научных областей данных публикаций;
- 2) определить семантическое ядро и построить рейтинг связи ключевого слова «социальные ресурсы» с другими ключевыми словами, выстроенный по частоте использований понятия/термина в качестве ключевого слова;
- 3) построить матрицу случайностей (по методике, разработанной Ч. Осгудом) и определить устойчивые связи;
- 4) на основе полученных данных выделить те факторы, которые (по мнению отечественных исследователей) имеют важное влияние на специфику формирования социальных ресурсов;
- 5) подготовить выводы.

Объект – публикации российских ученых, размещенные на сайте научной электронной библиотеки (eLibrary.ru), в которых понятие «социальные ресурсы» заявлено в качестве ключевого слова.

Предмет – семантическое поле исследуемого понятия в период с 2000 по 2022 г.

2. Методические основания исследования

В ходе исследования использовался количественный метод анализа документов (контент-анализ). В основу анализа были положены данные, взятые на сайте научной электронной библиотеки (eLibrary.ru). Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) позиционируется как «библиографическая база данных научных публикаций российских ученых», аккумулирующая труды, отражающая передовые достижения отечественной науки, и выстраивающая имидж «авторитетного источника библиографической информации». Используя заложенные в этой электронной базе аналитические инструменты, проведем оценку семантического поля исследуемого понятия, используя элементы метода контент-анализа. Для исследования использовались публикации, размещенные в eLibrary, где понятие «социальные ресурсы» присутствует в качестве ключевого слова.

Контент-анализ состоял из анализа научных публикаций, у которых фиксировалась информация по следующим параметрам, представляющим большое значение для данного исследования:

- автор источника;
- год издания;
- наименование;
- область научного знания;
- ключевые слова, используемые наряду с ключевым словом «социальные ресурсы».

Логика анализа базируется на эффекте сопряжения понятия «социальные ресурсы» с другими, часто используемыми вместе терминами/понятиями в качестве ключевых слов в научных публикациях РИНЦ.

3. Логический анализ основных понятий

Операционализация ключевых понятий

Контент-анализ – формализованный метод изучения текстовой и графической информации, заключающийся в переводе изучаемой информации в количественные показатели и ее статистической обработке.

Единица счета – это количественная характеристика единицы анализа, фиксирующая регулярность, с которой встречается в тексте та или иная смысловая единица.

Единицы анализа – элементы содержания, которые служат в тексте индикаторами интересующих исследователя явлений.

Социальные ресурсы – это совокупность характеристик территориальной общности, динамически изменяющая свои свойства под влиянием внешних и внутренних факторов, позволяющая удовлетворять социальные потребности данной социальной группы, решать социальные проблемы и, при рациональном использовании, эффективно достигать поставленных системой социального управления целей.

Эмпирические индикаторы

Следуя технологии применения данного метода, в качестве смысловой единицы анализа определено понятие «социальные ресурсы».

Единицей счета (количественной характеристикой единицы анализа) будем считать научную публикацию.

Частота упоминаний ключевого слова «социальные ресурсы» определялась как количество использований понятия/термина в качестве ключевого слова, а единицей счета будем считать научную публикацию. В получившемся множестве отсекаются те понятия/термины, частота которых оказалась менее трех (определим подобную сопряженность как неустойчивую, несформированную, нестабильную, поэтому получающую статус акциденциальной).

Оценка удельной частоты смысловых категорий в общем объеме проводилась по формуле:

$$\text{Удельная частота категории} = \frac{\text{число зафиксированных единиц анализа}}{\text{общее число единиц счета}}$$

2. Обобщение результатов контент-анализа

Анализ публикационной статистики РИНЦ, найденной по ключевому слову «социальные ресурсы», показал 218 научных публикаций, написанных с 2000 по 2022 г.

Очевидным лидером, формирующим основу семантического ядра понятия «социальные ресурсы», является социальный капитал. Более детальный количественный анализ показал, что смысловое поле понятия «социальный капитал» имплицитно включает смысловое поле понятия «социальные ресурсы». В частности, на портале РИНЦ было выявлено 3002 научные работы, имеющие в качестве ключевого слова «социальный капитал», опубликованные в период с 2000 по 2022 г. (при этом в 2022 г. фиксируется 145 публикаций). Рейтинг, выстроенный по частоте использований понятия/термина в качестве ключевого слова, включает 906 ключевых слов.

Применение контент-анализа для обоснования исследовательского поля понятия «социальные ресурсы» показало достаточно широкую интерпретацию и понимание роли и значения социальных ресурсов для развития социального капитала и территориальных общностей. Учитывая социально-экономическую нестабильность и мобильность научной мысли, можно заключить, что многокомпонентность понятия также претерпевает определенные изменения, в то время как его семантическое ядро остается относительно стабильным. Понятие «социальные ресурсы» разрабатывается в основном в областях социологического и частично экономического знания. Существенное влияние на развитие социальных ресурсов имеют такие социальные феномены, как: социальный капитал; человеческий капитал; социальные сети; молодежь; регион; управление; политические нововведения; гражданское общество; доверие; личные ресурсы; образование; семья; социальная адаптация; социальный потенциал; экономические ресурсы; адаптация; качество жизни; ресурсный потенциал; сельские территории. Таким образом, это многокомпонентное понятие, имеющее социальные и экономические составляющие (с доминированием в социологической области), включающее совокупность всей ресурсной базы социальных акторов, входящих в конкретную территориальную общность.

Частота упоминания понятия/термина в публикациях РИНЦ

1. социальный капитал (28)	52. гендер (2)	100. прогнозирование (2)
2. человеческий капитал (13)	53. гендерное равенство (2)	101. продовольственная безопасность (2)
3. социальные сети (11)	54. гендерный порядок (2)	102. пространственное развитие (2)
4. молодежь (10)	55. геронтологический центр (2)	103. психолого-педагогическое сопровождение (2)
5. регион (9)	56. глобализация (2)	104. работники старшего возраста (2)
6. управление (9)	57. демографические ресурсы (2)	105. родительство (2)
7. политические нововведения (7)	58. жизнестойкость (2)	106. свободное время (2)
8. гражданское общество (6)	59. индивид (2)	107. село (2)
9. доверие (6)	60. инновации (2)	108. сельские жители (2)
10. личностные ресурсы (6)	61. интеллектуальные ресурсы (2)	109. сельские сообщества (2)
11. образование (6)	62. интернет-аудитория (2)	110. сельский социум (2)
12. семья (6)	63. интернет-коммерция (2)	111. семейные споры (2)
13. социальная адаптация (6)	64. интернет-технологии (2)	112. ситуационное управление (2)
14. социальный потенциал (6)	65. интернет-экономика (2)	113. солидарность (2)
15. экономические ресурсы (6)	66. информационные ресурсы (2)	114. солидарные практики (2)
16. адаптация (5)	67. историческая память (2)	115. сопровождение (2)
17. качество жизни (5)	68. конвертация форм капитала (2)	116. социальная активность (2)
18. ресурсный потенциал (5)	69. корпоративное волонтерство (2)	117. социальная компетентность (2)
19. сельские территории (5)	70. культурные ресурсы (2)	118. социальная консолидация (2)
20. конкурентоспособность (4)	71. личностное развитие (2)	119. социальная поддержка (2)
21. социализация (4)	72. личностный потенциал (2)	120. социальная политика (2)
22. социальное пространство (4)	73. массовый спорт (2)	121. социальная стратификация (2)
23. территориальные общности (4)	74. материальные ресурсы (2)	122. социальная структура (2)
24. устойчивое развитие (4)	75. методология (2)	123. социальное доверие (2)
25. ценности (4)	76. механизмы социального взаимодействия (2)	124. социальное конструирование (2)
26. цифровая экономика (4)	77. миграция (2)	125. социальное самочувствие (2)
27. человеческий потенциал (4)	78. мобильный интернет (2)	126. социальное участие (2)
28. бедность (3)	79. модернизационный капитал (2)	127. социально-политическое взаимодействие (2)
29. городское сообщество (3)	80. модернизация общества (2)	128. социально-экономическое развитие (2)
30. дети (3)	81. мониторинг (2)	129. социальные нормы (2)
31. предпринимательство (3)	82. муниципальное образование (2)	130. социальные связи (2)
32. ресурсный подход (3)	83. муниципальное управление (2)	131. средние города (2)
33. риск (3)	84. национальные проекты (2)	132. стратегии преодоления (2)
34. самоорганизация (3)	85. некоммерческие организации (2)	133. стратегическое управление (2)
35. социальное неравенство (3)	86. неформальная организация (2)	134. тверская область (2)
36. социальное управление (3)	87. неформальные отношения (2)	135. трансформации (2)
37. социальные риски (3)	88. нововведения (2)	136. трудная ситуация (2)
38. социальный механизм (3)	89. образовательная среда (2)	137. удовлетворенность браком (2)
39. социологические исследования (3)	90. общество (2)	138. человеческие ресурсы (2)
40. студенты (3)	91. опека (2)	139. человеческий фактор (2)
41. субъекты (3)	92. организация (2)	140. шестство (2)
42. территория (3)	93. органы опеки и попечительства (2)	141. этноэкономика (2)
43. экономическая безопасность (3)	94. патриотизм (2)	142. эффективность (2)
44. экономический рост (3)	95. повседневная деятельность (2)	143. "бедные вдвойне" (1)
45. агенты (2)	96. пожилой человек (2)	144. "зеленая" агроиндустрия (1)
46. аграрное предпринимательство (2)	97. поисковый рынок (2)	145. "культурный капитал" (1)
47. агропродовольственный комплекс (2)	98. попечительство (2)	146. сельское хозяйство (1)
48. безопасность (2)	99. предприятие (2)	147. автомобильность (1)
49. благосостояние (2)		148. агенты социальных изменений (1)
50. бюджет времени (2)		149. аграрий конструктивной ориентации (фермер) (1)
51. внешние социальные ресурсы (2)		150. аграрная реформа (1)

151. аграрная сфера (1)
152. аграрная экономика (1)
153. агросфера (1)
154. адаптационные стратегии (1)
155. адаптация к риску (1)
156. адаптивные стратегии (1)
157. академическая мобильность (1)
158. активное старение (1)
159. активы (1)
160. акторы социальных сетей (1)
161. алтайский край (1)
162. арктическая зона (1)
163. аттестация (1)
164. базисные убеждения (1)
165. барьеры развития (1)
166. бережливое производство и потребление (1)
167. биологические и социальные потребности (1)
168. благотворительность (1)
169. Бразилия (1)
170. бюджетные ресурсы (1)
171. бюрократизм (1)
172. бюрократия (1)
173. вертикальная мобильность (1)
174. взаимовлияние (1)
175. взаимодействие (1)
176. взаимопомощь (1)
177. виды социальной помощи (1)
178. виды социальных ресурсов (1)
179. вкус (1)
180. властные структуры (1)
181. власть (1)
182. внешние и внутренние риски (1)
183. внутренне перемещенные лица (1)
184. внутренний потенциал субъекта (1)
185. внутренняя продовольственная помощь (1)
186. внутрисемейное взаимодействие (1)
187. внутрисемейные конфликты (1)
188. внутрисемейный обмен (1)
189. военная реформа (1)
190. военная служба (1)
191. военнослужащие (1)
192. военнослужащие-контрактники (1)
193. возобновляемые ресурсы (1)
194. воинский коллектив (1)
195. волонтер (1)
196. волонтерская деятельность (1)
197. волонтерские организации (1)
198. волонтерский центр. (1)
199. волонтерство (1)
200. вооруженные силы РФ (1)
201. восприятие социальной поддержки (1)
202. востребованность молодых специалистов (1)
203. всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (1)
204. вторичное сиротство (1)
205. выбор вуза (1)
206. выбор специальности (1)
207. гарантии и компенсации (1)
208. гендерное неравенство (1)
209. географический и геополитические факторы (1)
210. гибридные методы (1)
211. глобальное образование (1)
212. город (1)
213. городские сообщества (1)
214. горожане (1)
215. государственная власть (1)
216. государственная политика (1)
217. государственная служба (1)
218. государственная социальная поддержка (1)
219. государственное решение (1)
220. государственное управление (1)
221. государство (1)
222. готовность к военной службе (1)
223. градо-сельские отношения (1)
224. градо-сельское пространство (1)
225. гражданские инициативы (1)
226. гражданское участие (1)
227. группа (1)
228. группировка факторов (1)
229. данные статистики (1)
230. девиантное поведение (1)
231. девиации (1)
232. демографическая ситуация (1)
233. депрессивные районы (1)
234. депривация (1)
235. дети с нарушениями развития (1)
236. дети с ограниченными возможностями здоровья (1)
237. дети-инвалиды (1)
238. диагностика (1)
239. динамическое поле (1)
240. добровольчество (1)
241. дополнительное медицинское страхование (1)
242. дополнительное профессиональное образование (1)
243. доступность высшего образования (1)
244. досуг (1)
245. досуговая сфера (1)
246. духовная жизнь села (1)
247. духовная культура (1)
248. духовно-культурная микросреда (1)
249. духовно-культурные ресурсы (1)
250. духовно-культурный потенциал местных сообществ (1)
251. духовно-нравственная поддержка (1)
252. духовно-нравственный потенциал общества и его мобилизация (1)
253. духовность (1)
254. женские общественные объединения (1)
255. жизненная среда (1)
256. жизненное пространство (1)
257. жизненные перспективы (1)
258. жизненные установки (1)
259. жизненный успех (1)
260. заболеваемость (1)
261. закономерность (1)
262. закрытый капитал (1)
263. заработная плата (1)
264. защищенность (1)
265. здоровье (1)
266. знания (1)
267. идентичность (1)
268. идеология потребления (1)
269. имидж (1)
270. инвалидность (1)
271. инвестиции (1)
272. индекс благотворительности (1)
273. индекс социальной ресурсообеспеченности (1)
274. индикаторная модель (1)
275. индия (1)
276. индустрия 4.0 (1)
277. инклюзивное высшее образование (1)
278. инклюзивное образование (1)
279. инновационная передача знаний (1)
280. инновационное партнерство (1)
281. инновационное предпринимательство (1)
282. инновационное развитие (1)
283. инновационное развитие экономики (1)
284. инновационные процессы (1)
285. инновационные технологии (1)
286. институт (1)
287. институциональная среда (1)
288. институциональное регулирование (1)
289. интеграционные инструменты (1)
290. интеграция (1)
291. интеллектуальная безопасность (1)
292. интеллектуальные системы (1)
293. информатизация (1)
294. информационное общество (1)
295. информация (1)
296. исследования (1)
297. кадровое обеспечение (1)
298. кадры (1)
299. капитал (1)

300. капитализация (1)
301. карьера (1)
302. карьерные ожидания (1)
303. карьерные ориентации (1)
304. качество кадров (1)
305. качество социального обслуживания (1)
306. качество труда (1)
307. классификации практик (1)
308. кластеризация (1)
309. кластерный анализ (1)
310. климатические ограничения (1)
311. коммуникативное действие (1)
312. коммуникация (1)
313. компетенции (1)
314. комплексная реабилитация (1)
315. комплексное развитие сельских территорий (1)
316. компоненты социальной среды (1)
317. конвертация социального капитала (1)
318. консолидация (1)
319. консорциум (1)
320. конструктивная социальная активность (1)
321. контекст (1)
322. конфликт (1)
323. конфликты (1)
324. конфликты взаимодействий (1)
325. корреляционная зависимость (1)
326. корреляционно-регрессионное моделирование (1)
327. коррупция (1)
328. креативный класс (1)
329. кредитное регулирование (1)
330. кризис (1)
331. кризисоустойчивость (1)
332. критерии ресурсного оснащения (1)
333. кросс-культурные коммуникации (1)
334. крупхозы (1)
335. Кузбасс (1)
336. Кулундинская зона (1)
337. Культура. Наука. Просвещение (1)
338. культурная политика (1)
339. культурно-историческое наследие (1)
340. легитимация (1)
341. лечебно-реабилитационный процесс (1)
342. лидерское управление (1)
343. лидерство (1)
344. личностное благополучие (1)
345. личностные изменения (1)
346. личностный потенциал субъекта (1)
347. личность (1)
348. локализация ресурсов (1)
349. люди преклонного возраста (1)
350. малое К(Ф)Х (1)
351. малые КФХ (1)
352. массовые спортивные практики (1)
353. массовый опрос (1)
354. мегаполис (1)
355. межличностные отношения (1)
356. межпоколенческие и внутриспоколенческие ценностные различия (1)
357. межсекторное взаимодействие (1)
358. менталитет (1)
359. ментальные ресурсы (1)
360. местное самоуправление (1)
361. местное сообщество (1)
362. местные сообщества (1)
363. метод "цифрового следа" (1)
364. методика оценки (1)
365. методологический подход (1)
366. методологический принцип (1)
367. методы многомерного анализа (1)
368. методы оценки конкурентоспособности (1)
369. методы статистического анализа (1)
370. механизм (1)
371. механизмы регионального управления (1)
372. механизмы регионального управления (1)
373. механизмы управления (1)
374. мировая система (1)
375. младший школьный возраст (1)
376. мобилизация (1)
377. мобилизация инициатив (1)
378. мобилизация ресурсов (1)
379. мобилизация социальных ресурсов (1)
380. мобильность ресурсов (1)
381. модели (1)
382. модели поведения (1)
383. модели родительства (1)
384. модернизационный потенциал (1)
385. модернизация (1)
386. модернизация государственного управления (1)
387. модернизация российского общества (1)
388. молодая семья (1)
389. молодежная политика (1)
390. мотивация (1)
391. мотивы получения высшего образования (1)
392. музейное образование (1)
393. муниципальная служба (1)
394. наркологическая помощь (1)
395. народное образование (1)
396. народное образование; педагогические науки (1)
397. нарушения психического развития (1)
398. население (1)
399. научная технология (1)
400. научное обеспечение (1)
401. научное обоснование (1)
402. научные технологии (1)
403. национальная безопасность (1)
404. национальные программы (1)
405. национальный АПК (1)
406. национальный проект (1)
407. негосударственная социальная поддержка (1)
408. неиспользуемые ресурсы (1)
409. непрерывное образование (1)
410. Нобелевские премии по экономике (1)
411. новый гендерный порядок (1)
412. нозология (1)
413. нравственные ценности (1)
414. образовательное партнерство (1)
415. образовательное пространство (1)
416. образовательные парадигмы (1)
417. образовательные программы (1)
418. образовательный кластер (1)
419. обучение персонала (1)
420. общественное участие (1)
421. общественные отношения (1)
422. общественные процессы (1)
423. общественный контроль (1)
424. общество потребления (1)
425. обществознание (1)
426. опережающее обучение (1)
427. оптимизация управления (1)
428. органы местного самоуправления (1)
429. особенности социальных ресурсов предприятия (1)
430. особые образовательные потребности (1)
431. осознание (1)
432. оставшиеся без попечения родителей (1)
433. открытое образовательное пространство (1)
434. открытый капитал (1)
435. отношение к социальным ресурсам (1)
436. официальная идеология (1)
437. оценка эффективности управления (1)
438. оценочные показатели (1)
439. патронирование (1)
440. педагог (1)
441. педагогическое сообщество (1)
442. педагог-психолог (1)
443. планирование человеческих ресурсов (1)

444. плотность населения (1)
445. повседневные практики (1)
446. повышение квалификации (1)
447. подготовка кадров (1)
448. подростки (1)
449. поколение независимости (1)
450. полезность высшего образования (1)
451. политическая власть (1)
452. политическая модернизация (1)
453. политические инновации (1)
454. политические ресурсы (1)
455. политические сообщества (1)
456. политическое участие (1)
457. полиэтничный регион (1)
458. полная семья (1)
459. половозрастная структура (1)
460. постпандемийный период (1)
461. постсоветская молодежь (1)
462. поступление в вуз (1)
463. потенциал (1)
464. потери ресурсов (1)
465. потребление (1)
466. право (1)
467. правовое регулирование (1)
468. православие (1)
469. практики самоорганизации (1)
470. предвидение (1)
471. президент (1)
472. препятствия и факторы достижения успеха (1)
473. прибывающее население (1)
474. приморский край (1)
475. принимающее население (1)
476. принципы формы и механизм социального управления (1)
477. приоритеты (1)
478. проблемные переживания (1)
479. проблемы социализации подростков (1)
480. продуктивное социальное мышление (1)
481. проектирование (1)
482. проектное управление (1)
483. производительность труда (1)
484. производственные ресурсы (1)
485. производственные функции (1)
486. производственный потенциал (1)
487. промышленное предприятие (1)
488. пространственно-временной континуум (1)
489. пространственные ограничения (1)
490. профессионализм (1)
491. профессиональная востребованность (1)
492. профессиональная деформация педагога (1)
493. профессиональная самореализация (1)
494. профессиональное здоровье (1)
495. профессиональный потенциал (1)
496. профилактика и предупреждение ресурсной преступности (1)
497. профилактика инвалидности (1)
498. профилактическая педиатрия (1)
499. процесс социальной поддержки семьи (1)
500. прочные и транзитные отношения (1)
501. психическое состояние (1)
502. психологическая безопасность (1)
503. психологическая помощь (1)
504. психологическая практика (1)
505. психологически ресурсы (1)
506. психологические аспекты (1)
507. психологические особенности (1)
508. психологическое консультирование семьи (1)
509. психолого-педагогическая поддержка (1)
510. психосоциальное благополучие (1)
511. работники промышленных предприятий (1)
512. рабочие (1)
513. развитие (1)
514. развитие аграрного предпринимательства (1)
515. развитие кадрового потенциала (1)
516. развитие общины (1)
517. развитие эмоционального интеллекта (1)
518. ранняя помощь (1)
519. регионализация (1)
520. региональная политика (1)
521. региональная телекоммуникационная компания (1)
522. региональное развитие (1)
523. региональное сообщество (1)
524. региональный АПК (1)
525. региональный интерес (1)
526. резервы (1)
527. результативность (1)
528. реорганизация (1)
529. репутация (1)
530. ресурс государственной власти (1)
531. ресурсная база (1)
532. ресурсная концепция (1)
533. ресурсная преступность (1)
534. ресурсное обеспечение социально-политического взаимодействия (1)
535. ресурсность семьи (1)
536. ресурсный дефицит (1)
537. ресурсный обмен (1)
538. ресурсообмен (1)
539. ресурсы власти (1)
540. ресурсы здравоохранения (1)
541. ресурсы интеллектуального капитала (1)
542. ресурсы общества (1)
543. ресурсы профессии (1)
544. ресурсы развития (1)
545. реципрокность (1)
546. риски (1)
547. родительские сообщества (1)
548. родительский потенциал (1)
549. роль вуза в трудоустройстве выпускников (1)
550. российская молодежь (1)
551. российская Федерация (1)
552. российское общество (1)
553. Россия регионов (1)
554. руководители сельскохозяйственных предприятий (1)
555. руководство (1)
556. самоосуществление (1)
557. самооценка (1)
558. саморазвитие (1)
559. самореализация (1)
560. саморегуляция (1)
561. самотрансформация (1)
562. сельская молодежь (1)
563. сельская среда (1)
564. сельская территория (1)
565. сельская экономика (1)
566. сельские домохозяйства (1)
567. сельские и удаленные территории (1)
568. сельские общества (1)
569. сельский туризм (1)
570. сельское пространство (1)
571. сельское хозяйство (1)
572. сельскохозяйственная потребительская кооперация (1)
573. семейное пространство (1)
574. семейственность (1)
575. семья как объект социального обслуживания (1)
576. сетевое взаимодействие (1)
577. сетевое социальное взаимодействие (1)
578. синдром выгорания (1)
579. система "город-село" (1)
580. система исполнения наказаний (1)
581. система сбалансированных показателей (1)
582. система социального обслуживания семьи (1)
583. система стратегического

- развития (1)
584. система традиционных ценностей (1)
585. системный кризис (1)
586. системы социальной поддержки семьи (1)
587. сити-менеджер (1)
588. ситуативный подход (1)
589. ситуационные центры (1)
590. смешанное обучение (1)
591. собственность (1)
592. современные ресурсные проблемы социальных вопросов российского Дальнего Востока (1)
593. согласованные отношения (1)
594. соревнование (1)
595. состояние социальных ресурсов российского Дальнего Востока (1)
596. состязательность (1)
597. социальная безопасность (1)
598. социальная дифференциация (1)
599. социальная и материальная поддержка (1)
600. социальная инерция (зависимость от прошлого пути) (1)
601. социальная мобильность (1)
602. социальная неопределенность (1)
603. социальная подростковая среда (1)
604. социальная профилактика (1)
605. социальная работа (1)
606. социальная рациональность (1)
607. социальная система (1)
608. социальная специфика (1)
609. социальная сплоченность (1)
610. социальная среда (1)
611. социальная турбулентность (1)
612. социальная энергия (1)
613. социальное воспитание (1)
614. социальное воспроизводство (1)
615. социальное здоровье (1)
616. социальное исключение (1)
617. социальное обеспечение (1)
618. социальное отчуждение (1)
619. социальное пространство АПК и сельских территорий (1)
620. социальное развитие (1)
621. социально-психологическое благополучие (1)
622. социально-экономическая адаптация (1)
623. социально-экономическая политика (1)
624. социально-экономическая среда (1)
625. социально-экономическое неравенство (1)
626. социальные институты (1)
627. социальные качества молодежи (1)
628. социальные медиа (1)
629. социальные механизмы управления нововведениями (1)
630. социальные отношения (1)
631. социальные поля и пространства (1)
632. социальные практики (1)
633. социальные проекты (1)
634. социальные ресурсы местных сообществ (1)
635. социальные ресурсы политиков (1)
636. социальные технологии (1)
637. социальные трансформации (1)
638. социальные уровни (1)
639. социальные условия жизнедеятельности (1)
640. социальные ценности (1)
641. социальный институт (1)
642. социальный потенциал личности (1)
643. социальный статус (1)
644. социо-природно-ресурсный потенциал (1)
645. социокультурная идентификация (1)
646. социокультурные процессы (1)
647. социологическая активистская концепция (1)
648. социологический подход (1)
649. социология жизни (1)
650. социология риска (1)
651. социоресурсная организация (1)
652. социоресурсное управление (1)
653. социоресурсный подход (1)
654. социоресурсный потенциал (социоресурсный «портфель») организации (1)
655. специалист абдоминальной хирургии (1)
656. специфика социальных рисков (1)
657. спонтанная социализированность (1)
658. спортсмены-паралимпийцы (1)
659. среда обучения (1)
660. старение населения (1)
661. старший медицинский персонал (1)
662. стратегии и способы адаптации (1)
663. стратегии получения высшего образования (1)
664. стратегии развития (1)
665. стратегии совладание (1)
666. стратегический анализ (1)
667. стратегический менеджмент (1)
668. стратегическое партнерство (1)
669. стратегическое планирование (1)
670. стратегическое развитие (1)
671. стресс (1)
672. структура затрат времени на занятия в свободное время (1)
673. структура практики (1)
674. структура социального капитала (1)
675. студенты с инвалидностью (1)
676. студенческая молодежь (1)
677. студенческий спорт (1)
678. субъект РФ (1)
679. субъективное восприятие (1)
680. субъекты модернизации (1)
681. суицидальный риск (1)
682. сырьевая экономика (1)
683. тенденции (1)
684. теории старения (1)
685. теории управления (1)
686. территориальная (региональная, локальная) идентичность (1)
687. территориальная общность (1)
688. территориальная структура (1)
689. территориальное пространство (1)
690. техническая интеллигенция (1)
691. техническое образование (1)
692. технологии (1)
693. технологичность (1)
694. типизация (1)
695. типологизация (1)
696. типология (1)
697. типы семьи (1)
698. тоталитаризм (1)
699. травмы (1)
700. транзитивное общество (1)
701. трансформационная структура (1)
702. трансформация (1)
703. труд (1)
704. трудные ситуации (1)
705. трудовой потенциал (1)
706. трудовые ресурсы (1)
707. трудоустройство выпускников вуза (1)
708. туризм (1)
709. туристическая достопримечательность (1)
710. туристические достопримечательности (1)
711. удовлетворенность жизнедеятельностью в вузе (1)
712. удовлетворенность свободным временем (1)
713. уникальные ресурсы (1)
714. управление в социальной сфере (1)
715. управление взаимодействием (1)
716. управление и регулирование (1)
717. управление карьерой (1)

718. управленческая парадигма (1)
719. управленческий цикл (1)
720. управленческое решение (1)
721. упущенные ресурсы (1)
722. уровень благосостояния (1)
723. уровень занятости (1)
724. уровень образования (1)
725. условия (1)
726. успешное старение (1)
727. установки обучающихся (1)
728. устойчивость (1)
729. учащиеся (1)
730. учебно-воспитательный процесс (1)
731. уязвимости (1)
732. факторы (1)
733. факторы социодинамики (1)
734. федеральное собрание (1)
735. федеративные отношения (1)
736. фермерские хозяйства (1)
737. физическая подготовка (1)
738. физическое воспитание (1)
739. финансово-экономические механизмы (1)
740. формирование (1)
741. формы этноэкономической деятельности (1)
742. фриланс (1)
743. фронтальная и креативная экономика (1)
744. фундаментальные противоречия общественно-политической системы (1)
745. хирург (1)
746. хозяйственно-экономические ресурсы (1)
747. хозяйствующие субъекты (1)
748. ценности детей и родительства (1)
749. ценностные ориентации (1)
750. ценностные предпочтения (1)
751. ценность высшего образования (1)
752. централизм (1)
753. цивилизационная колея (1)
754. цивилизационные ловушки (1)
755. цивилизационный подход (1)
756. цивилизационный стержень (1)
757. циркуляционная теория (1)
758. цифровой паспорт гражданина (1)
759. экзистенциальность (1)
760. экзистенция (1)
761. экологические ресурсы (1)
762. экономика (1)
763. экономика народного образования (1)
764. экономическая нестабильность (1)
765. экономическая политика (1)
766. экономические различия (1)
767. экономические угрозы (1)
768. экономические факторы (1)
769. экономический анализ (1)
770. экономический капитал семьи (1)
771. экономический кризис (1)
772. экономический потенциал (1)
773. экономическое развитие (1)
774. экспортный потенциал (1)
775. экстремальные природные условия (1)
776. эмиграция (1)
777. эмоциональная устойчивость (1)
778. эмоциональное выгорание (1)
779. эмоциональный интеллект (1)
780. эпидемия (1)
781. эстетические ценности (1)
782. этапы нововведений (1)
783. этико-психологические рекомендации древних мыслителей (1)
784. этнические ресурсы (1)
785. этничность (1)
786. этнокультура (1)
787. этнонациональные отношения (1)
788. этнотуризм (1)
789. эффективность использования ресурсов (1)
790. эффективность социальных сетей (1)

Анализ информации по понятию «Социальный капитал»

Таблица ПЗ.1 – Частота проявления категорий в публикациях РИНЦ, имеющих одним их ключевых слов понятие «социальный капитал»

Категория	Частота проявления категории
человеческий капитал	502
доверие	435
социальные сети	191
гражданское общество	121
интеллектуальный капитал	116
культурный капитал	84
образование	83
инновации	80
модернизация	74
ценности	70
социальные связи	68
социальное доверие	62
экономический рост	56
регион	52
молодежь	50
качество жизни	47
институты	46
общество	46
устойчивое развитие	46
экономика	46
солидарность	45
капитал	43
культура	43
социальная сеть	42
человеческий потенциал	42
социальная политика	38
ресурсы	37
институциональное доверие	36
символический капитал	34
экономическое развитие	34
глобализация	33
социальный потенциал	33
государство	32
семья	32
социальные отношения	32
транзакционные издержки	31
межличностное доверие	30
здоровье	29

Категория	Частота проявления категории
развитие	29
социальная ответственность	29
социально-экономическое развитие	29
управление	29
социальное партнерство	28
социальные ресурсы	28
высшее образование	27
социальная мобильность	27
гражданская активность	26
организационный капитал	26
рынок труда	26
инвестиции	25
коммуникация	25
личность	25
некоммерческие организации	25
нормы	25
Россия	25
институциональная среда	24
социальное пространство	24
толерантность	24
цифровизация	24
человеческие ресурсы	24
конкурентоспособность	23
местные сообщества	23
экономический капитал	23
занятость	22
местное самоуправление	22
предпринимательство	22
социальное взаимодействие	22
социальные нормы	22
эффективность	22
взаимодействие	21
интернет	20
информационное общество	20
социализация	20
социальное управление	20
трудовые отношения	20

**Таблица ПЗ.2 – Оценка удельного веса выявленных категорий в публикациях
РИНЦ, имеющих одним их ключевых слов понятие «социальный капитал»**

Категории	Частота	Удельная частота категорий	%
Интернет; информационное общество; социализация; социальное управления; трудовые отношения	20	0,006644	0,66
взаимодействие	21	0,006976	0,69
занятость; местное самоуправление; предпринимательство; социальное взаимодействие; социальные нормы; эффективность	22	0,007308	0,73
конкурентоспособность; местные сообщества; экономический капитал	23	0,007641	0,76
институциональная среда; социальное пространство; толерантность; цифровизация; человеческие ресурсы	24	0,079734	0,79
инвестиции; коммуникация; личность; некоммерческие организации; нормы; Россия	25	0,008305	0,83
гражданская активность; организационный капитал; рынок труда	26	0,008637	0,86
высшее образование; социальная мобильность	27	0,008970	0,89
социальное партнерство; социальные ресурсы	28	0,009302	0,93
здоровье; развитие; социальная ответственность; социально- экономическое развитие; управление	29	0,009634	0,96
межличностное доверие	30	0,009966	0,99
транзакционные издержки	31	0,010299	1,03
государство; семья; социальные отношения	32	0,010631	1,06
глобализация; социальный потенциал	33	0,010963	1,09
символический капитал; экономическое развитие	34	0,011295	1,13
институциональное доверие	36	0,011960	1,19
ресурсы	37	0,012292	1,23
социальная политика	38	0,012324	1,23
социальная сеть; человеческий потенциал	42	0,013953	1,39
капитал; культура	43	0,014285	1,43
солидарность	45	0,014950	1,49
институты; общество; устойчивое развитие; экономика	46	0,015282	1,53
качество жизни	47	0,015614	1,56
молодежь	50	0,016611	1,67
регион	52	0,017275	1,73

Категории	Частота	Удельная частота категорий	%
экономический рост	56	0,018604	1,86
социальное доверие	62	0,020598	2,06
социальные связи	68	0,022591	2,26
ценности	70	0,023255	2,32
модернизация	74	0,024584	2,46
инновации	80	0,026578	2,66
образование	83	0,027574	2,76
культурный капитал	84	0,027906	2,79
интеллектуальный капитал	116	0,038538	3,85
гражданское общество	121	0,040199	4,02
социальные сети	191	0,063455	6,35
доверие	435	0,144518	14,45
человеческий капитал	502	0,166777	16,68

Число единиц счета – 3010 публикаций РИНЦ с ключевым словом «социальный капитал».

Приложение 4

Таблица П4.1– Выемка из совокупности ключевых слов за 2010–2014 гг.

№	Категория	Частота	График
1.	СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ	55	
2.	СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ	6	
3.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ	5	
4.	УПРАВЛЕНИЕ	5	
5.	ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ	4	
6.	ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ	3	
7.	СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	3	
8.	ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	3	
9.	АГРАРНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО	2	
10.	БЕДНОСТЬ	2	
11.	ВНЕШНИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ	2	
12.	ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО	2	
13.	ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	2	
14.	ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ	2	
15.	ДОВЕРИЕ	2	
16.	ИННОВАЦИИ	2	
17.	ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИЯ	2	
18.	ИНТЕРНЕТ-КОММЕРЦИЯ	2	
19.	ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ	2	
20.	ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКА	2	
21.	КАЧЕСТВО ЖИЗНИ	2	
22.	МЕТОДОЛОГИЯ	2	
23.	МОБИЛЬНЫЙ ИНТЕРНЕТ	2	
24.	НОВОВВЕДЕНИЯ	2	
25.	ОБРАЗОВАНИЕ	2	
26.	ПОИСКОВЫЙ РЫНОК	2	
27.	СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМ	2	
28.	СОЦИАЛИЗАЦИЯ	2	
29.	СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ	2	
30.	СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ	2	
31.	СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	2	
32.	СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ	2	
33.	СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	2	
34.	СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	2	
35.	ТРУДНАЯ СИТУАЦИЯ	2	
36.	УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ	2	
37.	УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ	2	
38.	ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ	2	
39.	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	2	

Таблица П5.1– Выемка из совокупности ключевых слов за 2015–2019 гг.

№	Категория	Частота	График
1.	СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ	103	
2.	СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ	16	
3.	ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ	8	
4.	МОЛОДЕЖЬ	7	
5.	РЕГИОН	5	
6.	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ	5	
7.	ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ	4	
8.	РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	4	
9.	ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА	4	
10.	ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО	3	
11.	ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	3	
12.	ДОВЕРИЕ	3	
13.	КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ	3	
14.	ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ	3	
15.	ОБРАЗОВАНИЕ	3	
16.	САМООРГАНИЗАЦИЯ	3	
17.	СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ	3	
18.	СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ	3	
19.	СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО	3	
20.	СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ	3	
21.	СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	3	
22.	УПРАВЛЕНИЕ	3	
23.	ЦЕННОСТИ	3	
24.	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ	3	
25.	АДАПТАЦИЯ	2	
26.	БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ	2	
27.	ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР	2	
28.	ДЕТИ	2	
29.	ИНДИВИД	2	
30.	ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ	2	
31.	КАЧЕСТВО ЖИЗНИ	2	
32.	КОНВЕРТАЦИЯ ФОРМ КАПИТАЛА	2	
33.	ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	2	
34.	МАССОВЫЙ СПОРТ	2	
35.	МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ	2	
36.	МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	2	
37.	НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ	2	
38.	ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА	2	
39.	ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	2	
40.	ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК	2	
41.	ПРОГНОЗИРОВАНИЕ	2	
42.	ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ	2	
43.	РАБОТНИКИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА	2	
44.	РИСК	2	
45.	СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ	2	
46.	СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА	2	

Окончание таблицы П5.1

47.	СЕМЬЯ	2	
48.	СИТУАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ	2	
49.	СОЛИДАРНОСТЬ	2	
50.	СОПРОВОЖДЕНИЕ	2	
51.	СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ	2	
52.	СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	2	
53.	СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ	2	
54.	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	2	
55.	СРЕДНИЕ ГОРОДА	2	
56.	СУБЪЕКТЫ	2	
57.	ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ	2	
58.	ТЕРРИТОРИЯ	2	
59.	ЭТНОЭКОНОМИКА	2	

Приложение 6

Таблица П 6.1– Выемка из совокупности ключевых слов за 2020–2022 гг.

№	Категория	Частота	График
1.	СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ	46	
2.	СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ	6	
3.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ	4	
4.	ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ	3	
5.	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО	3	
6.	РЕГИОН	3	
7.	СЕМЬЯ	3	
8.	ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ	3	
9.	ГЕНДЕР	2	
10.	ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК	2	
11.	ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ	2	
12.	МОЛОДЕЖЬ	2	
13.	ОПЕКА	2	
14.	ОРГАНЫ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА	2	
15.	ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО	2	
16.	СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ	2	
17.	СЕМЕЙНЫЕ СПОРЫ	2	
18.	СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА	2	
19.	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	2	

Программа прикладного социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса

Структура программы

Цель исследования заключается в выявлении влияния показателей (доход, тип поселения, уровень образования, половозрастная структура) на неоднородность формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.

Объект прикладного социологического исследования – население Ростовской области.

Предмет – мнение населения Ростовской области по вопросам социальной дифференциации и неоднородности формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области.

План исследования:

- составление программы исследования;
- определение структуры выборок на основе данных генеральной совокупности;
- формирование анкеты;
- сбор субъективной информации (анкетирование жителей Ростова-на-Дону, Таганрога, сельских поселений с последующим сравнительным анализом социальных оценок комфортности среды жизнедеятельности в крупнейшей агломерации, в крупном/большом городе и сельской местности; мнения населения по поводу удовлетворенности потребностей и отношения к проблемам территориальной общности);
- проведение обработки собранных данных;
- оценивание схожести/несхожести социальных ресурсов крупнейшей агломерации, большого/крупного города и сельских поселений;
- выводы о характере зависимости социальной дифференциации и неоднородности формирования и развития социальных ресурсов территориальных общностей Ростовской области

Гипотеза: предполагается, что тип поселения и уровень его развития определяют социальную неоднородность и формируют у членов территориальной общности различия в субъективном понимании собственного достатка, потребностей и социальных позиций.

Концептуально-методологической основой исследования стал ресурсный подход, позволивший всесторонне охватить и систематизировать оценки населения территории. Эмпирической основой исследования послужили данные, полученные в результате применения опросной методики. В ходе проведения исследования в ноябре 2022 г. – феврале 2023 г. методом анкетного опроса сбор данных проводился с помощью гнездовой выборки по трем территориальным общностям (жители г. Ростова-на-Дону; жители г. Таганрога; жители сельской местности Ростовской области). В каждой общности выделены гнезда размером по 200 человек. Это позволяет проводить сравнительный анализ при неравнозначности элементов социальной структуры (областной центр, малые города, сельские регионы), по отношению к которым нельзя использовать стратифицированный подход. Внутри гнезда проведено квотирование по трем признакам: пол, возраст, образование. Квотное распределение отражено в приложении 9. Сведения о генеральной совокупности получены по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2022 г. Из общего количества входящих в генеральную совокупность каждого города были исключены жители в возрасте до 17 лет (включительно). Далее было определено гендерное и возрастное соотношение по каждому городу. Затем на основе полученных данных составлена характеристика выборочных совокупностей (в целях проведения сравнительного анализа выборка составила 200 человек по каждой из обследуемых территориальных общностей).

Логический анализ основных понятий

Инструментарий исследования (анкета) включает вопросы, позволяющие на основе ранговой шкалы и номинальной шкалы произвести оценку ситуации и определить проблемы развития социальных ресурсов города.

Операционализация понятий

Под социальными ресурсами территориальной общности понимается совокупность характеристик территориальной общности, позволяющая удовлетворять социальные потребности данной социальной группы, решать социальные проблемы и, при рациональном использовании, эффективно достигать поставленных индивидуальных и групповых целей.

Институциональная среда – это совокупность основополагающих принципов и правил, легитимированных территориальным социальным порядком, определяющих рамки поведения членов территориальной общности.

Таблица П 7.1– Эмпирические индикаторы

Задача	Индикаторы	Тип шкалы	Номер вопроса в анкете
<i>Восприятие респондентами ситуации в Ростовской области. Оценка жизненного пространства среды, в качестве которого предстает перед человеком территориальная общность</i>	Уровень привлекательности Ростовской области для проживания	Порядковая	1
	Желание респондента дальше жить в этой области и вносить свой вклад в развитие данной территории	Номинальная	5
	Основные проблемы территории, которые беспокоят лично респондента (в перечень были включены все основные проблемы, выявленные в проведенном выше теоретическом обзоре исследователей, работавших ранее над данной проблематикой)	Номинальная	2
	Тип взаимоотношений, который преобладает у жителей территории/региона и прибывшего населения (мигранты, переселенцы)	Номинальная	4
<i>Развитие региона</i>	Уровень эффективности деятельности региональной власти	Порядковая	7
	Социальные структуры и институты, которым доверяет респондент	Номинальная	6
	Перспективы развития социально-экономической ситуации в области на ближайшие два-три года	Номинальная	15
	Барьеры, которые мешают развиваться региону	Номинальная	3
В этом перечне первый и второй индикаторы позволят определить миграционные процессы (главным образом, потенциально возможный отток жителей области). Пункт 3 раскрывает те проблемы, которые мешают респонденту воспринимать территорию как комфортную среду для жизнедеятельности. Последний вопрос (четвертый в приведенном списке) отражает характер отношения жителей региона с переселенцами. Он позволяет определить уровень конфликтности/ терпимости к мигрантам. Следующие 4 пункта показывают оценку развития региона через деятельность органов управления, действующих на региональном уровне, доверие к социальным институтам.			
<i>Оценка состояния социальных ресурсов личности</i>	Оценка способности контролировать собственную жизненную среду и уровень субъектности респондента	Номинальная	8
	Преимущества социального происхождения (стартовый капитал)	Номинальная	10
	Оценка адаптивности семьи	Номинальная	14
	Оценка составляющих социального ресурса личности, играющих решающую роль при формировании конкурентоспособной личности и достижения социального успеха	Номинальная	13
	Уровень удовлетворенности потребностей Оценка удовлетворенности производится по 15 потребностям, входящим в пирамиду А. Маслоу. В том числе, оцениваются потребности: материальные;	Порядковая	11

	культурные; в образовании; в трудовой деятельности; в досуге; в самореализации; в общении; в безопасности; в сохранении здоровья; физиологические (в пище, одежде, жилье); в стабильности жизни; в гарантии занятости; в дружбе и привязанности; в признании заслуг; в творчестве и инновациях. Анализ этих данных позволит определить уровень актуализации потребностей в социально-экономической среде территориальной общности.		
<i>Рефлексия своей жизнедеятельности, удовлетворенности потребностей и оценка собственного социального положения</i>	Оценка финансовых возможностей семьи респондентов	Номинальная	9
	Оценка материального положения	Порядковая	12
Оценка материального положения позволяет провести ретроспективный анализ (отследить динамику изменения восприятия своего материального положения в период 10 лет назад, 5 лет назад, 3 года назад и сравнить его с ситуацией, имевшей место в 2022 г.). Одним из наиболее важных вопросов в анкете, на наш взгляд, является вопрос о составляющих социального ресурса личности, играющих решающую роль при формировании конкурентоспособной личности и достижения социального успеха. Для ответа на этот вопрос используется номинальная шкала. Шкальные значения для этого вопроса представляют собой составляющие списка, приведенного В.А. Ядова. Ответ респондентов позволит выявить наиболее эффективные инструменты социального пространства, позволяющие повысить свою конкурентоспособность и успешность. Указанные выше вопросы позволяют осуществить измерение состояния социальных ресурсов территориальной общности. Ряд вопросов в анкете респондентам предлагается оценить по пятизначной порядковой шкале (показывает монотонное возрастание шкальных значений). Пятизначная порядковая шкала имеет пять делений. Такая шкала применялась в анкете для ранжирования ответов на вопрос «Опишите ваше материальное положение». Первое значение на шкале обозначает максимально выраженный признак, последнее – минимально выраженный: – хорошее – 1; – скорее хорошее – 2; – затрудняюсь ответить – 3; – скорее плохое – 4; – плохое – 5. Помимо пятизначной порядковой шкалы в анкете применялась трехзначная порядковая шкала. Она имеет всего три деления, позволяя фиксировать положительный, нейтральный (промежуточный, неопределенный) и отрицательный ответ. В таком формате респондентам задавался вопрос об уровне удовлетворенности их потребностей. Например: «Удовлетворены ли ваши материальные потребности?» – да, удовлетворены – 1; – затрудняюсь ответить – 2; – нет, неудовлетворены – 3. Таким образом, выбирая один из альтернативных ответов, респондент определял уровень своей удовлетворенности отдельно по каждой из 15 потребностей, являющихся элементами пирамиды А. Маслоу.			

Далее обратимся к вопросам «паспортички». Ранее было выявлено существенное влияние стратификационных процессов на развитие социальных ресурсов, поэтому в анкету был включен вопрос о социальном положении респондента, предполагающий стандартную градацию по пяти уровням (высший класс; выше среднего; средний класс; ниже среднего; низший класс).

Так как «естественные ресурсы» существенно влияют на развитие территориальной общности, то в «паспортичку» анкеты были вставлены традиционные вопросы, позволяющие определить социальный портрет респондента (пол, возраст, образование, семейное положение, количество детей, вид деятельности). Для формирования объективной основы для понимания материального положения респондента в «паспортичку» был помещен вопрос об уровне ежемесячного дохода, в среднем приходящегося на каждого члена семьи. Для формализации последующего анализа данных по этому вопросу обратимся к классификации Г. Кана, которая делит общества по уровню развития в зависимости от уровня среднедушевого дохода¹⁶⁶:

- а) доиндустриальные общества – это общества со среднедушевым доходом 50–200 долл.;
- б) частично индустриальные общества – 200–600 долл.;
- в) развитые индустриальные общества – 1500–4000 долл.;
- г) постиндустриальные – это общества, где среднедушевой доход превышает 4000 долл.

Таблица П7.2– Определение шкальных значений по уровню дохода

Классификация Г. Кана		Значение шкалы доходности нашего исследования		Примечание
общество	среднедуше- вой доход (долл.)	переходные значения	итоговые значения шкалы (тыс. руб.)	
Доиндуст- риальное	50–200	За минимальную границу берем мини- мальный прожиточный уровень	Менее 11,9	200 долл. равно 12,5 тыс. руб.
Частично индустри- альное	200–600	От прожиточного минимума до 400 долл.	От 11,9 до 25	Учитывая низкодоходность населения, этот интервал разобьем на три; 400 долл. = 25 тыс. руб.
–	–	От 400 долл. до 600 долл.	От 25,1 до 37,4	В качестве промежуточной границы будем считать уро- вень среднедушевого дохода (37,4 тыс. руб.)
–	–	От 600 долл. до 1500 долл.	От 37,5 до 93,6	600 долл. = 37,5 тыс. руб. 1500 долл. = 93,6 тыс. руб.
Развитое индуст- риальное	1500–4000	Свыше 1500 долл.	Свыше 93,6	Учитывая низкодоходность населения, верхнюю границу не устанавливаем
Постин- дустриальное	Превышает 4000	–	–	При наличии респондентов с таким уровнем доходов их численность будет статистически незначима

Для того чтобы сформировать шкалу среднедушевой доходности, используем следующие данные:

- минимальный прожиточный уровень на август 2022 г. составил 11,895 тыс. руб.;
- среднедушевой доход на август 2022 г. составил 37,361 тыс. руб.;
- официальный курс доллара на август 2022 г. составил 62,38 руб.

Полученные в ходе исследования результаты позволят определить, к какому классу общества относится изучаемое территориальное сообщество.

¹⁶⁶ Приводится по: Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. С. 59.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АНКЕТА

Приглашаем вас принять участие в опросе, посвященном проблеме развития социальных ресурсов Ростовской области. Просим выбирать один ответ на вопрос, если не указано иное

- 1. Оцените уровень привлекательности Ростовской области для проживания:**
 1) высокий 2) средний 3) низкий
- 2. Основные проблемы территории, которые беспокоят лично вас (не более пяти вариантов):**
 1) состояние медобслуживания
 2) безработица, проблемы с трудоустройством
 3) слабая инфраструктура региона (транспорт, состояние дорог, связь)
 4) низкий уровень заработной платы
 5) экологическая ситуация
 6) недостаточно развита сфера досуга (театры, спортивные комплексы, парки и пр.)
 7) коррупция и преступность
 8) преодоление бедности и социального неравенства
 9) уровень и качество жизни
 10) межэтнические отношения
 11) развитие науки и образования
 12) проблемы мигрантов, переселенцев
 13) упадок производства и сельского хозяйства
 14) алкоголизм, пьянство населения
 15) политико-правовые проблемы
 16) проблемы федерального, общегосударственного управления
 17) личные экономические проблемы
 18) другое
- 3. Что мешает развиваться региону:**
 1) недостаточный уровень образования и квалификации населения
 2) эгоистические интересы жителей
 3) падение морали и нравственности
 4) «пробелы» в законодательной базе
 5) технологическое отставание промышленности и производства
 6) другое (укажите) _____
- 4. Какой тип взаимоотношений преобладают у жителей Вашей территории/региона и прибывшего населения (мигранты, переселенцы):**
 1) преобладают отношения взаимопомощи и поддержки
 2) чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим
 3) преобладают напряженные, неприязненные, конфликтные отношения
 4) затрудняюсь ответить
- 5. Хотите ли вы и дальше жить в этой области и вносить свой вклад в развитие территории:**
 1) да 2) затрудняюсь ответить 3) нет
- 6. Кому вы доверяете (не более пяти вариантов):**
 1) органам местной власти
 2) учреждениям здравоохранения
 3) учреждениям науки и образования
 4) учреждениям культуры
 5) СМИ
 6) органам социальной защиты

- 7) друзьям
 8) семье, родным
 9) полиции, судам
 10) представителям областной власти
 11) руководству своей организации (где работаете или учитесь)
 12) сетевым интернет-сообществам
 13) соседям
- 7. Оцените эффективность деятельности региональной власти**
 1) высокая 2) средняя 3) низкая
- 8. С каким из утверждений вы согласны:**
 1) я самостоятельно справлюсь со всеми проблемами и достигну успеха
 2) я справлюсь с проблемами если мне помогут близкие и друзья
 3) я справлюсь с проблемами при условии, что мне помогут местные органы власти
 4) я справлюсь с проблемами только если мне поможет государство
- 9. Оцените финансовые возможности вашей семьи:**
 1) мы можем себе ни в чем не отказывать
 2) в принципе, мы могли бы накопить на квартиру или хороший автомобиль
 3) нашего дохода хватает на нормальную жизнь, можем кое-что откладывать
 4) на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды и обуви становится проблемой
 5) мы живем от зарплаты до зарплаты, иногда не хватает на самое необходимое
- 10. Способствовала ли ваша семья (полученное воспитание, статусное и материальное обеспечение) достижению социального успеха и развитию ваших способностей:**
 1) да 2) затрудняюсь ответить 3) нет
- 11. Удовлетворены ли ваши потребности:**

	да	затрудняюсь ответить	нет
материальные	1	2	3
культурные	1	2	3
в образовании	1	2	3
в трудовой деятельности	1	2	3
в досуге	1	2	3
в самореализации	1	2	3
в общении	1	2	3
в безопасности	1	2	3
в сохранении здоровья	1	2	3
физиологические (в пище, одежде, жилье)	1	2	3
в стабильности жизни	1	2	3
в гарантии занятости	1	2	3
в дружбе и привязанности	1	2	3
в признании заслуг	1	2	3
в творчестве и инновациях	1	2	3

12. Оцените ваше материальное положение сейчас и в прошлом:

	хорошее	скорее хорошее	затруд- няюсь ответить	скорее плохое	плохое
в 2022 г.	1	2	3	4	5
3 года назад	1	2	3	4	5
5 лет назад	1	2	3	4	5
10 лет назад	1	2	3	4	5

13. Что, на ваш взгляд, играет решающую роль при формировании конкурентоспособной личности и достижения социального успеха (можно выбрать не более 5 вариантов)

- 1) семья (помощь, социальное происхождение, обеспечивающие стартовый капитал)
- 2) хорошее образование и квалификация
- 3) трудолюбие и целеустремленность
- 4) обширные социальные и межличностные связи
- 5) профессиональные амбиции и карьерные устремления
- 6) планирование жизни, способность контролировать собственную жизненную среду
- 7) высокая самооценка и саморазвитие
- 8) проживание в регионе с развитой экономикой
- 9) готовность к риску
- 10) принадлежность к конкретной религиозной конфессии
- 11) определенный тип предпринимательского мышления и сознания
- 12) состояние здоровья и развитая медицина
- 13) активное владение иностранным языком
- 14) принадлежность к конкретной национальности

14. К какой группе вы отнесете свою семью:

- 1) те, кому удалось использовать новые возможности
- 2) те, кому приходится вертеться, чтоб обеспечить себе достойную жизнь
- 3) те, кто живут, как раньше
- 4) те, кто свыклись с тем, что пришлось отказаться от прежнего образа жизни
- 5) те, кто не может приспособиться к новым условиям

15. Оцените перспективы развития социально-экономической ситуации в области на ближайшие два-три года:

- 1) улучшится
- 2) ухудшится
- 3) не изменится

В заключение несколько слов о себе

16. Пол:

- 1) мужской
- 2) женский

17. Ваш возраст:

- 1) до 29 лет включительно
- 2) 30–39 лет
- 3) 40–49 лет
- 4) 50 лет и старше

18. Образование:

- 1) высшее
- 2) незаконченное высшее
- 3) среднее специальное
- 4) среднее (полное) общее
- 5) неполное среднее и ниже

19. Ваш вид деятельности:

- 1) учусь на дневном отделении
- 2) безработный
- 3) работаю
- 4) пенсионер

20. Ваше семейное положение:

- 1) состою в браке
- 2) не состою в браке

21. Количество детей в вашей семье:

- 1) детей нет
- 2) один ребенок
- 3) два ребенка
- 4) три и более

22. Укажите средний уровень дохода в вашей семье, приходящийся на одного человека в месяц:

- 1) менее 11,9 тыс. руб.
- 2) от 11,9 до 25 тыс. руб.
- 3) от 25,1 до 37,4 тыс. руб.
- 4) от 37,5 до 93,6 тыс. руб.
- 5) свыше 93,6 тыс. руб.

23. Определите социальное положение вашей семьи:

- 1) высший класс
- 2) выше среднего
- 3) средний класс
- 4) ниже среднего
- 5) низший класс

24. Место проживания:

- 1) Ростов-на-Дону
- 2) Таганрог
- 3) сельский населенный пункт Ростовской области

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ!!!

Таблица 9.1– Квотная выборка по трем признакам (пол, возраст, образование)

Населенный пункт	Мужчины															Женщины															Итого										
	18–29 лет					30–39 лет					40–49 лет					50+ лет					18–29 лет					30–39 лет						40–49 лет					50+ лет				
	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V		I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V
Ростов-на-Дону	5	2	6	2	0	6	2	8	3	0	4	0	9	2	1	11	0	21	6	3	6	3	4	3	1	7	1	9	3	0	5	0	8	4	1	15	0	31	6	2	200
Таганрог	4	4	6	1	0	5	0	9	3	0	4	0	7	4	0	10	0	19	13	0	5	4	8	0	0	6	1	9	5	0	6	0	9	2	0	17	0	27	10	2	200
Сельские регионы	3	2	8	3	0	4	2	8	4	0	6	0	7	2	0	12	0	19	9	0	3	3	7	4	0	3	1	9	5	0	6	0	8	3	0	18	0	28	11	2	200
Итого	12	8	20	6	0	15	4	25	10	0	14	0	23	8	1	33	0	59	28	3	14	10	19	7	1	16	3	27	13	0	17	0	25	9	1	50	0	86	27	6	600

В каждой ячейке указано количество респондентов в каждом населенном пункте с учетом сочетания их пола, возраста и образования.

В таблице I, II, III, IV, V соответствуют следующим уровням образования:

I – высшее;

II – незаконченное высшее;

III – среднее специальное (профессиональное);

IV – среднее (полное) общее;

V – неполное среднее и ниже.

Социально-экономические характеристики
населения Ростовской области

Таблица П10.1 – Гендерно-возрастная структура¹⁶⁷

Возраст, лет	Мужчины (100%)	Женщины (100%)
0–4	5,4	4,5
5–9	5,8	4,5
10–14	4,9	4,1
15–19	5,0	4,0
20–24	6,1	5,3
25–29	8,8	7,3
30–34	8,4	6,9
35–39	7,5	6,8
40–44	6,9	6,2
45–49	6,6	6,0
50–54	7,5	7,4
55–59	7,5	8,3
60–64	7,0	7,7
65–69	5,3	6,5
70–74	2,2	3,8
75–79	3,0	6,4
80+	2,1	4,3

Таблица П10.2 – Гендерное соотношение по возрастным группам

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
0–4	50,4	49,6
5–9	52,0	48,0
10–14	49,3	50,7
15–19	50,9	49,1
20–24	48,8	51,2
25–29	50,0	50,0
30–34	50,3	49,7
35–39	47,8	52,2
40–44	48,0	52,0
45–49	47,7	52,3
50–54	45,6	54,4
55–59	43,0	57,0
60–64	43,2	56,8
65–69	40,2	59,8
70–74	32,3	67,7
75–79	28,4	71,6
80+	29,1	70,9

¹⁶⁷ Зарплаты, вакансии, цены, пенсии, население, недвижимость. URL: <https://bdex.ru/naselenie/rostovskaya-oblast/> (дата обращения: 21.09.2024).

Таблица П10.3. – Миграционный прирост / убыль населения¹⁶⁸

Год	Миграционный прирост
2014	4896
2015	1602
2016	5035
2017	1907
2018	-2390
2019	13518
2020	13241
2021	15022

¹⁶⁸ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года / Официальный портал Ростовской области. URL: <https://donland.ru/activity/2158/#pril429> (дата обращения: 21.09.2024).

Таблица П 11.1– Средняя заработная плата некоторых населенных пунктов
Ростовской области¹⁶⁹

Населенный пункт	Средняя заработная плата
Ростов-на-Дону (город)	52 770
Таганрог (город)	44 950
Багаевская (станция)	39 090
Вешенская (станция)	39 090
Глубокий (рабочий поселок)	39 090
Кагальницкая (станция)	39 090
Матвеев Курган (поселок)	39 090
Покровское (село)	39 090
Родионово-Несветайская (слобода)	39 090
Тарасовский (поселок)	39 090
Тацинская (станция)	39 090
Чалтырь (село)	39 090

¹⁶⁹ Источник: <https://bdex.ru/rostovskaya-oblast/> (дата обращения 01.03.2023).